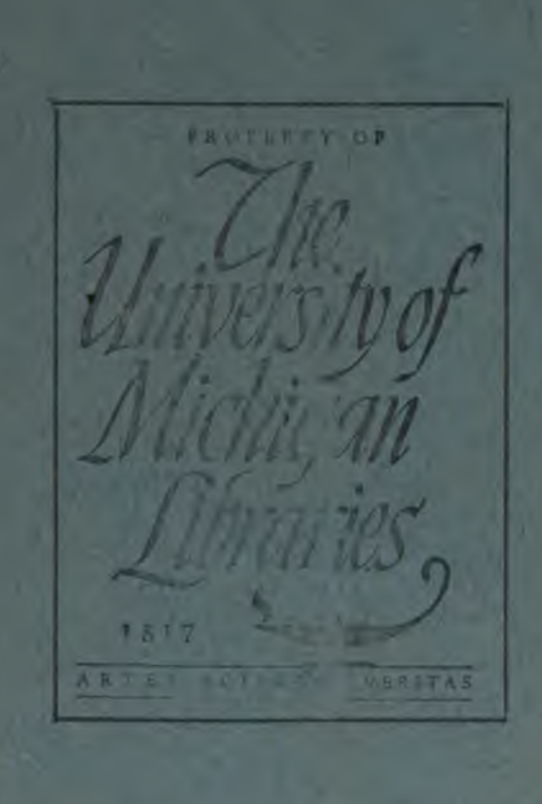
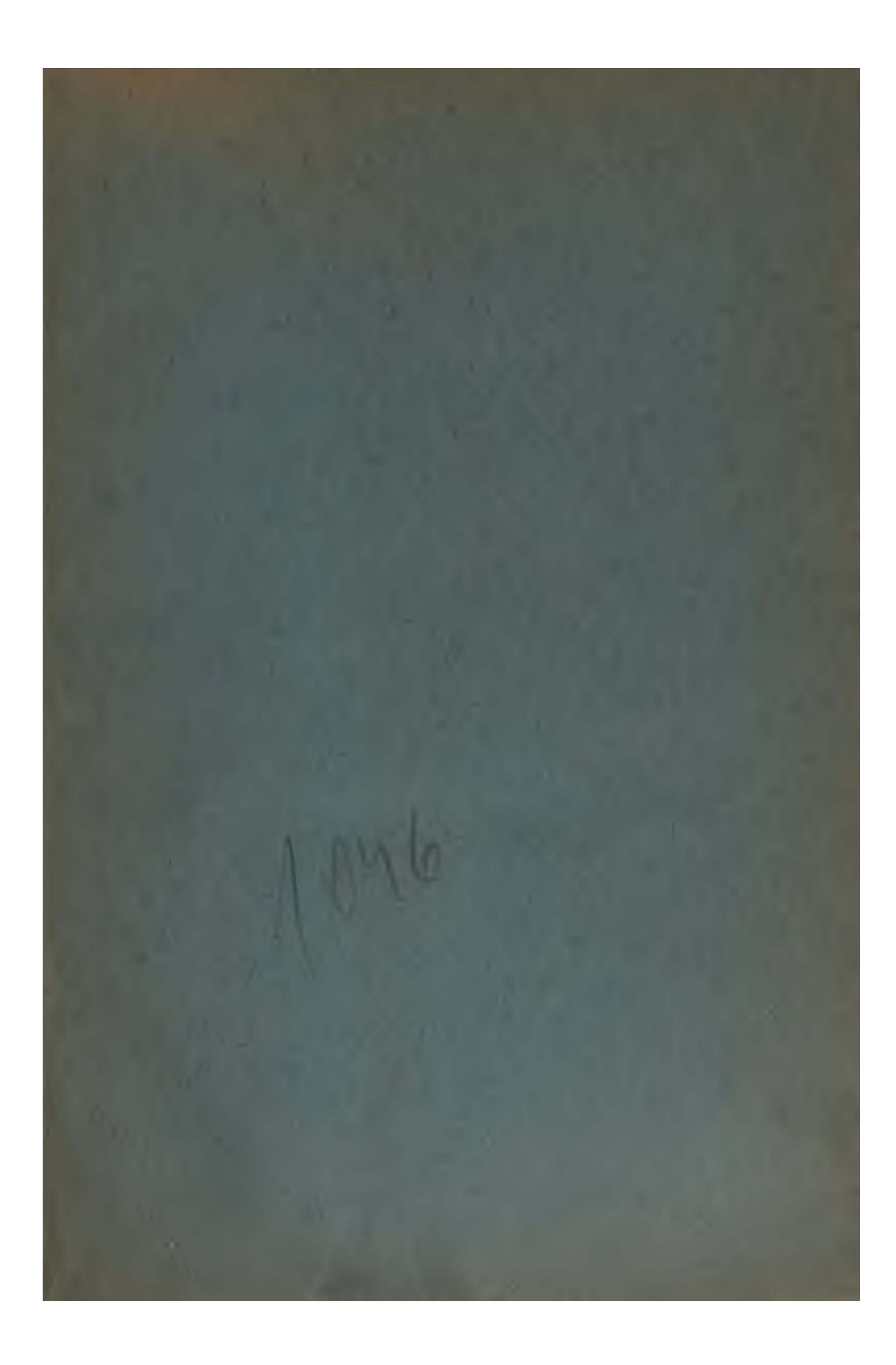

BX
599
.D58
A 459240

PROPERTY OF
The University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

Закавказскіе сектанты.

Закавказскіе сектанты.

ЗАКАВКАЗСКІЕ СЕКТАНТЫ

ВЪ ИХЪ СЕМЕЙНОМЪ И РЕЛИГІОЗНОМЪ БЫТУ.

Николая Дингельштедтъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О. 2 л., 7.

1885.

1055

Отъ автора.

Извѣстный знатокъ русскаго раскола, Мельниковъ, говоритъ, что нужно изучать расколъ въ живыхъ проявленіяхъ, преданіяхъ, повѣрьяхъ; нужно изучать обычаи раскольниковъ, узнать воззрѣнія разныхъ раскольничьихъ толковъ на міръ духовный и житейскій, на внутреннее устройство ихъ общинъ. Нужно, говоритъ онъ, стать лицемъ къ лицу съ расколомъ и тогда анализъ возможенъ... (Письма о расколѣ, 1—15).

Предлагаемая книга, частью уже появившаяся въ печати (Отеч. Зап. за 1878 годъ и др.), представляетъ рядъ картинъ, списанныхъ съ натуры. Читатель можетъ по этимъ картинамъ ознакомиться съ ученіемъ и бытомъ нѣкоторыхъ сектъ на Кавказѣ. Наибольшее мѣсто отведено ученію прыгуновъ, менѣе другихъ извѣстному и возникшему на кавказской почвѣ.

Имѣя въ рукахъ много рукописныхъ сектантскихъ сочиненій, я не считалъ удобнымъ ни печатать ихъ цѣликомъ, ни дѣлать изъ нихъ значительныхъ выписокъ, такъ какъ всѣ эти сочиненія, во-первыхъ, достаточно скучны, громоздки и безсодержательны, а во-вторыхъ, наполнены подчасъ такими дикими мыслями и разсужденіями, которыя едва ли подлежатъ серьезному анализу. Я предпочелъ описать все лично мною видѣнное и слышанное, избѣгая всякой полемики съ сектантами.

Всякія препирательства съ этими заблудшимися овцами, по мнѣнію моему, безцѣльны. На поискахъ истинной вѣры, всегда неудовлетворенные, всегда преисполненные разныхъ несбыточныхъ, но успокоительныхъ надеждъ на торжество своего ученія, эти злополучные искатели *истинной вѣры* еще на долго обречены оставаться жертвами своей безграмотности, невѣжества и упорства. Только одно спасительное просвѣщеніе можетъ ихъ освободить отъ старыхъ и избавить отъ новыхъ заблужденій и, очистивъ ихъ разумъ отъ всякихъ нелѣпостей, указать имъ дорогу къ свѣту. .

Оглавленіе.

		стр.
I.	Первые прыгуны въ Закавказьѣ	1
II.	Откуда взялись прыгуны	16
III.	Откуда взялось прыганье	42
IV.	Максимъ Рудометкинъ	61
V.	Преемникъ Рудометкина	77
VI.	Затишье среди сектантовъ	86
VII.	Прыгунскія пѣсни	98
VIII.	Долина Цвѣтовъ	123
IX.	Прыгунскія жертвоприношенія	158
X.	Емельянъ Телѣгинъ	184
XI.	Домна	213
XII.	Жертвы религіознаго броженія	233

I.

Первые прыгуны въ Закавказьѣ.

Лѣтъ 30—35 назадъ, во многихъ селеніяхъ средней Россіи стало быстро распространяться такъ называемое молоканское ученіе. Полиція и духовенство встревожились. «Замолоканившіе» крестьяне упорствовали, и скоро власти свѣтскія и духовныя окончательно убѣдились, что отщепенцы все болѣе и болѣе укрѣпляются въ лжеученіи и съ пути сего сойти не желаютъ.

Порѣшили выслать значительную часть заблудшихся административнымъ порядкомъ за Кавказъ, гдѣ и разселить, по указаніямъ мѣстнаго начальства. Распродавъ свои пожитки, забравъ все что можно, переселенцы, длинными караванами, потянулись на югъ и, послѣ долгихъ странствованій, прибыли за Кавказъ, въ Эриванскую губернію, гдѣ ихъ и разселили на возвышенной плоскости Гокчинскаго озера. Мѣста для поселеній были большею частью выбраны самими же переселенцами. Ихъ соблазнила роскошная растительность, прохладный воздухъ, близость воды и лѣса, а также тучныя пастбища Гокчинской равнины. Суровая зима ихъ нисколько не пугала.

Извѣстно, что благодатная почва и климатъ Закавказья созданы на всѣ вкусы и могутъ одинаково удовлетворить и наклонностямъ обитателя сѣверныхъ странъ и потребностямъ юго-

жителя. Есть мѣста съ климатомъ почти тропическимъ, есть такія, гдѣ климатъ подобенъ климату средней полосы Россіи и, наконецъ, есть значительныя пространства, гдѣ суровая зима длится 4—5 мѣсяцевъ, гдѣ завываютъ бури, свирѣпствуютъ мятели и вьюги и гдѣ теплая шуба, шапка и теплые сапоги или валенки составляютъ необходимую принадлежность костюма.

Сектанты избрали для своихъ поселеній исключительно мѣста послѣдняго характера, а потому, безъ всякой ломки, и почти безъ всякихъ уступокъ своимъ еще прежде заведеннымъ порядкамъ, перенесли сюда цѣликомъ почти всѣ свои прежніе домашніе и хозяйственные обычаи. И по переселеніи на крайній югъ имъ не пришлось оставлять ни валенокъ, ни мохнатыхъ шубъ, ни мохнатыхъ шапокъ. Не пришлось имъ также обходиться безъ саней и розвальней, да и все прочее житье-бытье ихъ какъ нельзя лучше примѣнилось къ новой мѣстности—что, конечно, на первое время, не мало облегчало сектантамъ и тягость переселенія и горечь ссылки и разлуки.

Сектанты не пожелали занять подъ свои поселенія ни тѣхъ низменностей, гдѣ съ успѣхомъ произрастаютъ хлопокъ и рисъ, ни тѣхъ искусственно орошаемыхъ пространствъ, гдѣ безъ поливки не произрастаетъ ничего и гдѣ, кромѣ искусства управлять сохою и плугомъ, требовалось еще искусство управлять лопатой при орошеніи поля—и гдѣ, наконецъ, болѣе всего требовалось смотрѣть въ-оба и не прозѣвать очереди поливки, подъ страхомъ лишиться всѣхъ посѣвовъ. Они отказались отъ выгодъ и пріятностей разведенія винограда, отказались отъ посѣвовъ чалтыка и клещевины и предпочли сѣять ячмень, просо, ленъ, конопли и гречиху. Пришлось, правда, разстаться съ знакомыми посѣвами ржи и овса,—но и это было нисколько для нихъ не накладно и переселенецъ не только скоро вошелъ во вкусъ пшеничнаго хлѣба, но, по примѣру туземца, сталъ своихъ лошадей кормить ячменемъ, находя даже, что такъ лучше, что скорѣе добрѣетъ скотина.

Сектанты разсудили, что хотя виноградъ и рисъ дѣйствительно хорошія достойныя ихъ вниманія вещи, но пить вино имъ, все равно, воспрещалось и потому разведеніе винограда уже не представляло большихъ выгодъ. Еще менѣе пожелали они, по примѣру туземцевъ, стоя по колѣни въ водѣ, и напуская воду на рисовыя поля, запасаться на зиму не только рисомъ, но и злокачественными лихорадками и, даже по прошествіи многихъ лѣтъ, сектанты продолжали довольствоваться говядиной и гречневой кашей и совсѣмъ не вошли во вкусъ ни баранины, ни плова, ни всякихъ травъ, составляющихъ самую суть пищи туземца.

Словомъ, въ отношеніи своего хозяйственнаго быта, сектантъ - переселенецъ почти никакихъ измѣненій не сдѣлалъ и, перемѣнивъ только мѣсто дѣйствія, да окружающую обстановку, да переставъ созерцать колокольню родной церкви и слышать окрестъ одну русскую рѣчь, принялся сразу за ту же работу и тѣ же тягости, которыя несъ тамъ, откуда пришелъ.

Новопоселенцевъ окружала сплошная масса армяно-татарскаго населенія. Спустя 30 лѣтъ послѣ завоеванія, край пребывалъ въ томъ же невѣжествѣ, какъ и въ персидскую эпоху. Армяне, слѣдуя природному влеченію, занялись торговлей и прославили свое имя, какъ ненасытные искатели наживы. Мусульмане покорно слѣдовали корану и не думали дѣлать какихъ-либо уступокъ просвѣщенію. Ихъ медресе (школы), муллы, муэдзины, ихъ чадрами покрытыя женщины и чалмоносные сеиды, словомъ, весь ихъ глубоко-азіатскій строй домашней и общественной жизни не потерпѣлъ отъ руки завоевателей ни малѣйшихъ измѣненій. Объ обрусеніи края не было и рѣчи. Незначительная часть молодыхъ туземцевъ-мусульманъ, пройдя чрезъ кадетскіе корпуса, побывавъ въ конвоѣ и окунувшись въ столичную жизнь, возвращались на родину, не неся съ собой никакой цивилизаціи. Съ живѣйшею готовностью эти туземцы вновь

надѣвали коши *), обривали головы, заводили жену, другую и третью и погружаясь въ созерцаніе кальяннаго дыма и прелестей разныхъ Гюльнаръ, Ширинокъ, Хейранисъ и Тукабзанъ нечувствительно переходили къ идіотизму. Мусульманство втягивало въ себя. Крайнія уступки, на которыя рѣшались у себя, на родинѣ смѣлѣйшіе изъ вкусившихъ отъ Петербурга, было ношеніе сапогъ, небритье головы, введеніе ножей и вилокъ взамѣнъ перстовъ и въ особенности потребленіе шампанскаго.

Народъ, безспорно болѣе спокойный и обезпеченный подъ властью Россіи, жилъ совершенно прежнею жизнью и ни о какомъ сближеніи съ центромъ не помышлялъ. Нѣсколько туземцевъ-мусульманъ и множество туземцевъ-армянъ пошли въ чиновники и, заселивъ разныя канцеляріи, стали, по крайнему своему разумѣнію, силѣ и возможности, увѣчить русскую орѳографію, а вмѣстѣ съ тѣмъ служить единственными истолкователями и нуждъ народа и стремленій правительства.

Въ отношеніи внутренняго управленія, край, какъ извѣстно, состоялъ на особомъ положеніи. Задавленный персидскимъ деспотизмомъ народъ отдыхалъ. Все вмѣшательство властей пока ограничивалось принятіемъ мѣръ къ исправному взносу податей и повинностей, уничтоженію мелочныхъ злоупотребленій и привлеченію симпатій народовъ особыми мѣрами поощренія достойнѣйшихъ и почетнѣйшихъ туземцевъ.

Дѣятельность суда была парализована шаріатомъ; дѣятельность полиціи парализовалась всѣми условіями туземнаго и особенно мусульманскаго быта, всѣми свойствами народа и долго нескрываемаго имъ отчужденія отъ новыхъ властителей. Только взиманіе доходовъ облеклось въ правильную форму, да увеличилась общественная безопасность и затѣмъ на пользу просвѣщенія, промышленности, земледѣлія, путей сообщенія и са-

*) Мѣстная обувь.

нитарной части не было, въ эпоху появленія сектаторовъ въ Закавказьѣ, сдѣлано ничего или почти ничего.

Въ этомъ краѣ безъ переводчика или искусной пантомимы нельзя было въ то время перемолвить ни слова ни съ однимъ туземцемъ. Пришлецы русскіе оставались сами по себѣ, туземцы тоже сами по себѣ и связующимъ между ними элементомъ служили только водворившіеся въ канцеляріяхъ искатели чиновныхъ благъ изъ числа мѣстныхъ уроженцевъ.

Сюда-то сослали непокорныхъ тамбовскихъ и саратовскихъ «кривотолковъ» и, причисливъ всѣхъ этихъ новопоселенцевъ къ сектамъ «особенно-вреднымъ» — предоставили закавказской полиціи искоренять изъ нихъ то, чего не могъ искоренить ни мѣстный отецъ Иванъ, ни мѣстный становой и исправникъ.

Полагалось, что наименьшій вредъ эти *вредные* люди принесутъ именно здѣсь, окруженные сплошною армяно-татарскою массою. Тутъ хотя сектаторская пропаганда и не была страшна для православія, но все-таки свободное отправленіе обрядовъ было разрѣшено лишь родившимся въ расколѣ; всякое вербованіе прозелитовъ, изъ кого бы то ни было, строго воспрещалось и безусловно каралось всякое, такъ-называемое, *публичное оказательство раскола*.

Въ «Наставленіи», прежде всего, требовалось, чтобы со стороны раскольниковъ не было публичнаго оказательства раскола, соблазнительнаго для православія; также запрещалось: «такое пѣніе внутри моленъ, которое было бы слышно внѣ оныхъ», и возбранялось торжественное совершеніе браковъ, погребеній и пр. и пр.; однимъ словомъ, запрещалось, возбранялось и не допускалось многое, безъ чего сектанты, по ихъ крайнему разумѣнію, обойтись не могли.

И по духу своихъ вѣрованій, и вслѣдствіе толчковъ неблагосклонной судьбы, выселенные изъ внутренней Россіи сектанты и такъ были своего рода мыслителями. Наклонные къ мистицизму, лишенные всѣхъ способовъ умственнаго развитія и,

къ тому же, увѣщеваемые полицейскимъ порядкомъ, новые поселенцы-молокане скоро додумались еще до новаго ученія. Изъ нѣкоторыхъ молоканскихъ собраній выдѣлились наиболѣе усердные молельщики и сдѣлали свое собственное «собраніе». Придерживаясь правилъ молоканства, они исполняли эти правила гораздо строже. Переходя отъ поста къ молитвѣ и отъ молитвы къ посту, выдѣлившіеся изъ молоканства «ревнители истинной и чистой вѣры», какъ они себя называли на первыхъ порахъ,—скоро дошли до прямаго общенія съ духомъ. Духъ сходилъ такъ, что осѣненные имъ, тутъ-же, въ собраніи, начинали дрожать, кривляться, ломаться и наконецъ прыгать, и полиція не замедлила довести до свѣдѣнія кого слѣдуетъ, что къ существующимъ вреднымъ толкамъ присоединился еще одинъ таковой, именуемый *прыгунствомъ*.

Это случилось въ 1852 году.

Мысль, поближе узнать этихъ вредныхъ людей, поближе ознакомиться съ предполагаемымъ отъ нихъ вредомъ и узнать самую сущность ихъ вреднаго толка, оказалась не легко осуществимою. Нужно было прежде всего преодолѣть все то недовѣріе, которое вызываетъ въ сектантѣ вообще всякій чиновникъ и, на этотъ разъ, спеціально чиновникъ судья, поселившійся среди нихъ и призванный охранять законъ отъ нарушенія. По всѣмъ справкамъ оказывалось, однако, что новые вредные люди, выдѣлившись изъ молоканства, отличаются и большею строгостью нравовъ, и большимъ рвеніемъ въ постѣ и молитвѣ. Ни пьянства, ни сквернословія, ни надувательства, ни лжи, ни обмановъ между ними не существовало. Приписываемыя имъ, по разсказамъ молоканъ, разныя безобразія, будто бы совершаемыя при моленіи, не подтверждались ничѣмъ. Болѣе всего мѣстныя власти пугались той таинственности, къ которой прыгуны считали необходимымъ прибѣгнуть, отправляя свои религіозные обряды, и попытка многихъ проникнуть въ эту тайну долгое время не имѣла успѣха.

Собираясь на такъ называемое «собраніе», прыгуны однако нисколько не препятствовали постороннимъ находиться при своемъ моленіи. Любопытствующимъ обыкновенно говорили:

«Что-жъ, пожалуйте! Отчего не посмотрѣть! Можно... отчего не можно... можно...»

Любопытствующихъ впускали въ собраніе, но оно проходило и оканчивалось чинно, точь въ точь какъ молоканское. Духъ ни на кого не сходилъ—никто не прыгалъ.

«Да кто же у васъ тутъ прыгаетъ?» спрашивали чинно расходившихся по домамъ прыгуновъ.

«Да всякъ — кому придется... На кого сойдетъ духъ... съ тѣмъ и случается», отвѣчаетъ прыгунъ уклончиво.

«Да на кого же духъ-то сходитъ?»

«На всякаго сходитъ... Вотъ предайся только Богу... соединись съ нимъ... и сойдетъ».

Съ тѣмъ обыкновенно любопытствующіе и уходили. Духъ не появлялся при постороннихъ.

Но мало-по-малу все сладилось. Съ свойственнымъ здравомыслящимъ людямъ чутьемъ прыгуны скоро поняли, что въ нашемъ любопытствѣ не заключается никакихъ полицейскихъ подвоховъ. Они перестали стѣсняться посторонняго и цѣлый рядъ собраній, мною посѣщенныхъ, прошелъ *съ духомъ.*

Нисхожденіе духа, какъ оказалось, проявляется въ разнообразной формѣ, видоизмѣняясь отъ простого усыпленія до бѣшеной, неистовой пляски. Въ каждомъ прыгунскомъ собраніи найдется не болѣе двухъ-трехъ лицъ, на которыхъ духъ сходитъ постоянно, т. е. каждое собраніе, а иногда, кромѣ того, еще и дома; большинство же прыгуновъ осѣняются духомъ только при очень торжественныхъ случаяхъ и тогда же прыгаютъ всѣ до единаго. Обыкновенно духъ приходитъ къ концу собранія, послѣ такъ называемаго моленія, когда всѣ, предшествовавшей бесѣдой, длящейся иногда по нѣсколько часовъ, достаточно къ тому подготовлены. Видимыя знаки его сошествія заключаются

прежде всего въ блѣдности лица, затѣмъ идетъ усиленное дыханіе, потомъ начинается раскачиваніе тѣломъ и ерзанье по лавкѣ, потомъ притаптываютъ ногами, оставаясь еще въ сидячемъ положеніи, потомъ припрыгиваютъ на мѣстѣ и непремѣнно въ тактъ пѣсни и, наконецъ, начинаются скачки и прыжки, завершаемые, большею частью, тяжеловѣснымъ гроханьемъ объ полъ. Вся эта процедура соблюдается, однако, не всегда въ томъ порядкѣ, какъ она описана. Нѣкоторые, покачавшись на лавкѣ, вскакиваютъ и сразу начинаютъ бѣсноваться; другіе не идутъ далѣе раскачиванія на мѣстѣ и, покачавшись, вдругъ грохаются объ полъ, сильно ударяясь лбомъ, и лежатъ такъ полчаса и болѣе. Нѣкоторые, сидя на мѣстѣ, громко, можно сказать, театрально рыдаютъ или также театрально-ходульнымъ шагомъ ходятъ по собранію, размахивая руками и обводя всѣхъ побѣдоносными взглядами. Самые скромные, наконецъ, только закрываютъ глаза и покачиваютъ головой, всетаки стараясь попасть въ тактъ пѣсни. Распрыгавшіеся мужички и бабы поднимаютъ въ тѣсной хатѣ неимовѣрную возню. Кружась, сталкиваясь, падая на полъ, вновь поднимаясь, взвизгивая и вскрикивая—вся эта компанія, въ то же время, сохраняетъ на лицахъ оттѣнокъ чрезвычайной серьезности и озабоченности, и эта общая серьезность и сосредоточенность удерживаютъ посторонняго зрителя отъ улыбки.

Такъ происходятъ собранія *съ духомъ*. Собранія *безъ духа* мало чѣмъ, по внѣшнему своему виду, отличаются отъ молоканскихъ. Разница только въ продолжительности собранія, да въ содержаніи прочитаннаго и пропѣтаго. Прыгуны, послѣ моленія, поютъ много духовныхъ пѣсенъ, сочиненныхъ разными ихъ прыгунскими пророками и въ особенности нѣкіимъ Максимомъ Рудометкинымъ; молокане прыгунскихъ пѣсенъ не поютъ, а знаютъ свои, чаще же всего ограничиваются пѣніемъ нѣсколькихъ любимыхъ псалмовъ. У прыгуновъ имѣется громадная масса ими же самими сочиненныхъ молитвъ, которыя и

прочитываются къ концу собранія такъ называемымъ *читальникомъ* или священникомъ,—у молоканъ свои молитвы и свой порядокъ въ чтеніи ихъ. По внѣшности, собранія молоканскія и прыгунскія, какъ уже сказано, совершенно сходствуютъ.

Обыкновенно въ хатѣ, ничѣмъ не отличающейся отъ другихъ, кромѣ развѣ нѣсколько бо́льшихъ размѣровъ, сходятся послѣдователи одного толка. За столомъ, покрытымъ бѣлою скатертью, усаживается читальникъ, а если ихъ нѣсколько, то всѣ рядомъ. Приносятъ библію и начинаютъ читать, давая посильное толкованіе непонятнымъ мѣстамъ. Толкуютъ разумѣются *по своему*.

Особенно любятъ читать и толковать Апокалипсисъ и безуспѣшно тщатся разобрать смыслъ боговдохновенныхъ сказаній Іоанна Богослова о будущей судьбѣ церкви и міра. Ихъ какъ-то завлекаютъ чудныя и темныя картины, нарисованныя пророкомъ. Оттуда они позаимствовали туманныя разсужденія о звѣриномъ образѣ, о семи печатяхъ и пр. Самъ неизвѣстный авторъ «Душевнаго зеркала» кончаетъ свою книгу *видѣніемъ* Новаго Іерусалима.

Послѣ чтенія обыкновенно идетъ пѣніе. Берутъ опять библію, читальникъ прочитываетъ какую-нибудь фразу, запѣвало подхватываетъ ее и за нимъ слѣдуетъ все собраніе, подгоняя слова прочитанной фразы подъ мотивъ пѣсни. Такъ продолжается съ полчаса. Потомъ начинается опять чтеніе, прерываемое толкованіями непонятныхъ мѣстъ, потомъ опять пѣніе и т. д., пока читальникъ, онъ же молитвенникъ, не встанетъ и не произнесетъ: «Ну, что же, пора молиться!»

Всѣ встаютъ, лавки сдвигаютъ въ стороны, складываютъ руки, и молитвенникъ, отчетливо и внятно, прочитываетъ съ десятокъ молитвъ подрядъ, то становясь на колѣни, то вновь поднимаясь на ноги, въ чемъ за нимъ слѣдуетъ все собраніе.

Собраніе заканчивается, такъ называемымъ, братскимъ лобзаніемъ. Читальники, перецѣловавшись между собою, становят-

ся по обѣимъ сторонамъ того стола, гдѣ они сидѣли. Къ нимъ, поочереди, подходятъ всѣ *братья* и *сестры*, дѣлаютъ трижды земные поклоны другъ другу и трижды лобызаются. Облобызавшіеся становятся въ рядъ и ждутъ, пока къ нимъ подойдутъ не совершившіе еще обряда цѣлованія. Братское цѣлованіе длится также полчаса и въ самомъ незначительномъ собраніи, на каждаго брата и сестру приходится, каждый разъ, minimum до сотни поцѣлуевъ.

Затѣмъ всѣ расходятся по домамъ.

Особенною торжественностью отличаются собранія по нѣкоторымъ праздничнымъ днямъ и еще болѣе тогда, когда прыгунство ликуетъ по случаю приращенія новыхъ членовъ своего толка. Собранія эти бываютъ чрезвычайно продолжительны и, понятно, всегда «*съ духомъ*». Намъ пришлось попасть разъ на такое собраніе, гдѣ эти два торжества, такъ сказать, сливались. Случился, во-первыхъ, большой праздникъ—такъ называемый «*судный день*», а во-вторыхъ, разомъ три лица присоединилось къ прыгунскому толку,—что было тѣмъ болѣе замѣчательно, что всѣ три лица были армяне и это приводило прыгуновъ въ совершенный восторгъ.

Собраніе отличалось особенно умилительнымъ настроеніемъ всѣхъ молящихся. Разрыдавшіеся братья и сестры, съ видимымъ сокрушеніемъ, повергались на землю и въ такомъ положеніи оставались не менѣе четверти часа. Сказатель читалъ молитвы и, подъ вліяніемъ общаго плача и воя, исполнялъ свою обязанность съ большимъ увлеченіемъ. Въ голосѣ его слышались сдержанныя рыданія, онъ часто и глубоко вздыхалъ, въ глазахъ стояли слезы. Болѣе часу продолжалась эта картина, дѣйствующая на самые сильные нервы. Бабы рыдали и голосили, мужики сдержанно всхлипывали и, *кладя* земные поклоны, крѣпко прикладывались лбомъ къ землѣ, пролеживая въ такомъ положеніи по-долгу.

Наконецъ молитвенникъ смолкъ. Двѣ крупныя слезы скати-

лись по его сѣдой бородѣ. Воздѣвая руки къ небесамъ, онъ повергся во прахъ и собраніе огласилось новымъ плачемъ и стонами. И вдругъ все успокоилось. Настала мертвая тишина. Пѣвцы затянули что-то заунывное и жалобное, но словъ разобрать было нельзя. Впослѣдствіе оказалось, что они пѣли по-гречески, или по крайней мѣрѣ считали, что поютъ по-гречески. Но пропѣвъ по-гречески, тутъ же спѣли и въ переводѣ на русскій языкъ. Пѣсня состояла всего изъ пяти строкъ, повторенныхъ до сотни разъ.

Слова этой пѣсни приписывались самому извѣстному изъ прыгунскихъ пророковъ—Максиму Рудометкину, и явились они ему, будто бы, во время обычнаго сошествія на него духа.

Крайне однообразный мотивъ этой пѣсни, держащійся, вопреки обычая, на самыхъ низкихъ нотахъ женскихъ и мужскихъ голосовъ, имѣлъ нѣкоторый мрачный оттѣнокъ. Пѣніе становилось все тише и заунывнѣе и, наконецъ, за общимъ рыданіемъ прекратилось.

Новообращенные армяне-прыгуны сидѣли на переднихъ скамейкахъ, ближе къ читальникамъ и библіи. Двое изъ нихъ пришли къ самому началу собранія и, занявъ мѣста на лавкахъ, тотчасъ же обнаружили, что вошли съ сношеніемъ «*съ духомъ*». Они закрыли глаза и стали покачиваться, не прекращая этого съ часъ. Третій новообращенный появился почти къ концу собранія. Когда моленіе было уже на половинѣ, во дворъ прискакалъ какой-то армянинъ, вооруженный, въ пыли, на измученной лошади. Онъ бросилъ лошадь во дворѣ, быстро вбѣжалъ въ собраніе, сбросилъ съ себя оружіе, пробрался впередъ къ столу, за которымъ сидѣли читальники, и повалился на полъ. Черезъ десять минутъ послѣ того, на одного изъ новообращенныхъ, сошелъ духъ. Сначала онъ сталъ усиленно дышать, широко раздувая ноздрями. Это произвело блѣдность въ лицѣ, потомъ онъ сталъ раскачиваться, сидя на скамьѣ. Нѣсколько разъ онъ закладывалъ себѣ руки за голову и сильно

потягивался, какъ бы послѣ сладкаго сна. Когда всѣ встали для слушанія молитвъ, Хачатуръ—такъ звали этого армянина—усилилъ раскачиваніе, потомъ сталъ перегибаться назадъ и одинъ разъ, потерявъ равновѣсіе, упалъ и провалялся минутъ пять съ закрытыми глазами, сложивши руки на-крестъ. Потомъ онъ всталъ, немного постоялъ и принялся вновь ломаться. Онъ, впрочемъ, совсѣмъ не прыгалъ и не скакалъ, но подъ звуки «понивестоне», сталъ ходить по комнатѣ (свободнаго мѣста оставалось шага 3—4) и выкрикивать что-то по-армянски. Иногда онъ вскрикивалъ по-татарски: «Аллахъ! Аллахъ!»

Почти въ то же время духъ сошелъ на пчельничиху Петровну, бабу лѣтъ подъ сорокъ, затѣмъ на кузнечиху Екатерину Новикову, бабу лѣтъ 20 съ небольшимъ, и потомъ еще на одну бабу, лѣтъ за шестьдесятъ. Когда запрыгала Петровна, то Хачатуръ сталъ въ сторонѣ и поднялъ руки кверху, ибо двумъ стало уже тѣсно. Когда Петровна, порядкомъ умаявшись, стала на свое мѣсто, то пошелъ разгуливать опять Хачатуръ, и тутъ разыгралъ сцену поборонія нечистой силы дѣйствіемъ духа святаго. Изобразилъ это онъ такъ: сначала Хачатуръ остановился и сталъ пристально смотрѣть на одну точку, и, какъ будто что-то усматривая на землѣ, началъ все болѣе и болѣе таращить глаза. Вытаращивъ ихъ, на сколько позволяли орбиты глазъ, онъ поднялъ правую руку и сталъ потрясать ею въ воздухѣ, какъ бы приготовляясь нанести ударъ. Потомъ, соединивъ у себя надъ головой обѣ руки, какъ будто бы хотѣлъ обхватить ими палку или иное орудіе; Хачатуръ сталъ примѣрно ударять по тому мѣсту, на которое таращилъ глаза. При ударахъ онъ испускалъ тотъ звукъ, который обыкновенно испускаютъ при рубкѣ дровъ, при раскалываніи камня, звукъ, состоящій изъ быстраго выдыханія воздуха изъ груди, что, какъ извѣстно, облегчаетъ производство удара. Звукъ этотъ знакомъ всякому, а Хачатуру, ремесломъ камнетесу, и подавно. Нарубившись вдоволь, Хачатуръ, какъ бы отбросивъ въ сторону то

орудіе, которымъ онъ рубилъ, притопталъ ногами мѣсто, надъ которымъ онъ все это продѣлывалъ, прокричалъ что-то по-армянски и нѣсколько разъ козыремъ прошелся по изрубленной пустотѣ.

Между тѣмъ прыганье продолжалось. Пчельничиха попрыгала не болѣе трехъ минутъ и притомъ съ крайнею неуклюжестью. Всѣ прыжки она дѣлала впередъ и, дойдя черезъ два-три прыжка до конца свободнаго мѣста, поворотила назадъ и продѣлала то же самое къ мѣсту, гдѣ прежде стояла. Прыжки дѣлались обѣими ногами разомъ и руки держались такъ, какъ ихъ держатъ при такъ называемомъ гимнастическомъ шагѣ. При каждомъ прыжкѣ пчельничиха издавала какой-то болѣзненный звукъ, въ-родѣ сдержаннаго стона или крика, какъ будто она прыгала противъ собственной воли, какъ будто вотъ и хочетъ остановиться, да не можетъ, какъ будто это такъ трудно и такъ больно, а удержаться все-таки не въ ея власти. Намучившись порядкомъ, она остановилась какъ разъ на томъ мѣстѣ, откуда начала свои прыжки и спокойно обтерла фартукомъ градомъ катившійся съ лица потъ. Почти одновременно съ пчельничихой запрыгала кузнечиха Катерина, но такъ какъ все свободное мѣсто было уже занято прыгающей пчельничихой, то кузнечиха, сдѣлавъ нѣсколько небольшихъ прыжковъ впередъ и назадъ, также тяжеловѣсно и неуклюже, какъ пчельничиха, успокоилась и стала ломать себѣ руки надъ головой. До прыганья Катерина стояла все время съ груднымъ ребенкомъ, и, несмотря на то, что все время была повидимому *въ духѣ*, потому что вздрагивала и ломалась, но это ей не мѣшало то давать ребенку грудь, то отнимать ее и укачивать поднимавшаго крикъ маленькаго прыгунчика. Передъ самымъ же прыганьемъ она спокойно положила ребенка въ уголъ и затѣмъ уже запрыгала.

Попрыгала еще шестидесяти-лѣтняя старушка, но скоро успокоилась. Настала длинная пауза. Пѣніе прекратилось, всѣ си-

дѣли на лавкахъ, отирая потъ, сморкаясь, оправляя растрепавшіяся одежды и сдвинувшіеся на бокъ головные и шейные платки.

Но вдругъ все вновь зашевелилось. Нѣсколько человѣкъ разомъ грянуло пѣсню почти плясоваго характера, хотя и духовнаго содержанія. Всѣ, кто могъ, т. е. около кого было свободное мѣсто, запрыгали и закружились. Принужденные, по тѣснотѣ, сидѣть или стоять на мѣстѣ, захлопали въ ладоши и стали раскачиваться на мѣстѣ. Припертые къ задней стѣнѣ собранія, сидѣвшіе на послѣднихъ лавкахъ прыгуны, не имѣвшіе возможности ни прыгать, ни даже встать, заерзали на лавкахъ, тоже прихлопывая въ ладоши. Около кого было свободное мѣсто—тотъ прыгалъ, дѣлая прыжки впередъ и назадъ или въ сторону и опять на мѣсто, смотря по тому, съ какой стороны оказывалось свободное пространство. На мѣсто напрыгавшихся и уходившихъ въ задніе ряды выступали свѣжія силы. Пѣвцы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, дико гикали и вскрикивали. Пыль въ хатѣ стояла столбомъ; кто-то заботливо отворилъ было окошко, но другой тотчасъ его затворилъ опять. Прыгали уже безостановочно болѣе двадцати минутъ, когда пѣсня стала слабѣть и тактъ ея сталъ рѣже. Нѣкоторые изъ прыгавшихъ уже сидѣли на полу, нѣкоторые совсѣмъ растянулись, преимущественно подъ лавками, очевидно придя въ полное изнеможеніе. Одинъ мужикъ лежалъ на груди у другого и тотъ вытиралъ ему съ лица потъ, пустивъ для этого въ ходъ свой красный шейный платокъ. Пчельничиха умаялась окончательно и сидѣла неподвижно. Новообращенный армянинъ, прискакавшій позже другихъ, забрался на лавку и стоялъ поднявъ руки и глаза кверху. Читальникъ Новиковъ, сидѣвшій все время въ почетномъ углу, страшно поблѣднѣвъ и закрывъ глаза, опустилъ голову на столъ. Пчельникъ Меньшовъ разодралъ на себѣ рубаху и огромнымъ кулакомъ колотилъ въ свою обнаженную грудь, не переставая называть себя окаяннымъ. Забытый въ углу ре-

бенокъ неистово оралъ. Всѣ лица вытянулись, всѣ какъ будто сильно похудѣли.

Въ заключеніе всѣ разомъ разошлись, молча разобравъ шапки. Это было около 10 часовъ вечера; началось же торжество около 5 часовъ пополудни и пятичасовое возбужденіе, конечно, отразилось на физіономіяхъ прыгавшихъ. Тѣмъ не менѣе утромъ, на зарѣ, всѣ своимъ чередомъ отправились на полевыя работы, гдѣ и провели день до заката солнца.

На такихъ собраніяхъ непремѣнно кто нибудь изъ осѣненныхъ духомъ занимается пророчествомъ. Впрочемъ, на пророкахъ, такъ сказать официально признанныхъ прыгунами. вовсе не лежитъ непремѣнная обязанность предсказывать безошибочно. Окажется предсказаніе вѣрнымъ—хорошо, не сбудется предсказанное—также хорошо, и никто не въ претензіи. Максимъ Рудометкинъ, напр., три раза предсказывалъ наступленіе столь пламенно ожидаемаго тысячелѣтняго царствія, когда прыгуны будутъ господами, а всѣ прочіе слугами, и всѣ три раза сроки предсказаннаго наступленія прошли въ лихорадочномъ ожиданіи, не принеся съ собой ничего, а Максимъ Рудометкинъ, не стѣсняясь, отложилъ наступленіе прыгунскаго царства на новый срокъ. Одинъ изъ прыгунскихъ учителей далъ посильное объясненіе этимъ неудачнымъ предсказаніямъ. Онъ, Максимъ Рудометкинъ, предсказалъ-де вѣрно и такъ оно, согласно Божьей волѣ, и должно бы быть, но затѣмъ Богъ судилъ иначе... а потому тутъ Рудометкинъ не причемъ, а все Богъ...

II.

Откуда взялись прыгуны.

Таинственная сторона прыгунскаго ученія, ихъ вѣра въ сошествіе духа на усердно молящихся и ихъ, такъ называемая на офиціальномъ языкѣ, «духовная пляска», составляетъ ту сторону ихъ толка, которая, по правдѣ сказать, оказывается наиболѣе несостоятельной. При нравственности, вообще говоря, тѣхъ принциповъ, которые положены въ основу, если не религіознаго ученія прыгуновъ, то по крайней мѣрѣ ихъ общественной и семейной жизни, при высокой степени трезвости и разумности тѣхъ житейскихъ правилъ, которыя преподаются ихъ ученіемъ, и не только преподаются, но и дѣйствительно проводятся въ жизнь,—эта пляска является какимъ-то комическимъ фарсомъ въ ровномъ ходѣ серьезной пьесы.

Эта пляска привела къ тому, что прыгуны, выдѣлившіеся изъ молоканства, поставлены въ спискѣ вредныхъ сектъ еще выше молоканъ. Однимъ словомъ, эта злосчастная пляска накликала на головы «духовныхъ христіанъ» наибольшую сумму бѣдъ и невзгодъ и, при всемъ томъ, а главное, не взирая на весь свой комизмъ, успѣла достаточно сохраниться и по-днесь.

Можно впрочемъ сказать, что упорство прыгуновъ въ этомъ отношеніи и есть наиболѣе замѣтный плодъ продолжительнаго

преслѣдованія отъ властей. Теперь многіе и многіе прыгуны отъ пляски ужъ совсѣмъ отстали, многіе мало-по-малу отстаютъ, многіе опять даже перешли въ молоканство. Такимъ образомъ многіе прыгуны, очевидно, сознавъ комическую сторону ихъ ученія, и не сознаваясь лишь въ томъ явно, собираются теперь на собраніе лишь для молитвы, а не для прыганья, и въ духовномъ плясѣ не принимаютъ участія никогда, отговариваясь тѣмъ, что «не удостоены благодати», «не отличены, и не отмѣчены духомъ».

Самое усердіе къ прыганью, какъ оказалось по справкамъ, всегда было въ разныхъ селеніяхъ разно и неравно. Еленовцы прыгали много; Семеновцы прыгали лишь по временамъ, но до изступленія; Никитинцы прыгали болѣе всѣхъ; Ахтинцы вообще мало; Константиновцы и Александровцы, расположенные въ сторонѣ отъ большой дороги, прыгали и часто и по многу, но лишь тогда, когда у нихъ не было посторонних соглядатаевъ. Все зависѣло отъ данной минуты и отъ коноводовъ, умѣвшихъ возбуждать не только умы, но и вызывать духъ по востребованію. Замѣчено было только то, что въ многолюдныхъ прыгунскихъ обществахъ прыгали болѣе, чѣмъ въ малолюдныхъ; затѣмъ замѣчено, что бѣдняки прыгали болѣе, чѣмъ богатые, дѣвки болѣе, чѣмъ женщины, а молодые парни не прыгали нигдѣ и никогда, и вообще даже не принимали особаго участія въ *собраніяхъ*, а при моленіяхъ только выслушивали молитвы и затѣмъ уходили. Въ маленькихъ обществахъ, какъ напр., въ Сухомъ-Фонтанѣ, за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда туда собирались *гости* изъ другихъ деревень, не прыгали почти никогда, пока не появилась одна старуха съ большимъ избыткомъ «духа», прыгавшая каждое собраніе.

Въ послѣднее время прыганье вообще замѣтно уменьшилось. Сами прыгуны какъ бы теперь стыдятся за тотъ періодъ возникновенія ихъ ученія, когда «*духъ*» только-что сталъ являться и за прыганье взялись и старъ и младъ, оставивъ

всякія житейскія заботы и каждую минуту ожидая, что наступитъ желанное тысячелѣтнее царствованіе. Всѣ относящіеся къ тому времени источники, какъ офиціальные, такъ и неофиціальные, свидѣтельствуютъ о томъ, что на первыхъ порахъ прыгали всѣ поголовно, что допрыгивались до потери сознанія, до полнаго изнеможенія, до болѣзней. Съ теченіемъ времени, на каждое прыгунское собраніе осталось не болѣе двухъ-трехъ человѣкъ, которые приходили въ общеніе съ этимъ духомъ почти каждое собраніе. Въ рѣдкихъ, можно сказать исключительныхъ, случаяхъ, при очень большихъ торжествахъ, и единственно тогда, когда соберутся представители нѣсколькихъ прыгунскихъ обществъ, и теперь еще устраивается особое экстренное собраніе, которое отличается необыкновенною продолжительностью, длится по семи-восьми часовъ кряду и непремѣнно заканчивается прыганьемъ, въ которомъ принимаютъ участіе почти всѣ; но и такія собранія расходятся все-таки чинно и только больше по слухамъ, неизвѣстно отъ кого исходящимъ, а больше всего по враждѣ послѣдователей другихъ толковъ подозрѣвается, что эти собранія иначе не оканчиваются, какъ свальнымъ грѣхомъ, каковому подозрѣнію много впрочемъ способствуетъ то, что такія экстренныя собранія устраиваются всегда ночью и обставляются разными мѣрами предосторожности противъ всякихъ подсматриваній лицъ постороннихъ.

Прыганье производится не иначе, какъ подъ пѣсни, которыя, не смотря на ихъ духовное содержаніе, исполняются почти всѣ на мотивы совершенно плясовые, ничуть не соотвѣтствующіе самому смыслу этихъ пѣсенъ.

Ученіе прыгуновъ, вмѣстѣ съ воспрещеніемъ поклоненія всему *видимому*, наложило запретъ и на всякое проявленіе человѣческой веселости. Всякія другія пѣсни, кромѣ «духовныхъ», строго воспрещены, что впрочемъ не мѣшаетъ дѣвкамъ вполголоса напѣвать пѣсенки о томъ, какъ по камешкамъ бѣжитъ ручеекъ и какъ за ручейкомъ идетъ красная дѣвица, а за

красной дѣвицей по пятамъ слѣдуетъ разудалый парень, и какъ близъ самаго ручейка на удобной полянкѣ парень приступаетъ къ красной дѣвицѣ, которая парню нисколько не противится... Но такія пѣсни поютъ только тамъ, гдѣ нѣтъ старшихъ и никто не слышитъ, «а то и-и-и-хъ какъ разругаютъ!!» признаются сами парни и дѣвки.

Эти веселенькіе мотивы занесены, въ качествѣ запрещеннаго плода, тѣми изъ сектантовъ и особенно изъ сектантокъ, которымъ приходилось живать въ городѣ и, волей-неволей, вслушиваться въ развеселую хоровую пѣсню мѣстнаго баталіона и въ забубенную пѣсню нахаживающихъ сюда, время отъ времени, коробочниковъ.

«Вихры намъ дерутъ за эти пѣсни,—разсказывалъ мнѣ одинъ парень:—а то и постегаютъ... возжами али чѣмъ».

Всякая пляска мірскаго характера также строжайше воспрещена. Собственно для какого-либо веселья или для удовольствія прыгуны никогда не собираются, но желающіе вмѣстѣ «*проводить время*», не выходя изъ набожнаго настроенія, «собираютъ обѣдецъ», гдѣ трезвыя рѣчи запиваются водой, а при хорошихъ достаткахъ хозяина или при торжественныхъ случаяхъ—квасомъ.

Вино у прыгуновъ и молоканъ не допускается ни въ какихъ случаяхъ. Коноводы прыгунства и молоканства также стоятъ на совершенномъ воспрещеніи вина, дѣлая впрочемъ уступки только въ случаяхъ болѣзни, когда употребленіе вина, въ небольшомъ количествѣ, разрѣшается. Вообще же всѣ прочія возліянія и чествованія совершаются водой или квасомъ. Квасъ уже признакъ большого торжества.

«Наваримъ квасу! пообѣдаемъ, священнаго почитаемъ», говорятъ прыгуны, предвкушая впередъ какое нибудь торжество по случаю посѣщенія гостей или какой нибудь свадьбы, или вообще чего нибудь экстреннаго и особеннаго.

Въ такихъ случаяхъ, пообѣдавши и посвятивъ обѣду часа полтора-два, тутъ же за столомъ, съ котораго убираютъ при-

надлежности трапезы, а иногда и во время самой трапезы, начинають читать изъ священнаго писанія и въ антрактахъ между «перемѣнами», которыхъ бываетъ и шесть и семь, поютъ духовныя пѣсни. Къ концу обѣда всѣ уже достаточно возбуждены и духовно настроены. Тогда наступаютъ длинные промежутки общаго молчанія. Всѣ сидятъ понуривъ головы и опираясь локтями на колѣни. Сокрушенные вздохи начинаютъ все чаще и чаще слышаться изъ разныхъ угловъ хаты. Изрѣдка еще поддерживается разговоръ, въ видѣ короткихъ замѣчаній или короткихъ отвѣтовъ на вопросы.

«Еленовскій Терентій-то побывшился *),—замѣчаетъ одинъ: —сказываютъ вчера ночью кончился. Слыхали?»

Всѣ молчатъ. Послѣ длинной паузы, одинъ собирается отвѣчать.

«Что-то не слышно... Не было такихъ слуховъ. Что-жъ! Божье все дѣло... Божье произволеніе».

Опять длинная пауза.

«Мировой у насъ вчера былъ,—заводитъ кто-то рѣчь:—приказалъ вязать татаръ, потравщиковъ... коли, говоритъ, чтó, вяжите...»

Опять молчаніе длится минутъ пять.

«Сказываютъ, вишь, губернатора ожидаютъ», добавляетъ тотъ, который завелъ рѣчь о мировомъ и какъ бы не замѣтилъ, что ему никто не отвѣтилъ.

Опять никто не отвѣчаетъ. Головы опустились еще ниже, вздоховъ еще болѣе. Кто-то не вздохнулъ, а застоналъ; кто-то поднялъ руки кверху и, быстро опустившись на землю, крѣпко приложился къ ней лбомъ и замеръ на мѣстѣ.

Наступаетъ гробовое молчаніе. Ближе сидящій къ писанію зажмуриваетъ глаза и тихимъ-тихимъ голосомъ начинаетъ:

Нову пѣсню мы поемъ.
Путемъ истиннымъ идемъ.

---

*) Умеръ.

Сейчасъ же присоединяются два голоса еще, потомъ тихо подпѣваютъ два женскіе голоса:

Міръ стрѣляетъ въ насъ и бьетъ,
Честь намъ, славу не даетъ...

поютъ уже хоромъ, учащая тактъ и усиливая голоса.

Подъ плясовой мотивъ *новой пѣсни,* сначала двое-трое, а потомъ и другіе начинаютъ подергивать плечами, потомъ отъ легкаго подергиванія переходятъ къ притаптыванію на мѣстѣ, отъ притаптыванья къ легкому припрыгиванью, а затѣмъ доходятъ и до бѣшеннаго пляса, во славу духа, невидимо присутствующаго и ликующаго.

Такая пляска длится иногда часъ, иногда и болѣе. Натоптавшись и наплясавшись всласть, «духовные» полагаютъ, что знатно угодили Богу.

Какъ ни мало вѣроятно, что прыгуны *могутъ* такъ думать и такъ полагать, но прыгунскій учитель, Пименъ Шубинъ, удостовѣряетъ, что фальши тутъ нѣтъ никакой, а какъ есть все одинъ духъ и болѣе ничего.

Тщетно я увѣрялъ Пимена, что моей учености не хватаетъ, чтобы постичь такую мудреную штуку.

Пименъ Шубинъ, какъ и прочіе прыгуны, убѣжденъ, что пророчить вовсе не такъ трудно тѣмъ, кто одаренъ духомъ.

Правда, среди прыгуновъ были и такіе, которые на счетъ идеи непосредственнаго сношенія съ духомъ весьма поправили свои обстоятельства, но и тѣ не извлекли изъ этого никакихъ выгодъ и скопленныя пожертвованія быстро расточали.

Впослѣдствіи, при изложеніи обрядной стороны прыгунскаго толка, мы укажемъ, какими правилами и уставами обставлено совершеніе такихъ обрядовъ, какъ рожденіе, смерть, бракъ, и пр.; въ настоящее же время мы коснемся въ общихъ чертахъ этой обрядной стороны и скажемъ лишь, что, по разумѣнію прыгуновъ, духъ нисходитъ на человѣка безразлично,

во всякое время, лишь бы было для сего приличное настроеніе; что духъ можетъ сойти и во снѣ, и въ собраніи, и на свадьбахъ, и на похоронахъ. Въ силу этого, иной разъ, съ изумленіемъ можно увидѣть, какъ при чтеніи надъ покойникомъ и чтецъ, и изумленная его чтеніемъ публика, мало-по-малу растрогиваются, какъ голосъ чтеца начинаетъ прерываться чаще и чаще и, наконецъ, совсѣмъ замираетъ въ сдержанныхъ рыданіяхъ, какъ затѣмъ подхватываютъ за запѣвалой

Нову пѣсню мы поемъ.

а черезъ пять минутъ одинъ-двое, а затѣмъ и трое, начинаютъ притоптывать на мѣстѣ, а потомъ съ обычными жестами, кривляніями сочиняютъ вокругъ мертвеца отчаянный плясъ

Между прыгунами въ большомъ ходу особаго рода требникъ, который у нихъ носитъ названіе «Обряда». Этотъ требникъ всегда представляетъ рукопись церковно-славянскаго шрифта, изрядно засаленную и непремѣнно облеченную въ тяжеловѣсный кожанный, а то и деревянный переплетъ, съ массивными металлическими застежками. Въ требникѣ обыкновенно изложена не только обрядовая сторона ученія, но непремѣнно и сущность прыгунскаго толка и даже собственнаго сужденія прыгуновъ о достоинствѣ ихъ вѣры. Всѣ находящіяся въ обращеніи подобныя книги, озаглавленныя «Обрядъ», вообще почти тождественны по содержанію. Видно, что онѣ переписаны всѣ съ одного экземпляра, причемъ, разумѣется, переписчики снабдили всѣ эти рукописи массой грамматическихъ ошибокъ, пропусковъ и только въ качествѣ этихъ ошибокъ, да свойствѣ пропусковъ заключается оригинальная сторона каждаго отдѣльнаго экземпляра такого «Обряда».

Между прыгунами, какъ и между молоканами, имѣющими также свой *Обрядъ*, есть такіе, которые всецѣло посвятили себя переписыванію этихъ «Обрядовъ» и въ этомъ дѣлѣ достигли замѣчательныхъ результатовъ. Переписавъ много разъ

«Обрядъ», они знаютъ его наизусть и, выучивъ его твердо, перестаютъ уже переписывать, а просто пишутъ на память, взимая за это баснословно дешевую плату. Недѣльный трудъ переписки, что называется не разгибая спины, оплачивается однимъ рублемъ, каковая плата устанавливается, благодаря конкурренціи.

Мои старанія узнать имена авторовъ «Обряда» не увѣнчались успѣхомъ. Въ этомъ, какъ и во всѣхъ прочихъ *вопросахъ*, царитъ полное разнорѣчіе. Одинъ прыгунъ (изъ ученыхъ читальниковъ) разсказалъ мнѣ, что «Обрядъ» написанъ какимъ-то Григоріемъ Петровичемъ Буйгаковымъ; другой, тоже изъ ученыхъ, сказалъ, что писалъ его нѣкто Семенъ Уклеинъ, а нѣкоторые увѣряютъ, что сочинилъ его делижанскій *) житель, Лукьянъ Соколовъ, изъ первыхъ прыгуновъ. Кто былъ Григорій Петровичъ Буйгаковъ,—этого никто не знаетъ; извѣстно лишь, что онъ «россійскій» и изъ «временъ стародавнихъ». Нѣкоторые прыгуны на мой вопросъ объ авторахъ «Обряда» отвѣчали просто:

«Не можемъ знать! Предки написали!»

Между прыгунами ходитъ разсказъ о томъ, что нѣкій Петръ Журавцевъ, одинъ изъ самыхъ замѣтныхъ распространителей прыгунства, будто бы требовалъ непосредственно отъ императора Николая позволенія исполнять свои обряды свободно, но за такой подвигъ, по разсказамъ прыгуновъ, Петръ Журавцевъ «воспріялъ мученическій вѣнецъ» въ какомъ-то монастырѣ, находящемся въ «Суздальской губерніи» и погибъ тамъ на крестѣ, будучи распятъ.

Прыгуны теперь еще высказываютъ, что они достойно отстаивали свою «вѣру», что «за многія претерпѣнія» они уже стяжали себѣ «вѣнецъ радости» и успѣхъ дѣла, кромѣ своей стойкости, приписываютъ еще тому, что среди нихъ были «ум-

---

*) Делижань Казанскаго уѣзда Елизаветпольской губ.

ные люди», которые будто съумѣли передъ правительствомъ отстоять правоту «духодѣйствія».

«Вся сила была въ нихъ,—говорилъ мнѣ одинъ изъ «наставниковъ»:—безъ нихъ бы насъ стерли, какъ есть стерли, вся сила была въ нихъ, а ихъ сила была въ духѣ!»

За эту, какъ они называютъ, *выдержку* въ вѣрѣ, они ожидаютъ себѣ «вѣчнаго небеснаго царствія», которое можетъ придти не только по смерти, но и до смерти, если только наступитъ ожидаемое ими тысячелѣтнее царство духовныхъ христіанъ. Это вѣчное небесное царствіе они себѣ представляютъ по своему и весьма односторонне. То будетъ царство «праведныхъ»; для всѣхъ же неправедныхъ, къ которымъ должны быть отнесены не только всѣ грѣшные люди, но и всѣ, которые не признали «духодѣйствія»—въ то же время наступитъ мученіе. Праведные работать не будутъ, кормить будетъ Богъ, и сами обитатели этого царствія «угнѣздятся» и «ужирятся» и все будутъ только играть на гусляхъ, да на органахъ, словомъ, услаждаться музыкой.

При всемъ томъ, что работа и вообще добываніе хлѣба, какъ будто бы, должны прекратиться только съ наступленіемъ вѣчнаго небеснаго царствія, прыгуны уже теперь нѣсколько смущаются тѣмъ, что они, согласно писанія, теперь же, не дожидаясь наступленія этого царствія, не могутъ уподобиться «птицѣ небесной», которая сыта, не сѣя и не собирая запасовъ.

Въ періоды сильныхъ возбужденій и ожиданія наступленія тысячелѣтняго царствованія, даже пытались подражать этой «птицѣ небесной, не сѣющей и не собирающей» и быстро доходили до совершеннаго нищенства, а потомъ, во времена болѣе спокойныя, замысловатый вопросъ о томъ, правильно или неправильно поступаютъ «сіонцы», какъ также называютъ себя прыгуны, заботясь о завтрашнемъ днѣ, возникалъ не разъ и подвергался обсужденію прыгунскихъ авторитетовъ. На одномъ

собраніи, по этому поводу, вопросъ былъ разрѣшенъ въ пользу помышленія о завтрашнемъ днѣ, хотя и вопреки писанію.

«Нельзя!—рѣшили собравшіеся,—не помышлять. Ѣсть-то хочется вѣдь каждый день! Какъ оно того обойдешься-то? Живемъ по земнотѣ... Маленькія вѣдь дѣти... кормить-питать надо-ть. Оно, точно сказано, не думать о завтрашнемъ днѣ... да вѣдь сказано... не то, чтобы не ѣмши сидѣть, потому все блюдешь что либо про запасъ».

Всѣ прыгунскіе обряды отличаются крайнею простотою и незатѣйливостью. Кромѣ массы самими же прыгунами сочиненныхъ и наизусть заучиваемыхъ молитвъ и нѣкоторыхъ установившихся порядковъ въ собраніяхъ, все остальное чистѣйшая импровизація. Иногда прочтутъ изъ библіи одинъ разъ и приступятъ къ молитвамъ, иногда прочтутъ пять разъ, да пять разъ споютъ, а затѣмъ уже начинаютъ молиться. Иногда собраніе начинаютъ съ пѣнія, иногда съ чтенія и вообще какъ вздумается ихъ *читальнику* или *молитвеннику*. Эти *молитвенники* ничѣмъ по виду отъ другихъ не отличаются; въ шутку ихъ зовутъ попами, но не считаютъ за ними особыхъ правъ на совершеніе обрядовъ, а полагаютъ, что это право принадлежитъ всякому и что священниковъ не можетъ быть и нѣтъ, потому что давно-де изсякъ тотъ источникъ, изъ котораго выходили священники, а именно—племя Левитово, а носить длинные волосы, какъ это дѣлаютъ священники православные, уже потому не считаютъ возможнымъ, что мужчинѣ «позорно уподобляться женщинѣ».

Обрядъ вѣнчанія пытаются совершать по древне-еврейскому обычаю, призывая въ свидѣтели цѣлое общество. На прыгунской «свадьбѣ», на которой мнѣ пришлось быть, были разныя церемоніи.

Женихъ, плюгавый мужиченко, стоялъ, понуривъ голову, и держалъ въ правой рукѣ конецъ полотенца, за другой конецъ котораго держался дружка. Въ хатѣ, въ которой

была чрезмѣрная духота, стояла плотная стѣна широкихъ спинъ, облеченныхъ то въ поддевки, то въ полушубки. Толпа биткомъ наполняла небольшую избу. На печкѣ торчало не менѣе двадцати дѣтскихъ головъ. Атмосфера, убійственная съ самаго начала собранія, все болѣе и болѣе подвергалась порчѣ. За перегородкою, на которую напирала толпа, приготовлялась невѣста. Молитвенникъ, Никита Полушубкинъ, грязный, косой, взлохмоченный мужикъ, вытащилъ изъ-за пазухи неимовѣрно истрепанную книгу въ кожаномъ переплетѣ и сталъ перелистывать слипшіяся страницы книги, слюня свои грязнѣйшіе пальцы.

«Выходите! что-жъ! Чево тамъ засѣли?» крикнулъ молитвенникъ по направленію къ перегородкѣ.

Оттуда показалась невѣста, покрытая платкомъ такъ, что лица ея не было видно. Въ обѣихъ рукахъ она держала по полотенцу; за конецъ одного изъ нихъ держалась какая-то баба, другой конецъ передали жениху.

«Становитесь!» крикнулъ Никита и молодые стали другъ противъ друга.

«Кланяйтесь!» крикнулъ опять Никита, и молодые низко поклонились одинъ другому.

«Говори ты, Семенъ Ивановичъ, — обратился Никита къ жениху:—желаешь ли ты жениться на Катеринѣ Өедоровнѣ?» и Никита головой мотнулъ по направленію къ невѣстѣ.

«Желаю», прошепталъ женихъ.

«Говори рѣзче! Рѣзче говори!— крикнулъ Никита: — чтобы всѣ слышали! Желаешь, аль нѣтъ?»

«Желаю», сказалъ Семенъ Ивановичъ погромче.

«Теперь говори ты, Катерина Өедоровна, — обратился Никита къ невѣстѣ: —желаешь ли ты обручиться законнымъ бракомъ вотъ съ Семеномъ Ивановичемъ?»

И Никита пальцемъ указалъ на жениха.

«Желаю», еле-еле проговорила невѣста.

«Рѣзче говори! Говори рѣзче! —крикнулъ опять Никита.—Тутъ вишь, не мы съ тобой, а всѣ слухаютъ! Желаешь, али нѣтъ?»

«Желаю», пропищала невѣста.

«Ну-ка ты, женихъ, поблагодари-ка отца-то за невѣсту, — сказалъ Никита:—небось, есть за что!» прибавилъ онъ.

Женихъ поклонился въ ноги отцу и матери невѣсты.

«Такъ, братцы, слышали, что Семенъ Ивановичъ и Катерина Ѳедоровна желаютъ промежъ себя обручиться законнымъ образомъ?» обратился Никита ко всѣмъ присутствующимъ, и толпа гаркнула:

«Слышали! Всѣ слышали!»

Шубинъ началъ читать изъ засаленной книжки, заставляя то жениха, то невѣсту повторять за собой слова: дѣло все шло о брачномъ союзѣ. Женихъ долженъ довольствоваться-де одной женой, а жена—однимъ мужемъ. Нарушеніе сего составляетъ-де блудъ».

«Жена и мужъ да повинуются другъ другу. Не то, чтобы значитъ, съ твоего кулака...—пояснилъ отъ себя Никита, обращаясь къ жениху:—а ей своя предѣленія должна быть, — ты значитъ, хозяинъ, а она хозяйка».

«Жена да почитаетъ мужа, а мужъ да бережетъ свою жену», читалъ далѣе Никита и опять отъ себя растолковалъ:

«Беречь долженъ ты супругу,—обратился онъ къ жениху:— потому что самъ, небось, знаешь, какое-такое дѣло женскій сосудъ, не то, чтобы зря... за всякую малость... а взыскивай, когда слѣдоваетъ...»

Потомъ Никита читалъ о томъ, какъ человѣкъ, оставя отца и матерь прилѣпится къ женѣ своей, потомъ говорилъ о томъ, чтобы воздерживаться отъ пьянства и вина, «ибо въ винѣ блудъ есть».

Читалъ Никита много и долго, много и часто слюнилъ свои пальцы, заикался, раза два громко рыгнулъ. Часто прерывая свое чтеніе и обращаясь къ молодымъ, онъ командовалъ:

«Кланяйтесь отцу!»

«Кланяйтесь другъ дружкѣ!»

«Кланяйтесь!»

Когда произносилъ просто «кланяйтесь», то молодые кланялись ему въ ноги. Поклоны отцу и матери всегда сопровождались двукратнымъ лобзаніемъ. Потомъ поставили молодыхъ на колѣни. Отецъ, мать и двое дружекъ положили имъ на головы руки, такъ что на каждую голову пришлось по двѣ пары рукъ. Тутъ Никита опять началъ читать, опять скомандовалъ нѣсколько разъ «кланяйтесь» и затѣмъ объявилъ, что дѣло кончено. Съ непокрытыми головами шла толпа по улицѣ къ дому жениха. Въ срединѣ толпы, рядомъ съ мужемъ, шла молодая, и завѣшенное еще при вѣнчаніи лицо ея такъ и оставалось закрытымъ. Пѣніе довольно мелодичное сопровождало шествіе. За шедшею толпой везли приданое. Шесть красныхъ, новенькихъ, одинаковой величины сундуковъ были поставлены въ рядъ на длинныхъ дрогахъ. Сверху сундуковъ въ безпорядкѣ набросаны были разныя постельныя принадлежности. Въ толпѣ шла рѣчь о содержимомъ шести сундуковъ и дѣлались предположенія, что сундуки на половину пустые и что такъ много понаставлено «съ одного форса». Около дома молодаго процессія остановилась, пропѣла предъ дверьми одну изъ Рудометкинскихъ пѣсень и проводивъ молодыхъ разошлась по домамъ.

Съ такой же, если еще не съ бо́льшею простотою, совершаются прочіе обряды, какъ напримѣръ, крещеніе и погребеніе. Тутъ уже не дѣлается никакихъ церемоній. На крещеніе даже никогда не зовутъ попа или читальщика; самъ отецъ даетъ новорожденному имя, самъ читаетъ надъ нимъ массу молитвъ и, если можно, устраиваетъ «обѣдецъ» или жертву.

Въ послѣдніе годы прыгуны вообще начали склоняться къ признанію правильности празднованія субботы предпочтительно предъ воскресеньемъ и, приблизившись, вслѣдствіе этого, бо-

лѣе къ жидовствующимъ, стали своимъ новорожденнымъ давать имена преимущественно древне-еврейскія, и теперь уже въ каждомъ прыгунскомъ семействѣ можно встрѣтить Саръ, Рахилей, Реввекъ, Давидовъ, Сауловъ и проч., и проч., а также нередко увидѣть празднованіе прыгунами еврейскихъ праздниковъ.

Кстати о праздновании и праздникахъ. Если неразвитіе народа отчасти выражается въ множествѣ праздниковъ, то прыгуны должны быть отнесены къ народамъ самымъ цивилизованнымъ. Прыгуны, кромѣ воскресныхъ дней, довольствуются самымъ ограниченнымъ числомъ праздниковъ. Таковыхъ собственно три: «Пасха», «кущи» и «память трубъ». Въ отношеніи времени празднованія, прыгуны придерживаются законовъ Моисеевыхъ и потому ихъ праздники совпадаютъ съ праздниками субботниковъ. Исчисленіе идетъ по лунѣ, почему разнымъ формамъ ея придается болѣе или менѣе солидное значеніе. Путаница, впрочемъ, идетъ тутъ изрядная. Никто толкомъ ничего не знаетъ, всѣ смотрятъ другъ на друга и идутъ ощупью. Всѣ они согласны, что празднованіе субботы, вмѣсто воскресенья, было бы правильнѣе, но рѣшительному переходу къ субботѣ мѣшаетъ частью недостатокъ иниціативы, отчасти неувѣренность, что переходъ будетъ правиленъ, такъ какъ еще не знаютъ объ этомъ мнѣнія Максима Рудометкина находящагося въ Соловецкомъ монастырѣ. Больше же всего прыгуны колеблятся вслѣдствіе нежеланія слиться съ субботниками, къ которымъ прыгуны чувствуютъ нѣкоторое презрѣніе за обнаруженную ими, въ особенности въ послѣднее время, склонность къ спиртнымъ напиткамъ и непомѣрному лихоимству. Субботниковъ они пренебрежительно величаютъ жидами и употребляютъ это названіе, какъ впрочемъ это дѣлается повсюду, въ смыслѣ бранномъ. Наконецъ, отъ рѣшительнаго склоненія на сторону субботы ихъ удерживаетъ и высокое почтеніе, которое они оказываютъ Христу. Въ Евангеліи они не нашли того

мѣста, которое бы узаконило для нихъ празднованіе воскресенья и потому многіе прыгуны собираются скоро начать празднованіе субботы, такъ какъ правильность празднованія воскресенья ничѣмъ, по ихъ мнѣнію, не удостовѣряется. Въ самое послѣднее время прыгуны с. Воскресенки даже хотѣли было первые показать собою примѣръ «перехода на субботу», такъ какъ главный ихъ пророкъ, Емельянъ Телегинъ, сообщилъ обществу, что ему «по духу извѣстно», что такой переходъ одобряется Рудометкинымъ, но за всѣмъ тѣмъ на субботу пока не перешли.

Въ отношеніи празднованія Пасхи прыгуны придерживаются также книгъ Моисеевыхъ. «Въ первомъ мѣсяцѣ, сказано тамъ, въ четвертый надесять день мѣсяца, между вечерними, Пасха Господу. И въ пятый надесять день мѣсяцъ перваго, праздникъ опрѣсноковъ Господу: седмь дней опрѣсноки да ясте».

Первымъ мѣсяцемъ въ году у нихъ считается мартъ, а потому прыгунская Пасха всегда бываетъ въ этомъ мѣсяцѣ.

Празднуется также прыгунами «память трубъ», но что это за «память трубъ», прыгуны толкомъ не знаютъ. Празднуютъ эту память однѣ сутки, а подъ очищеніемъ разумѣютъ необходимость покаянія и въ этотъ день съ вечера, настроившись покаянно и углубившись въ созерцаніе своей внутренней грѣховности, собираются на молитву, въ которой проводятъ всю ночь и заканчиваютъ усерднымъ духовнымъ плясомъ.

«Кущи» празднуются въ домахъ, не устраивая, подобно евреямъ, временныхъ жилищъ около своихъ хатъ и не напекая «маци» и разныхъ пряностей и коврижекъ, какъ это дѣлаютъ евреи.

Празднуютъ ли прыгуны, рядомъ съ еврейскими праздниками, и праздники Христовы, какъ-то Крещеніе, Рождество, Богоявленіе,—это опредѣлить весьма трудно и въ этомъ отношеніи между ними самими замѣтно великое разномысліе и ко-

лебаніе. Не совсѣмъ отрѣшившись отъ молоканства и еще не приставъ къ субботникамъ, прыгуны и сами не знаютъ, чего имъ держаться, тѣмъ болѣе, что теперь среди нихъ нѣтъ рѣшительно авторитетнаго человѣка, какимъ былъ Максимъ Рудометкинъ. Одни утверждаютъ, что всѣ эти праздники у нихъ будто бы празднуются, но только не совпадаютъ съ тѣми же праздниками православной церкви, потому будто бы, что у нихъ идетъ особое исчисленіе по лунѣ; другіе же прямо утверждаютъ, что этихъ праздниковъ они вовсе не празднуютъ и не почитаютъ. По нашимъ наблюденіямъ оказывается, что послѣднее вѣрнѣе, хотя прыгуны и утверждаютъ, что у нихъ есть какой-то *календарь*, въ которомъ эти праздники помѣщены, каковымъ календаремъ они будто бы и руководствуются, но это совсѣмъ невѣрно и календаря нигдѣ не видно. Какой это календарь, гдѣ онъ составленъ и гдѣ хранится, я добиться не могъ и прыгуны ссылаются на него больше съ тою цѣлью, чтобы дать понять, что указанія на счетъ времени и порядка празднованія они будто бы *откуда*-то получаютъ, что гдѣ-то у нихъ есть *главные* руководители, которые этимъ заправляютъ, но все это неправда, и закавказскіе прыгуны, въ этомъ, какъ и во всѣхъ подобныхъ вопросахъ, никакихъ указаній ни откуда не получаютъ.

Другое дѣло въ отношеніи вопроса о дозволенной къ употребленію пищи. Въ воззрѣніяхъ на этотъ пунктъ всѣ прыгуны между собою сходятся, безъ всякихъ разнорѣчій. Прыгуны, какъ молокане и субботники, прежде всего большіе свиноненавистники и ненависть ихъ распространяется не только на свинью, но и на зайца и многихъ другихъ животныхъ, которыхъ они въ пищу не употребляютъ, находя положительное запрещеніе такого употребленія въ св. писаніи. Въ ненависти къ свиньямъ всѣ эти сектанты особенно стойки, возражая противъ всякихъ резоновъ въ защиту свиньи одно: «Богъ не приказалъ». Одинъ изъ прыгунскихъ учителей толковалъ даже, что барана и ко-

рову потому можно ѣсть, что они не *кричатъ*, когда ихъ рѣжутъ, чѣмъ будто бы и выражаютъ свое полное согласіе повиноваться волѣ божіей, предназначавшей баранью породу на питаніе человѣчеству. На счетъ же свиньи оказалось, что кромѣ безобразнаго крику и неумѣстнаго сопротивленія, которое она оказываетъ, когда ее влекутъ на алтарь человѣческой ненасытности, ее нельзя еще ѣсть и потому, что Богъ проклялъ ее, ибо она «кряхтитъ не болѣмши и ищетъ не потерямши».

Къ вопросу о пищѣ можно лишь прибавить, что и дозволяемая писаніемъ къ употребленію скотина, зарѣзанная не прыгуномъ, не должна быть употребляема прыгунами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, однако, считаютъ безразличнымъ, зарѣзана ли скотина прыгуномъ или молоканиномъ, лишь бы не жидомъ и не иконникомъ т. е. православнымъ. Всякое рѣзаніе быка или теленка громко величается *жертвоприношеніемъ* и нельзя сказать, чтобы способъ этихъ жертвоприношеній обличалъ въ жертвоприносителяхъ состраданіе къ животнымъ. Жертва привязывается къ столбу и не зарѣзывается сразу или не убивается топоромъ, а только надрѣзывается и оставляется въ такомъ положеніи, довольно продолжительное время мучась, вырываясь съ стонами и ревомъ. Такой процессъ жертвоприношенія будто бы также указанъ въ писаніи; медленное же убіеніе имѣетъ будто бы тотъ смыслъ, что кровь *лучше* и больше вытекаетъ. Въ какомъ мѣстѣ писанія это сказано—неизвѣстно, а порядокъ такой.

Какъ понимаютъ прыгуны идею царствія небеснаго и вѣчнаго блаженства, уже разъяснено выше. Соперничество за будущія мѣста въ раю касаются, впрочемъ, по мнѣнію прыгуновъ, не столько всѣхъ прочихъ еретиковъ, какъ прыгуны называютъ православныхъ и всѣхъ христіанъ вообще, сколько молоканъ и субботниковъ—ихъ ближайшихъ сосѣдей, наиболѣе съ ними сталкивающихся и препирающихся. Признавая, что молокане, хотя и отступники отъ правой вѣры, но, тѣмъ не менѣе, ближе

другихъ находящіеся на пути къ этой правой вѣрѣ, прыгуны называютъ себя членами Сіона, а молоканъ—членами Іерусалима, причемъ, по ихъ понятію, сіонское братство происходитъ вовсе не отъ названія горы Сіонъ, а отъ того, что духъ ихъ *сіяетъ*.

Относительно этихъ членовъ Іерусалима прыгуны, негодуя болѣе всего за то, что они не признаютъ духа, разсуждаютъ такъ: когда придетъ антихристъ (по ихнему анчихристъ), то члены Сіона будутъ отправлены «въ мѣсто убѣжище», куда именно, они однако не знаютъ, а члены Іерусалима на $3^1/_2$ года остаются подъ властью антихриста и только путемъ продолжительныхъ мученій они познаютъ, наконецъ, сколь сильно они ошибались относительно прыгуновъ и божественнаго происхожденія ихъ ученія. Въ концѣ концовъ, однако, члены Іерусалима удостоятся присоединенія къ членамъ Сіона, за исключеніемъ самыхъ упорныхъ, которыхъ удѣлъ «вѣчное мученіе». Въ книжкѣ «Душевное Зеркало», находящейся въ обращеніи между прыгунами, въ главѣ названной «Горе всему свѣту», антихристъ деликатно называется «великимъ монархомъ», и прыгуны вѣрятъ, что только послѣ появленія этого монарха образумятся члены Іерусалима и захотятъ стать на путь правый, то есть принять ученіе прыгуновъ, и тогда «предъ онымъ мучительнымъ *звѣремъ* ихъ защитою будутъ два знаменитые свидѣтеля». Свидѣтели эти, оказывается, будутъ вознесшіеся живыми на небо пророкъ Илія и Енохъ, о чемъ будто бы сказано даже въ апокалипсисѣ (по-прыгунски аполексисъ). Относительно великаго монарха (гл. 12 «Душевное Зеркало»), одинъ изъ прыгунскихъ учителей при насъ выразилъ въ собраніи такое соображеніе:

«Когда явится антихристъ, то первѣе всего Вавилонъ будетъ разрушенъ и уничтожены всѣ народы».

«Вавилона,—замѣтилъ я учителю:—уже нѣтъ. Что же будетъ разрушено?»

Учитель на минуту призадумался, но потомъ оправился и нашелъ выходъ:

«Мы это-то знаемъ, что Вавилона нѣтъ,—сказалъ онъ:— мы подъ нимъ, значитъ, понимаемъ всю, значитъ, управу...»

«Какую управу?» вопрошалъ я.

«Да, значитъ, всѣхъ иконниковъ, всѣхъ идолопоклонниковъ, кто ихъ тамъ знаетъ?»

«Ну, а какіе народы будутъ уничтожены вмѣстѣ съ Вавилономъ?» спрашиваю я.

«Всѣ народы, кромѣ тѣхъ, которые поклоняются Богу живому. Вотъ къ примѣру татары—тѣ не будутъ уничтожены...»

«А англичане будутъ?»

«Мы этого не знаемъ! Какіе это англичане? Нѣмцы они, али татары, али армяне?»

«Нѣтъ, они англичане! Народъ совсѣмъ особенный!»

«Не можемъ знать! Кто ихъ знаетъ, какой это народъ...»

Затѣмъ, для полнаго представленія о внутренней сторонѣ прыгунскаго ученія, необходимо еще коснуться вопроса о повиновеніи властямъ. Ни прыгуны, ни молокане не только какимъ либо дѣйствіемъ не обнаружили склонности къ неповиновенію или непризнанію царской или правительственной власти, но и въ словесныхъ своихъ разсужденіяхъ о правахъ земныхъ владыкъ никогда не доходили до отрицанія царской или иной власти. Едва-ли, напротивъ, закавказскіе сектаторы не служатъ наилучшимъ образцомъ повиновенія земнымъ владыкамъ, своимъ исправнымъ отбываніемъ всякихъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей, точностію исполненія самыхъ мелкихъ полицейскихъ требованій и соблюденіемъ у себя внутренняго порядка, тишины и спокойствія. Если же ихъ *неповиновеніе* выражается единственно въ отрицаніи православія или скорѣе въ своеобразномъ пониманіи *истинной* вѣры, то, поплатившись за это пониманіе ссылкой и лишеніемъ правъ состоянія, они уже

искупили и еще продолжаютъ искупать свои заблужденія. Принесенныя молоканами и прыгунами пожертвованія на войну, кажется, не оставляютъ сомнѣнія въ ихъ симпатіяхъ къ общему отечеству.

При посѣщеніи Государемъ Императоромъ Тифлиса, въ 1871 году, была даже сдѣлана попытка поднесенія Государю привѣтственнаго стихотворенія прыгунскаго сочиненія. Попытка явилась въ сел. Воскресенкѣ и не осуществилась только благодаря случайностямъ. Авторомъ стихотворенія былъ житель этого села, Василій Емельяновъ Шубинъ, большой дока по части писанія; онъ же сочинитель для односельцевъ всякихъ прошеній, онъ же сельскій учитель, онъ же мастеръ на разныя руки—плотникъ, сапожникъ, колесникъ, портной. Василій Шубинъ, для полноты образованія, даже обучался въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ игрѣ на кларнетѣ и, по его словамъ, можетъ на этомъ инструментѣ изобразить 120 голосовъ (мотивовъ). Шубинъ, кромѣ всѣхъ этихъ искусствъ и ремеслъ, еще сочинитель духовныхъ пѣсенъ, и не скрываетъ увѣренности, что пѣсни, имъ сочиненныя, столь высокаго достоинства, что всѣ рудометкинскія, въ сравненіи съ его, шубинскими—ничто.

Прослышавъ о предстоящемъ пріѣздѣ въ Тифлисъ Государя, Шубинъ задумалъ, какъ онъ говоритъ, и лично заслужить царское спасибо, да и провести кстати правильный взглядъ на прыгуновъ, чтобъ, молъ, «не думали, что мы какіе-нибудь невѣжи». Стихи и къ нимъ голосъ Василій Шубинъ придумалъ самъ, но поднесть стихи одинъ не рѣшался и не зналъ, куда за этимъ обратиться, а общество, опасаясь какого-нибудь подвоха со стороны Шубина и гнѣва полиціи, а съ другой стороны не зная вообще, какъ примутъ эту затѣю, медлило и не высказывалось. Списавъ заготовленные имъ стихи и показывая ихъ разнымъ лицамъ, Шубинъ выражалъ сердечное свое желаніе увидѣть ихъ напечатанными въ какой-нибудь газетѣ, дабы хоть этимъ путемъ они дошли по назначенію, но стихи эти,

при всей почтенности побужденія, ихъ вызвавшаго, для напечатанія годными не оказались.

Сочиненная Василіемъ Шубинымъ пѣсня слѣдующаго содержанія:

«Пѣснь во славу Государю Императору, Помазаннику Божію».

Богъ святославенъ и великъ
Славить Царя намъ велитъ!
Самъ Богъ изъ славы своей
Удѣлилъ Царю въ жизни сей.
Какъ прекрасно Богъ сотворилъ,
Царя мира намъ воцарилъ.
Мы, природные сыны Россіи
И будемъ пѣть стихи сіи,
И громозвучно воспѣвать
Императора прославлять!
Императоръ великій Царь,
Всей Россіи Государь
Помазанникъ Божій отецъ нашъ!
Мы готовы на всѣ жертвы за васъ.
Ополчаться противъ враговъ
За царя русскій народъ готовъ.
Мы, вѣрноподданные вамъ,
А Ты Самодержецъ всѣмъ намъ,
Мы изъ любви Тебя славимъ
И здравія Вамъ желаемъ.
Въ богомоленіи каждый разъ
Всѣ мы молимся за Васъ
И за Твой августѣйшій домъ
Слава Богу и поклонъ!
О великій нашъ Царь,
Всемилостивѣйшій Государь,
Славно могучій герой,
Государь Александръ Второй!
Въ Россіи крестьянъ освободилъ
И повсемѣстно не забылъ.
О, великій милостивецъ!
Награди Тебя Творецъ,

Какъ звучатъ всѣ голоса
Съ молитвой къ Богу въ небеса,
За милость Царя мы хвалимъ
И всѣхъ благъ ему желаемъ
Навсегда, чтобы Господь Богъ
Хранилъ Его отъ враговъ
И много лѣтъ Ему царствовать
Въ мирѣ Русью управлять,
А въ будущей жизни вѣчной
Быть въ блаженствѣ безконечной,
Гдѣ серафимы воспѣваютъ
Превѣчнаго Бога прославляютъ
И гдѣ возсѣдаетъ Царь царей
„По чину Мельхиседека—Iерей".
Вотъ обитель вѣчная
Въ небесахъ царство безконечное,
За милость Царю награда,
Въ вѣчности душѣ отрада!
О, великолѣпность въ вѣчности!
Какъ изъяснить все бренности!
Знаетъ только Богъ одинъ,
Истина вѣрна. Аминь.

Послѣ каждыхъ двухъ строкъ слѣдуетъ припѣвъ: «Слава нашему Царю, всей Россіи Государю».

Тотъ же авторъ сочинилъ еще пѣсню, въ томъ же духѣ и, по обыкновенію, придумалъ къ ней голосъ, на манеръ обыкновенныхъ прыгунскихъ напѣвовъ. Пѣсня эта озаглавлена: «На встрѣтеніе Государю Императору, Помазаннику Божію. Пѣснь».

Богомъ благословенъградый
Государь Александръ Вторый!
О, коль велика добродѣтель!
Коль славенъ Сѣвера владѣтель!
Онъ какъ солнце на всѣхъ сіяетъ
И съ нимъ вся Россія процвѣтаетъ.
По указу Его Величества,
Возрастаютъ всѣ совершенства!

Ему слава, честь и хвала,
Громкое ура! ура! ура!

Распространивъ это сочиненіе во многихъ писанныхъ экземплярахъ, Василій Шубинъ подъ каждымъ собственноручно росписался: «сочинитель Вас. Емел. Шубинъ».

Стихи эти заслуживаютъ вниманія прежде всего потому, что они не составляютъ только поэтическую фантазію «сочинителя Василія Емельянова Шубина», а являются истиннымъ выраженіемъ чувствъ и мыслей прыгуновъ, потому что пѣсня распѣвается въ собраніяхъ и слѣдовательно одобряется, а во-вторыхъ, стихи эти заслуживаютъ вниманія и тѣмъ, что въ нихъ проводятся мысли, какъ бы прямо несвойственныя ученію прыгуновъ, молоканъ и всѣхъ подобныхъ толковъ, въ томъ видѣ, какъ они офиціально извѣстны. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что моленья за царствующій домъ у сектантовъ не существуетъ, но неправильность этого воззрѣнія, кромѣ приведенныхъ стихотвореній, несомнѣнно прыгунскаго происхожденія, доказывается еще и упомянутымъ выше «Обрядомъ», гдѣ есть глава о царѣ, въ которой проводятся тѣ же мысли, что въ шубинскомъ стихотвореніи. Вообще Шубинъ, какъ и всѣ прыгуны, говорятъ неохотно о томъ, какъ думаютъ прыгуны, напримѣръ, о власти правительства, о правахъ земныхъ владыкъ на ихъ доходы или имущество, на тѣлесную неприкосновенность и на личную каждаго изъ нихъ свободу и т. п. Смыслъ прыгунскихъ рѣчей, по всѣмъ этимъ предметамъ, вообще теменъ и понимается съ трудомъ или совсѣмъ не понимается, а приходится больше догадываться и додумываться по проскальзывающимъ намекамъ. При всемъ томъ, многіе прыгуны, какъ люди грамотные и толковые, давно постигли уже, что́ можно говорить и чего нельзя, но, въ силу еще прежнихъ страховъ, они неохотно распространяются о своей вѣрѣ, и, напримѣръ, только подъ великимъ секретомъ, одинъ изъ учите-

лей сообщилъ мнѣ о существованіи въ Воскресенкѣ еще одной рѣдкостной книжки, написанной рукою Рудометкина и имѣющейся всего въ одномъ экземплярѣ. Книжка эта содержится въ большомъ секретѣ собственно потому, что прыгуны опасаются отвѣтственности за то, что книжка, озаглавленная «Возсіяетъ вамъ солнце правды», подписана такъ: «Царь духовъ Максимъ Рудометкинъ»; въ самой же книжкѣ, по словамъ Шубина, противузаконнаго ничего не содержится, а написана она, разумѣется, *по духу*. Царство надъ духами, по увѣренію Шубина, безспорно принадлежитъ Рудометкину, а въ с. Хачинкѣ *) хранится даже царская корона царя духовъ, со всѣми прочими регаліями, какъ-то: лентой и орденскими знаками.

Свидѣтельства такихъ лицъ, какъ прыгунскіе учителя и молитвенники, не могутъ, по нашему мнѣнію, не имѣть значенія, въ виду уже того вліянія, которымъ эти люди пользуются въ своемъ обществѣ за святую жизнь и благочестіе. Большинство изъ нихъ дѣйствительно ведетъ весьма скромную жизнь. Многіе никогда не ѣдятъ мяса, чай пьютъ только съ медомъ или кишмишемъ, считая употребленіе сахара грѣхомъ. Они никогда не ругаются и никакихъ «гнилыхъ словъ» никогда не произносятъ. Они вообще большіе мистики, много говорятъ о сочувствіи къ Богу, о внутреннемъ познаваніи божества, также толкуютъ своимъ слушателямъ частенько о томъ, что Богъ сотворилъ всѣхъ людей добрыми, далъ всѣмъ свободную волю, но «слабость похотѣнія» губитъ людей, дѣлая ихъ грѣшными. Въ св. писаніе всѣ безусловно вѣрятъ. Всѣ темныя мѣста кажутся имъ достаточно вразумительными и ясными и они никогда не стѣсняются въ ихъ толкованіи по крайнему своему разумѣнію. Къ слову сказать, тому же Шубину, къ которому мы уже болѣе не возвратимся, принадлежитъ и слѣдующая пѣсня:

---

*) Кажется въ Елисаветпольской губерніи.

Молитва съ пѣснью.

Мы вѣруемъ—Богъ съ нами,
Онъ вѣчно намъ въ царя—
Припадемъ мы со слезами,
Къ подножью его алтаря!

Боже, прими мольбы Сіона,
Да взыдетъ плачъ-вопль на небеса,
Избавь насъ отъ сего стона,
Къ тебѣ взываемъ на голоса!

Боже, храни насъ отъ враговъ
На сей юдоли земной,
Сердце наше полно упованья
На милость твою, всесвятой!

Ты, Іегова, Богъ боговъ
Всему міру Творецъ
Избавь насъ отъ всѣхъ враговъ
Всемогущій нашъ отецъ.

Дабы напрасны были усилья
Нечистыхъ злыхъ враговъ,
Кои Сіонъ всегда поносили.
Но Сіонъ чтитъ самъ Богъ Іеговъ!

Никогда Богъ не попуститъ
Побѣжденнымъ быть тому,
Кто въ вѣрѣ живой, святой
Обращается къ нему.

Воскликнемъ мы къ Богу
Слезно усердной мольбой,
Боже! Будь Сіону на помогу,
Онъ со врагами борьбой!

И узнали бы враги твоя велѣнья,
Стало бъ видно ясно имъ,

Что безумны ихъ стремленья
Предъ могуществомъ твоимъ.

За все хвала святому,
Который насъ сотворилъ,
Богу вѣчному живому,
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Въ свое время было пролито много прыгунскихъ слезъ при исполненіи этой пѣсни.

III.

Откуда взялось прыганье.

Въ январѣ 1853 года пошли предварительные слухи о появленіи въ сел. Никитиномъ и Воскресенскомъ (Алек. уѣзда) *новой секты прыгуновъ*. Почти одновременно стало извѣстно, что во всѣхъ другихъ молоканскихъ селеніяхъ есть послѣдователи той же секты. Новая секта, повидимому, быстро преуспѣвала, потому что не успѣли пройти эти слухи, какъ, по дознанію полиціи, оказалось, что въ Никитинѣ *почти всѣ*, а въ Воскресенкѣ *одна половина* жителей принадлежатъ къ новой сектѣ или къ *новому безумію*, какъ отъ себя соображалъ уѣздный начальникъ.

Полицейское дознаніе успѣло, на первый разъ, обнаружить только существованіе какого-то *новаго безумія* и прибавляло, что догматы новой секты ложно перетолкованы изъ библіи, *«но изъ какой главы—неизвѣстно»*. По собраннымъ первоначальнымъ свѣдѣніямъ, оказалось, что появился какой-то *«новый главный толкователь»*, по имени и фамиліи неизвѣстный, что явился онъ именно изъ Шемахинской губерніи, перебывалъ во многихъ селахъ и затѣмъ исчезъ.

Главный этотъ толкователь величалъ себя богомъ. Проповѣдь его заключалась въ томъ, что скоро-де настанетъ кончина свѣта, что умереть слѣдуетъ очистившись отъ грѣховъ и что

для такого очищенія имъ, главнымъ толкователямъ, уже назначены въ деревняхъ особенныя довѣренныя лица, названныя *искупителями грѣховъ*. Въ деревнѣ Никитинѣ этими искупителями были Герасимъ Клубничкинъ, Василій Цыкинъ, Терентій Колосовъ. Въ придачу имъ былъ данъ старецъ *Акимъ* въ качествѣ спеціалиста-снотолкователя. Искупители, въ присутствіи народа, обыкновенно въ *собраніи*, толковали грѣхъ каждаго, интересовавшагося этимъ дѣломъ, приглашали при этомъ очиститься, а старецъ Акимъ тутъ же толковалъ сны.

Толкованіе собственныхъ грѣховныхъ дѣяній оказалось настолько занимательнымъ, что обратившіеся къ новому ученію стали, мало-по-малу, переставать заниматься своими обыкновенными работами, собирались на цѣлые дни въ свои молельни, т. е. сборныя для молитвы избы, приносили *подаяніе* кто чѣмъ попало: деньгами, имуществомъ и проч., за что̀ и получали немедленное отпущеніе грѣховъ, при томъ однако условіи, чтобы *искупители* нашли подаяніе соотвѣтственнымъ тяжести грѣховъ кающагося. Кто дѣлалъ скудное приношеніе, того искупители выгоняли изъ собранія, какъ грѣшника; кто приносилъ достаточно, то искупители, «яко назначенные отъ Бога», начинали производить особенныя тѣлодвиженія, падать навзничь и проч. и, приходя такимъ порядкомъ въ соприкосновеніе съ духомъ, вымаливали для кающагося прощеніе и онъ уходилъ съ облегченнымъ сердцемъ. Въ сел. Воскресенкѣ искупителями назначены были Сохряковъ и Василій Шубинъ,—не тотъ, о которомъ сказано выше, а другой.

Въ порядкѣ грѣхоочистительныхъ и снотолковательныхъ инстанцій, надъ искупителями поставленъ былъ еще одинъ чинъ, названный «*жертвенникомъ*». Это былъ делижанскій крестьянинъ Лукьянъ Петровичъ, у котораго стекались всѣ денежныя пожертвованія. Оказалось, однако, что эта обязанность весьма щекотливая. Въ самомъ началѣ проявленія прыгунства, къ явному соблазну новыхъ прозелитовъ, произошла

между Лукьяномъ Петровичемъ и *искупителями* значительная ссора. *Искупители* и *жертвенникъ* крупно поругались по поводу растраты жертвы, которую допустили искупители, и ссора эта была причиной, что многіе изъ обращенныхъ въ *новое безуміе* обратились вновь въ молоканство.

Дальнѣйшія свѣдѣнія о новыхъ сектантахъ сообщали, что основаніе новому ученію взято изъ *главы XIII пророка Іезекіиля*, начиная съ стиха 10. Прошелъ затѣмъ слухъ, что сектанты нашли какую-то старинную книгу, которая служитъ основаніемъ ихъ ученія. Что большинство послѣдователей этого ученія вышло изъ среды такъ называемыхъ *общихъ* и молоканъ, и эти, такъ сказать, сугубые отщепенцы и отъ православія и отъ молоканства названы *прыгунами*, хотя сами отщепенцы продолжали, подобно молоканамъ, называть себя «*духовными христіанами*» и утверждали, что ихъ вѣра есть только «исправленіе и добавленіе вѣры молоканской», — новаго же ничего не представляетъ.

Всѣ первоначальныя свѣдѣнія о новомъ ученіи указывали, что самое моленіе производилось съ какими-то странными тѣлодвиженіями, какъ-то: трясеніемъ тѣла, маханіемъ рукъ, раскачиваніемъ корпуса, а главное, пляской, которая производилась до потери чувствъ, причемъ плясавшіе падали ницъ и долго оставались въ такомъ положеніи.

Въ одномъ изъ первыхъ донесеній намѣстнику кавказскому, мѣстный губернаторъ докладывалъ, что, кромѣ выяснившихся уже сторонъ новаго ученія, послѣдователи новой секты «предаются явному разврату съ цѣлью религіозною», причемъ выражалось опасеніе, что новая «*гнусная секта*», *по всѣмъ вѣроятіямъ*, имѣетъ еще какую-нибудь скрытую цѣль. Но скрытыхъ цѣлей, при самомъ тщательномъ изслѣдованіи, все еще обнаружить не могли, и начальникъ Бамбакскаго *) участка

*) Александропольскаго уѣзда.

не только этихъ цѣлей не открылъ, но доносилъ, хотя и не совсѣмъ выразительно, что пропагандисты хотѣли, кажется, прежде всего, собрать дань съ людскаго невѣжества, а религіозныя цѣли были дѣломъ лишь побочнымъ. «Догматы новаго ученія,—писалъ этотъ начальникъ:—обнаружились въ лихоимствѣ; проповѣдники требуютъ раскаянія во всеуслышаніе и для отпущенія грѣховъ, возмездія собственностью, чѣмъ можетъ кающійся грѣшникъ вознаградить оныя». Полицейскіе розыски, между тѣмъ, продолжались, и одинъ изъ первыхъ былъ заарестованъ житель селенія Никитина, Василій Шубинъ, ревностный прыгунъ, который считался *старшимъ ученикомъ того пророка* или бога, фамилія котораго по-прежнему оставалась неизвѣстной.

Новое ученіе на первое время распространилось только въ Александропольскомъ уѣздѣ и въ сосѣдній Новобаязетскій уѣздъ пока не проникало, и потому мѣстный (новобаязетскій) уѣздный начальникъ, еще въ маѣ 1853 года, курьёзно доносилъ, что *между молоканами никакая ересь еще не проникла*. Тѣмъ временемъ изъ розысковъ и дознаній оказалось, что таинственно появившійся и затѣмъ таинственно исчезнувшій пророкъ или богъ приходилъ издалека и есть житель сел. Андреевки Ленкоранскаго уѣзда по фамиліи Уколъ Любавинъ или Любафѣевъ. Сел. Андреевка въ то время было мѣстомъ средоточія послѣдователей секты *общей* или Акинѳьевой. Уколъ принадлежалъ къ общинѣ, былъ грамотенъ и, на досугѣ почитывая Апокалипсисъ, набрелъ между прочимъ на главу 13-ю пророка Іезекіиля и пришелъ къ заключенію о близости кончины міра. Этотъ Уколъ и былъ первымъ *прыгуномъ*.

Собственно догмата *прыганья* никто никогда не проповѣдывалъ, и Уколъ никому не внушалъ, что прыгать обязательно или необходимо; самъ же онъ это дѣлалъ, повинуясь, какъ онъ объяснялъ, «непреодолимой силѣ». Глава о *седьмой печати* убѣдила Укола, что страшный судъ близокъ и что седьмая пе-

чать уже разверзлась. Всѣ предсказанія Апокалипсиса, какъ убѣдился Уколъ, уже сбылись: былъ гладъ и моръ на человѣковъ и тварей, былъ трусъ по землѣ, горы разсыпались, воды убѣгали. Для него было ясно, что покаяніе передъ кончиною было необходимо и Уколъ сталъ проповѣдывать покаяніе въ формѣ гласнаго объясненіе своихъ грѣховъ передъ избранными людьми, послѣ чего грѣхи очищались жертвоприношеніемъ. Уколъ, однако, и не думалъ вводить какое-либо новое ученіе и, продолжая принадлежать къ сектѣ общихъ, сдѣлалъ къ ученію ихъ лишь нѣкоторыя необходимыя, по его мнѣнію, дополненія, изъ которыхъ важнѣйшее было публичное покаяніе.

Секта *общихъ* или Михаила Акиньѳева Попова возникла нѣсколько раньше. Начало общей собственности проводилось довольно послѣдовательно. Сектанты жили домами въ 30—40—50 душъ; хозяйствомъ завѣдывали выбранные старшины, въ рукахъ которыхъ находились общія денежныя суммы. Особенности ихъ вѣрованія заключались прежде всего въ выборѣ 12 чиновъ, которые имѣли особыя названія, въ родѣ: 1) судья, 2) жертвенникъ, 3) распорядитель, 4) видитель, 5) словесникъ, 6) членъ, 7) мысленникъ, 8) тайникъ и, наконецъ, четыре женскіе члена, которымъ особыхъ названій не было. Всѣ эти члены несли особыя обязанности: распорядитель отбиралъ шапки у входящихъ въ собраніе и складывалъ ихъ въ общую кучу; *тайникъ* принималъ исповѣдь, для чего удалялся въ совершенно отдѣльную комнату и т. д. Каждый членъ секты получалъ названіе какой нибудь части тѣла, въ родѣ головы, правой или лѣвой руки, глазъ.

Изслѣдованія, произведенныя начальствомъ объ ученіи Укола Любавина, привели, между прочимъ, прежде всего, къ нѣкоторому выясненію подробностей ученія общихъ и указали на главныхъ его дѣятелей. Кромѣ Укола Любавина, біографія котораго приведена будетъ ниже, и упомянутаго уже Лукьяна

Петровича, который былъ сдѣланъ общимъ казначеемъ и хранилъ значительную сумму денегъ, собранную жертвами, оказались слѣдующіе дѣятели: житель сел. Новоделижанъ, Иванъ Ларіоновъ, выбранъ былъ *искупителемъ;* поселянинъ сел. Воронцовки, Алексѣй Добрынинъ, былъ наименованъ *старшиной* или *настоятелемъ.* У послѣдняго въ домѣ была устроена обширная молельня. Упомянутые выше Максимъ Рудометкинъ, Василій Цыкинъ, Герасимъ Клубничкинъ и Акимъ величались *главными угодниками.* Все это были самые усердные прыгунскіе дѣятели, а впослѣдствіи оказалось, что жители сел. Карабулагъ, Денисъ Клеменовъ и Александра Ермакова, привлеченные къ дѣлу объ Уколѣ Любавинѣ, долгое время исполняли обязанности *спасителя* и *богородицы.* Притянутый къ слѣдствію Любавинъ, отрицая всякое намѣреніе ввести какое либо новое ученіе, объяснилъ, что на него дѣйствительно нападаетъ непонятное ему трясеніе, продолжающееся отъ 2-хъ минутъ до 1-го часу, и что при этомъ онъ самъ не знаетъ, что̀ говоритъ и что́ дѣлаетъ. Не признавая своей виновности, Любавинъ доказывалъ, что отъ секты общихъ онъ никогда не отставалъ. Клеменовъ показалъ, что онъ Акинѳьевецъ (общій), что Акинѳій поставилъ его главнымъ надъ всѣми своими послѣдователями въ Закавказскомъ Краѣ, а вторымъ послѣ него — рядового Филимона Дороѳеева. Клеменовъ не скрылъ и того, что онъ и Дороѳеевъ находятся въ перепискѣ съ Акинѳіемъ, жившимъ будто бы за границей, и что послѣдній будто прислалъ въ *столовую сумму* сел. Андреевки 103 р. Все число послѣдователей общей секты доходило, по заявленію Клеменова, въ Закавказскомъ Краѣ до 300—400 душъ и въ числѣ ихъ 12 рядовыхъ линейнаго баталіона въ Ленкоранѣ. На предварительномъ слѣдствіи по дѣлу Любавина, между прочимъ, обнаружено, что поселянинъ дер. Борисовки, Гурій Петровъ, былъ знакомъ въ Шушѣ съ какимъ-то Зарембою, который будто бы печаталъ тамъ книги и затѣмъ будто бы удалился въ Англію,

откуда переписывался съ Шушинскимъ жителемъ, Давыдомъ, ремесломъ трактирщикомъ, чѣмъ, по словамъ Любавина, воспользовались послѣдователи общей секты и, въ видахъ укрѣпленія въ своемъ ученіи и бо́льшаго убѣжденія въ истинности его, запрашивали Зарембу письмомъ на счетъ того: «нѣтъ ли гдѣ упованія подобнаго Акинѳьеву», на что получили отвѣтъ— что нѣтъ.

«Новое безуміе» распространялось не особенно быстро и собственно въ Эриванской губерніи за предѣлы Александропольскаго уѣзда долго не выходило. Только въ 1854 году было первое офиціальное сообщеніе о томъ, что Лукьянъ Петровичъ проникъ съ своей пропагандой въ сел. Еленовку (Новобаязетскаго уѣзда) и въ весьма короткое время обратилъ въ новую секту цѣлыя два семейства: Чеботарева и Мельникова. Тамъ секта, хотя появилась подъ другимъ названіемъ и именовалась *Сіонской*, но такое видоизмѣненіе видимо было сдѣлано не безъ цѣли; всѣ же основанія новаго ученія указывали на его несомнѣнную тождественность съ ученіемъ Любавина. Сіонцы уже смѣло заявляли, что на нихъ сходитъ духъ и, по донесенію мѣстныхъ властей, во время моленья «корчатъ себя всѣмъ корпусомъ тѣла», ссылаясь на непреодолимость силы дѣйствія духа. Сіонцы, на первыхъ же порахъ, вздумали предсказать какую-то скорую побѣду турокъ надъ русскими, въ чемъ власти хотѣли было усмотрѣть нѣкоторое политическое недоброжелательство къ Россіи и уже приготовлялись нѣсколько притѣснить предсказателей, но все оказалось вздоромъ.

Три мѣсяца спустя послѣ проникновенія новаго ученія въ сел. Еленовку, по начальству уже доносилось, что то же ученіе явилось и въ селѣ Константиновкѣ (Дарачичагѣ). Тамъ оно тоже называлось сіонскимъ, но нашло такихъ ретивныхъ послѣдователей, которые сразу стали во главѣ броженія и впослѣдствіи оказались самыми фанатическими приверженцами сіонства. Болѣе всѣхъ выдвинулись тогда же личности трехъ

жителей сел. Константиновки: Ѳедора Валова, Ивана Агальцева и Александры Волковой. Подъ руководствомъ этой троицы Константиновскіе сіонцы еженочно собирались въ какой либо домъ и, вызвавъ въ себѣ присутствіе духа, начинали немилосердное самоистязаніе, сопровождаемое прыганьемъ, дикимъ крикомъ и пронзительными взвизгиваніями. Въ изнеможеніи падали они на землю, бились объ нее лбомъ, разбивались до крови, раздирали одежды, вырывали себѣ волосы. Не примкнувшіе къ новому ученію утверждали, что на сіонцевъ нападало положительное бѣшенство. По справкамъ оказывалось, что если у Дарачичагскихъ сіонцевъ слишкомъ долго не являлся духъ, то они стремились вызвать его подвижничествомъ. Начинался всеобщій постъ, въ формѣ совершеннаго голоданья. Они не принимали вовсе ни пищи, ни воды по 4—5 дней. Жены сіонцевъ, по большей части слѣпо подражая мужьямъ, постились до полнаго истощенія силъ. На улицѣ селенія нерѣдко появлялись живые мертвецы въ образѣ человѣческомъ. За едва волочащимъ ноги сіонцемъ тащилась испостившаяся его жена, неся на рукахъ грудного ребенка, едва не умирающаго на высохшей груди матери.

Всѣ свои догматы, вѣрованія и правила сіонцы, по полицейскимъ свѣдѣніямъ, основывали на псалтырѣ и библіи, но, по слухамъ, по рукамъ сіонцевъ ходила еще какая-то книга, подъ заглавіемъ «Потерянный и возвращенный рай», и послѣдователи «нововыдуманной и соблазнительной секты» видѣли въ ней нѣкій кивотъ завѣта, какъ думала мѣстная полиція, которой однако не удавалось овладѣть этимъ кивотомъ, несмотря на всѣ старанія.

Въ 1855 году новое ученіе также проявилось въ сел. Семеновкѣ *). По крайней мѣрѣ объ этомъ стало извѣстно офиціально, хотя несомнѣнно, что въ Семеновку, какъ лежащую

*) Новобаязетскаго уѣзда Эрив. губ.

на дорогѣ изъ Никитина въ Еленовку и близко Делижана, ученіе это могло проникнуть ранѣе другихъ мѣстъ Новобаязетскаго уѣзда. Тамъ, въ мартѣ 1855 года, были задержаны четверо мужчинъ и три женщины, между прочимъ жители сел. Борисы (Шушинскаго уѣзда) Фалалѣй Черкасовъ и Ермилъ Кобзевъ. Въ числѣ разныхъ вещей, найденныхъ при задержанныхъ, оказалась книга въ 526 писаныхъ славянскими буквами страницъ, подъ заглавіемъ: «*Зеркало души*». Въ этой книгѣ, между прочимъ, говорилось «о скоромъ раздѣлѣ Сіона и Іерусалима и избавленіи духовныхъ молоканъ отъ владычества невѣрныхъ». Была тамъ даже особая глава, подъ названіемъ «Изображеніе кометы, бывшей въ сентябрѣ 1853 года и толкованіе значенія ея». Четыре задержанные проповѣдника изобличены были въ пропагандѣ своего ученія. Они, по обыкновенію, увѣряли своихъ слушателей, что не далекъ конецъ свѣта и что нужно, молъ, приготовиться и покаяться. При этомъ проповѣдники жестоко ломались и прыгали и, какъ разсказывали поучаемые, пѣли на какомъ-то непонятномъ языкѣ. Проповѣдывали они, между прочимъ, новый догматъ «согрѣванія плоти», каковаго догмата будто бы придерживался и Царь Давыдъ. Въ силу этого догмата проповѣдники возили съ собою 3-хъ женщинъ, которыя прислуживали имъ какъ рабыни и именовались «отогрѣвательницами».

Высшее Кавказское начальство между тѣмъ не придавало новому ученію никакого особеннаго значенія, и захвативши въ свои руки Укола Любавина и нѣсколькихъ болѣе крупныхъ дѣятелей изъ секты общихъ, ограничивалось въ отношеніи прыгуновъ, сіонцевъ, *духовныхъ* и всѣхъ вообще появившихся подъ разными названіями новыхъ сектантовъ, увѣщаніями и отобраніемъ подписокъ о нераспространеніи новаго ученія и непослѣдованіи ему. Мѣры эти не приводили ни къ чему. Увѣщанія выслушивались потому только, что они исходили исключительно отъ полицейской власти; подписки давались тѣмъ

охотнѣе, что они подписчиковъ ни къ чему не обязывали. Обнаруженная на первыхъ порахъ начальствомъ умѣренность въ отношеніи все болѣе и болѣе расходившихся сектантовъ заслуживала, конечно, полнѣйшаго одобренія, и еслибы власть неуклонно придерживалась этого пути и впредь, то можетъ быть теперь ни прыгунства, ни сіонства уже не было бы. Но эта система не была выдержана. Были такіе періоды, когда преслѣдованіе вдругъ почему-то считалось необходимымъ, когда усиливалось рвеніе полиціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалось сопротивленіе сіонцевъ и всѣхъ другихъ сектантовъ.

Самъ Уколъ Любавинъ, судившійся въ то время въ Тифлисѣ, привлеченъ былъ къ суду не столько за свои религіозныя воззрѣнія, сколько за преступленія, совершенныя на службѣ.

Болѣе опасными всегда считались такъ называемые «общіе», но и въ отношеніи къ нимъ власти обнаруживали совершенную терпимость и, кажется, добивались лишь прекращенія всякихъ сношеній кавказскихъ общихъ съ заграничными и жившими во внутренней Россіи.

Тогда же среди послѣдователей новой секты появилась и ходила по рукамъ рукописная книжка, подъ заглавіемъ «Письма и поученія». Эти письма и поученія проливали нѣкоторый свѣтъ на новое ученіе и указывали, какое, по мнѣнію новыхъ сектантовъ, они должны занять вліятельное положеніе въ будущемъ мірѣ, гдѣ они должны сдѣлаться привилегированными законодателями наступающаго 1000-лѣтняго царствованія. Письма начинались: «Письмомъ изъ отечества». «Братія, друзья возраста моего,—говорилось въ томъ письмѣ:— пишутъ мнѣ: братъ и другъ! у насъ между первыми ревнителями слова божія сдѣлалась раздѣленія. По виду лучшіе люди, отдѣлившись, называютъ себя членами Сіона, устроили общія имѣнія, неупустимо четыре раза въ день совершаютъ моленіе, учреждена жертвенная сумма, въ какую кладутъ и паки берутъ: за

рубль постятся день и паки кладутъ. Выбраны девять человѣкъ управлять церковью и домашностью. Имѣется пламенная любовь въ лобзаніи разныхъ половъ, но болѣе всего опираются на Сіонскую книжку и таковымъ скромнымъ видомъ столь увлекаютъ наши сердца къ себѣ, потому просимъ тебя: напиши намъ о томъ и прочія...»

На эти вопросы въ той же книгѣ слѣдовалъ отвѣтъ, подъ заглавіемъ «Письмо на братскій и дружескій вопросъ», въ которомъ, между прочимъ, значится слѣдующее: «Князи сонма божія, сынове вышняго, вся церковь Господа нашего Іисуса Христа, братія и сестры и всѣ ревнители слова божія! Благодать вамъ и миръ да умножится въ познаніи тайны вѣчнаго блаженства! Возлюбленные друзья и духовные братія на счетъ *общественнаго* собранія у васъ несогласно съ писаніемъ и строгое наказаніе тому, кто четыре раза въ день не помолится». Такимъ образомъ, какимъ-то авторитетнымъ лицомъ порядки общихъ вполнѣ не одобрялись и за образецъ ставилось новое ученіе сіонцевъ.

Въ той же книжкѣ послѣ «Письмо на братскій и дружескій вопросъ», слѣдуетъ «ко всѣмъ братіямъ разсужденія о уставахъ и разсмотрѣніе о чинахъ общественной церкви». «Возлюбленные братія и сестры!—говорилось въ этой главѣ. — Вы родъ избранъ изъ тьмы въ чудный свѣтъ. Нынѣ кто есть въ васъ человѣкъ дивозритель, знающій притчу и темное слово рѣченія премудрыхъ гаданій, всѣ таковые вникните въ дѣла Вышняго и сообразите ихъ съ закономъ божіимъ, да не уклонитесь ни на десно, ни на лѣво! Посмотрите сердечными очами! Во дни нашего раздѣленія духомъ божіимъ благо тѣмъ, которые духомъ божіимъ водятся и его наставленіямъ повинуются. Видно изъ числа таковыхъ явились вы подобно сынамъ израилевымъ, просящимъ себѣ царя со властью и князей въ гнѣвѣ, ибо сами себѣ царя и властей поставили, а не Господомъ. Такъ и нынѣ изъ числа братій нашихъ избрали сами

себѣ судей и прочихъ чиновъ не точію для земныхъ порядковъ, но и души свои предали имъ...» И затѣмъ, обращаясь къ вопрошавшимъ о правильности новаго ученія, авторъ этого сочиненія энергически возстаетъ противъ назначенія, по волѣ людской, *чиновъ* церкви, и утверждаетъ, что никакихъ назначенныхъ чиновъ быть не должно, ибо «единъ наставникъ и учитель Христосъ, вы же есть всѣ братія!»

Но вмѣсто избранныхъ людьми чиновъ церкви, какъ объясняетъ тотъ авторъ, должны быть чины, избранные Богомъ, «на которыхъ онъ излилъ духъ Моисея», и вотъ эти-то избранные и должны играть главную роль въ общественной церкви, «ибо духъ невидимо наставляетъ прорицателей истины, которые, сидя позади, людямъ неизвѣстны, но предъ ними все-таки должны молчать почтенные люди, сидящіе впереди». Это указаніе на то, что всѣ должностные чины общественной церкви сидѣли обыкновенно впереди. «Вы же *чинами* своими не даете въ достойныхъ возсіять истинѣ, тѣмъ угашаете духъ и пророчество его уничтожаете, а свои надмѣнія поставляете людямъ важными, дабы не остаться вамъ праздными и равными съ братьями...»

«Послушайте! послушайте!—взываетъ авторъ.—Вы, смиренные, подъ игомъ праздности и тягости, воззрите сердечными очами въ зерцало дѣйствія божія! Такъ вы начали духомъ—хотите плотію кончить! говорите: «мы—Михаила Акинфича! Другіе говорятъ—мы Семенушкины! Другіе опять—мы Давыдовы, другіе—мы Лукьяна Петровича!» Не плотскіе ли есте: кто Михаила, кто Семенушки или Исая, или Лукьяна! Они только служители! Неужели кто изъ нихъ возвышалъ себя болѣ и выше писанія! Не надѣюсь!»

Послѣ такого назиданія чинамъ общественной церкви и приглашенія смириться, слѣдуетъ «Пророчество», въ которомъ предсказывается, что «скоро и очень скоро пріидетъ отъ Господа жестокъ ратникъ, мечъ острый нелицемѣрно носяй...» убѣ-

дить чиновъ общественной церкви въ ихъ заблужденіяхъ и заставить ихъ уступить «переднее мѣсто», которое они самовольно заняли, другимъ и уступить конечно прыгунамъ. Тотъ же жестокъ ратникъ покараетъ общественниковъ больше всего за то, что «сами собою поставили судей и чиновъ, а духа святого уничтожили», и тѣ книги, которыя ведутся общими и въ которыхъ, записаны ихъ мнимыя добрыя дѣла», будутъ выставлены на посрамленіе. и обличеніе «Тогда же явится духъ и создастъ Сіонъ и произойдетъ такъ, какъ сказано въ книжкѣ о раздѣленіи Сіона, а «это избраніе чиновъ совсѣмъ останется»...

Видимо, однако, что авторъ писемъ и поученій оспариваетъ у общихъ только присвоенное ими «переднее мѣсто», во всѣхъ же остальныхъ отношеніяхъ крайне уступчивъ.

Между тѣмъ сектаторство разросталось, и прыгунское ученіе на Кавказѣ не было одиночнымъ явленіемъ. Въ 1855 году выслано по суду изъ Саратовской губерніи въ Закавказскій край 23 семейства молоканъ «за новые между ними толки». Ихъ поселили въ Шемахинской губерніи, Ленкоранскомъ уѣздѣ, въ 37 верстахъ отъ Ленкорана, при почтовой станціи Кизиль-Агачъ, близъ Каспійскаго моря. Переселенцы, по прибытіи въ Закавказье, кромѣ «новыхъ толковъ», принесенныхъ изъ внутренней Россіи, стали держаться еще новаго ученія—отрицанія личной собственности. Все имущество движимое и недвижимое должно было принадлежать общему «братскому союзу». Жилища также строились этимъ братскимъ союзомъ и принадлежали ему. Помѣщались въ нихъ партіями въ нѣсколько человѣкъ, съ подраздѣленіемъ холостыхъ, семейныхъ, вдовцовъ, вдовъ и т. д. Союзъ выбиралъ старшинъ, гражданскихъ и духовныхъ, которые завѣдывали хозяйствомъ и имуществомъ братства, и распредѣляли занятія его членовъ. Свои нравственныя и общественныя правила *общіе* извлекали, какъ разслѣдовало начальство, изъ произвольнаго толкованія Евангелія.

Общіе считали себя, подобно прыгунамъ, сіонцамъ и проч., *единственными христіанами* и избраннымъ отъ Бога народомъ для распространенія истинной вѣры христовой. Церковь свою они называли христовой. Затѣмъ, какъ и всѣ подобные имъ сектаторы «общіе», по смыслу 20 главы Апокалипсиса, ожидали скораго наступленія 1000-лѣтняго царствованія, которое будетъ основано именно около Ленкорана, и сами-то «общіе» будутъ первые, которые наслѣдуютъ это царство. Въ селѣ Николаевкѣ, составлявшемъ главный центръ «общихъ», учреждена была школа для дѣтей отъ 7 до 12 лѣтъ, гдѣ обучались читать и писать и вѣрѣ «по своимъ правиламъ». Въ отношеніе пищи общіе придерживались Моисеева закона; воспрещалось употребленіе табаку, сахару и рыбьяго клея. Общіе, конечно, имѣли своего специальнаго мученика, въ то же время своего Мессію. Это былъ Михаилъ Акинѳьевъ Поповъ, основатель секты, уже сосланный въ Сибирь. По соображеніямъ общихъ, онъ-то и будетъ современемъ ихъ царемъ и освободитъ ихъ отъ ига.

Общіе считались, по отзывамъ мѣстныхъ властей, вреднѣе молоканъ, собственно потому, что 1) правила онаго ученія сближаются съ ученіемъ о комунизмѣ; 2) что послѣдователи секты этой находятся подъ деспотическимъ гнетомъ своихъ старшинъ и наставниковъ, и 3) потому что по правиламъ ученія у нихъ гласно поощряется присоединеніе къ нимъ изъ другихъ сектъ.

По добытымъ на мѣстѣ свѣдѣніямъ въ 1853 году, всѣхъ послѣдователей ученія общихъ было въ Закавказскомъ краѣ 1300 мужчинъ, 170 женщинъ. Въ 1854 году было первыхъ 305, вторыхъ 340, всего 645. Кромѣ того, 185 душъ находилось въ другихъ мѣстахъ, именно въ Саратовской губерніи и частью въ ссылкѣ въ губерніяхъ Енисейской и Томской, и вотъ все, что *общіе* считали *своими*.

Въ серьезномъ ожиданіи наступленія 1000-лѣтняго царство-

ванія, «общіе нашли нужнымъ соединиться въ одномъ мѣстѣ, чтобы быть готовыми къ этой, съ часу на часъ ожидаемой, радости, и съ этою цѣлью подавали не разъ прошенія о поселеніи всѣхъ послѣдователей ихъ ученія въ сел. Николаевкѣ. Первое прошеніе было подано въ 1853 году. Просьба уважена не была, но они продолжали свои домогательства. Кромѣ затрудненій чисто мѣстныхъ, а именно недостатка земли, самые взгляды кавказскаго начальства о возможности сосредоточенія всѣхъ общихъ въ Николаевкѣ не всегда были одинаковы, и воззрѣнія различныхъ начальниковъ на этотъ вопросъ не сходились между собою. Намѣстникъ, генералъ Реадъ, полагалъ возможнымъ исполнить просьбу общихъ, князь Воронцовъ и князь Барятинскій были противоположнаго мнѣнія и находили это неудобнымъ уже потому, что по собраннымъ свѣдѣніямъ 25 человѣкъ изъ числа общихъ находились или на поселеніи въ Сибири, или въ арестантскихъ ротахъ, и переселеніе ихъ въ Николаевку явилось бы, по мнѣнію власти, «вреднымъ ученію ихъ послабленіемъ».

Сколько извѣстно, впрочемъ, начальство было не прочь дозволить отчасти это переселеніе, но главнѣйшее затрудненіе заключалось въ недостаткѣ земли, которой числилось при сел. Николаевкѣ всего 277 десятинъ, а отъ окружающихъ татарскихъ деревень отрѣзать было нечего. Спрошенный по тому же поводу св. синодъ высказалъ по этому предмету свое мнѣніе въ смыслѣ неблагопріятномъ для домогательства сектантовъ. Синодъ находилъ соединеніе всѣхъ общихъ въ Николаевкѣ вреднымъ уже потому, что такое поселеніе могло бы вызвать въ «общихъ» ту мысль, что секта ихъ правительствомъ признана и утверждена. Св. синодъ полагалъ еще, что сосредоточеніе всѣхъ «общихъ» въ одномъ пунктѣ дастъ имъ только больше средствъ къ усиленію сектаторской дѣятельности, привлеченію въ секту другихъ лицъ и сокрытію совершаемыхъ преступленій. Синодъ находилъ даже вреднымъ допускать дальнѣйшее существованіе въ с. Николаевкѣ школы, устроенной

сектаторами, и предлагалъ школу эту, *какъ средство распространенія ереси,* уничтожить, а въ замѣнъ ея учредить особое полицейское управленіе для надзора за сектантами и для доставленія православному священнику возможности безопасно исполнять миссію обращенія заблудшихся въ нѣдра православной церкви.

Послѣ долгихъ разсужденій рѣшено было: 1) домогательства «общихъ» о совмѣстномъ жительствѣ всѣхъ послѣдователей этого ученія въ Николаевкѣ оставить безъ удовлетворенія и на будущее время прошеній объ этомъ не принимать; 2) школу оставить, но съ назначеніемъ учителя по одобренію епархіальнаго начальства; 3) полицейскаго управленія не учреждать, въ видахъ дороговизны его содержанія; 4) подтвердить строжайшее воспрещеніе о распространеніи этой секты и подвести ее подъ одинъ разрядъ съ жидовствующими, и 5) преслѣдованіе «общихъ» судебнымъ порядкомъ прекратить.

Къ тому же времени разрѣшена была участь сіонскаго *бога* и *пророка* т. е. Любавина.

Рѣшеніемъ 16 мая 1855 года, Уколъ Любавинъ приговоренъ на 8 лѣтъ въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства и прогнанію сквозь строй черезъ 500 человѣкъ два раза. Замѣчательно, однако, что въ приговорѣ не упоминалось ни слова о сектаторскихъ подвигахъ Любавина. Его судили просто какъ бѣглаго солдата, и совершенно игнорировали величаніе его себя пророкомъ и богомъ. Это служило еще разъ доказательствомъ правильности взгляда мѣстныхъ властей на сектаторскія заблужденія. Послѣ прогнанія сквозь строй, рѣшено было Укола Любавина отправить въ Ставрополь въ арестантскую роту № 51.

Настоящая фамилія Укола была Осипъ Петровъ Юдинъ. Воспитывался онъ въ оренбургскомъ баталіонѣ военныхъ кантонистовъ, откуда, вмѣстѣ съ другими, поступилъ въ 1840 г. въ шемахинскую палату уголовнаго и гражданскаго суда писцомъ. Въ 1842 году, «за совращеніе изъ православія въ молоканство»,

былъ сужденъ и сосланъ въ сибирскій линейный баталіонъ № 62, куда прибылъ въ 1845 году. Тамъ прослужилъ рядовымъ до 1848 г. Въ августѣ этого года былъ отпущенъ въ гор. Красноярскъ на одинъ мѣсяцъ для заработковъ, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи мѣсячнаго срока внесъ въ артель 50 руб. ассиг. Не выработавъ этихъ денегъ и боясь быть наказаннымъ, Юдинъ написалъ себѣ фальшивый билетъ отъ красноярской экспедиціи о ссыльныхъ и въ сентябрѣ бѣжалъ. Съ фальшивыми билетами, изготовляемыми имъ самимъ, бродяжничалъ онъ по разнымъ губерніямъ, и въ октябрѣ 1849 года, явился въ Шемаху къ своему знакомому баталіонному писцу Осипу Герасимову, гдѣ временно проживалъ. Зэтѣмъ онъ опять ходилъ по заработкамъ и въ 1850 году, по совѣту Герасимова, отправился въ сел. Андреевку, куда явился и былъ принятъ подъ именемъ мѣстнаго жителя Укола Любофѣева. Водворившись въ Андреевкѣ, онъ прожилъ тамъ до іюля 1850 года. Послѣ того онъ еще разъ сходилъ на заработки и, возвратившись, былъ боленъ до 1852 года. Выздоровѣвъ, отправился на заработки въ Эриванскую губернію. Тамъ, въ молоканскихъ селеніяхъ, съ нимъ начало происходить особое трясеніе тѣла, и въ такомъ состояніи онъ проповѣдывалъ покаяніе, почему тамошніе молокане, сначала въ насмѣшку, а потомъ въ самомъ дѣлѣ, стали признавать его пророкомъ, а нѣкоторые Іисусомъ Христомъ. Въ 1853 году, Любавинъ, хоть и былъ арестованъ за распространеніе новаго ученія, но сужденъ какъ солдатъ «за побѣгъ, сокрытіе воинскаго званія, ложное наименованіе себя крестьяниномъ, составленіе фальшивыхъ видовъ и изворотливыя показанія».

Какъ замѣчено выше, сіонское ученіе распространялось чрезвычайно медленно и въ три года своего существованія пріобрѣло въ Эриванской губерніи всего лишь нѣсколько семействъ послѣдователей въ Александропольскомъ и Новобаязетскомъ уѣздахъ. Встревожившись появленіемъ «новаго безумія»,

начальство, на первыхъ порахъ, ограничивалось отобраніемъ отъ сіонцевъ подписокъ *о непринадлежности* ихъ къ новому, хотя еще доподлинно неизвѣстному, безумію. Требовалось только всего, чтобы сіонцы, на вопросъ, принадлежитъ ли онъ къ сіонцамъ, отвѣчалъ: нѣтъ, не принадлежу, а держусь молоканскаго ученія!—и показанію сіонца давалась полная вѣра. Между тѣмъ, было замѣчено, что разъ перешедшіе въ сіонство вообще не скоро возвращались (за исключеніемъ 2 — 3 случаевъ) въ молоканство, и такимъ образомъ сіонство, хоть и медленно, но распространялось. Время отъ времени начальство навѣдывалось о томъ, что подѣлываютъ сіонцы, и мѣстные полицейскіе начальники отбирали отъ нихъ подписки, а затѣмъ, признавая за собою какъ бы обязанность блюсти за исполненіемъ подписокъ, доносили, вопреки дѣйствительности, что сіонцы будто бы «заблужденія» свои мало-по-малу оставляютъ и вновь примыкаютъ къ молоканству. О сел. Никитинѣ и Воскресенкѣ, гдѣ сіонство началось и укрѣпилось особенно сильно, бамбакскій участковый начальникъ даже доносилъ: что «по учиненному имъ самовѣрнѣйшему и секретному развѣдыванію, оказалось, что молокане сел. Никитинки и Воронцовки, въ настоящее время, не продолжаютъ слѣдовать вновь образовавшейся вредной молоканской сектѣ (сіонству)».

Въ 1856 году, сіонцы первый разъ офиціально названы «*прыгунами*»; сами же они себя такъ и прежде не называли, и нынѣ никогда не называютъ. Въ этомъ именно году обнаружилось сильное движеніе между прыгунами, которые, уже не довольствуясь названіемъ сіонцевъ, стали величать себя «сектою духовъ», и съ этого времени распространеніе прыгунства пошло довольно замѣтно. По собраннымъ тогда свѣдѣніямъ, оказалось, что въ одномъ Новобаязетскомъ уѣздѣ насчитывалось уже до 60 семействъ, слѣдовавшихъ новому ученію, и главными прыгунскими дѣятелями въ этомъ уѣздѣ являлись слѣдующія лица: въ сел. Еленовкѣ Савелій и Ивлій

Минниковы, Пантелей Бирюковъ и Панфилъ Корякинъ, въ Константиновкѣ—Андрей Юдинъ, Никифоръ Сливинъ, Иванъ Егоровъ Волковъ и семейство сосланныхъ уже за прыгунство въ Дербентъ и обратно возвращенныхъ Ѳедора Волкова, Ивана Агальцева и др., въ сел. Семеновкѣ—Никифоръ Трегубовъ; въ Александровкѣ—Евсей Дмитріевъ и братъ его Игнатъ, и только въ сел. Нижнихъ-Ахтахъ не было пока ни одного прыгуна. Всѣ поименованныя личности фигурировали по большей части въ роли *царей* своихъ импровизированныхъ духовныхъ царствъ.

Начальство, узнавъ объ усиленіи движенія въ прыгунскомъ мірѣ, хотѣло было прибѣгнуть къ прежней мѣрѣ: подпискамъ о непринадлежности къ прыгунству, но сіонцы дѣйствовали въ то время уже подъ вліяніемъ начавшаго свое поприще Максима Рудометкина и, при первомъ требованіи властей, не только отказали въ выдачѣ подписокъ, но энергически при семъ заявили, что «готовы перенесть тягчайшія наказанія и самую смерть, но подписокъ не дадутъ». Тогда, по указанію высшихъ властей, прибѣгнуто было къ мѣрамъ строгости и 13 человѣкъ подвергнуто аресту.

IV.

Максимъ Рудометкинъ.

По ближайшемъ изслѣдованіи, оказалось, что источникомъ такого энергическаго сопротивленія былъ житель сел. Никитина, Максимъ Рудометкинъ.

Вліяніе Максима Рудометкина оказалось на столько сильно, что сіонцы, прежде легко офиціально отрекавшіеся отъ своего ученія и соглашавшіеся на всякія подписки, лишь бы ихъ оставили въ покоѣ, рѣшились заявить открыто о своей, по ихъ мнѣнію, «правой вѣрѣ» и были даже весьма не прочь воспріять мученическіе вѣнцы. Въ то время въ сел. Никитинѣ домъ тамошняго поселянина Ивана Манусеева уже былъ открыто превращенъ въ прыгунскую молельню, и тамъ-то Максимъ Рудометкинъ держалъ длинныя проповѣди о покаяніи и близкой кончинѣ міра, торжественно объявляя на всѣ увѣщанія полиціи, что «твердо убѣжденъ въ своей вѣрѣ». Разслѣдованіями, произведенными вслѣдствіе усиленія прыгунства, открыто, что ближайшими сотрудниками Рудометкина въ распространеніи новой вѣры были Фетисъ Назаровъ, Емельянъ Телегинъ, и двѣ дѣвки, Степанида Карташева и Варвара Манусеева. Какъ и Рудометкинъ, всѣ эти лица заявили столь же торжественно свое убѣжденіе въ правотѣ своей вѣры и на допросы полиціи

смѣло объяснили, что придерживаются своего ученія уже пять лѣтъ, что въ собраніи, во время молитвъ, совершаемыхъ преимущественно по вечерамъ и продолжающихся до полуночи, на нихъ «видимыми знаками нисходитъ духъ».

Это нисхожденіе духа, какъ они объяснили, выражалось тѣмъ, что у нихъ *сами собой поднимаются кверху руки, что ноги приходятъ въ движеніе и также сами собой начинаютъ топтаться, что затѣмъ противъ ихъ воли начинается движеніе всего корпуса, и что далѣе бываетъ — они не помнятъ.* Благодать духа, между прочимъ, выражалась, по ихъ словамъ, и тѣмъ еще, что они, при такихъ нисхожденіяхъ духа, начинаютъ говорить и пѣть на разныхъ языкахъ. Всѣ показали, что когда духъ оставляетъ ихъ, то они приходятъ въ нормальное состояніе. Послѣдователи новой секты оправдывали свое отдѣленіе отъ молоканскаго ученія, главнымъ образомъ, тѣмъ, что молокане будто бы стали въ послѣднее время (4 — 5 лѣтъ) предаваться невоздержанности въ словахъ и на дѣлѣ, чего они выносить не могли.

Въ своей Никитинской молельнѣ Рудометкинъ сталъ краснорѣчиво доказывать своимъ слушателямъ, что теперь настало время пришествія Христа Спасителя, а вмѣстѣ съ этимъ время наступленія 1000-лѣтняго царствованія, что теперь только этого слѣдуетъ ожидать и этому вѣрить, и затѣмъ ни на какія убѣжденія ни другихъ религій, ни даже начальства поддаваться не слѣдуетъ, а главное, не нужно безпокоиться ни о чемъ земномъ. Рудометкинъ доказывалъ, что именно теперь настало то время, когда будущимъ властителямъ 1000-лѣтняго царствованія слѣдуетъ взглянуть на птицъ небесныхъ, «яже не сѣютъ и не жнутъ», и опочить отъ дѣлъ и трудовъ, съ которыми связаны только грѣхи. Проповѣдь «объ оставленіи всѣхъ земныхъ попеченій» имѣла полный успѣхъ. Всѣ послѣдователи Рудометкина и самъ онъ во главѣ, оставили свои обыкновенныя занятія и ремесла и начали молиться и приготовляться къ 1000-

лѣтнему блаженству, питаясь однимъ подаяніемъ. Самъ Рудометкинъ, по ремеслу отличный колесникъ, сложилъ въ сторону свой инструментъ и приступилъ къ сбору милостыни, которая, однако, потекла въ такомъ количествѣ, что далеко превысила его насущныя потребности.

Мѣстныя власти, наблюдая надъ усиленіемъ религіознаго броженія среди прыгуновъ, поспѣшили донести, что установившіеся между ними *обряды* прежде всего ведутъ къ совершенному истощенію и разстройству физическихъ силъ сектантовъ, за каковымъ неминуемо должно послѣдовать хозяйственное раззореніе и обѣдненіе, въ которое жители, по всѣмъ вѣроятіямъ, придутъ въ весьма короткій срокъ, такъ какъ прыгунская пропаганда, начиная съ проповѣдей Рудометкина, пошла особенно успѣшно. По доходившимъ свѣдѣніямъ, многіе изъ прыгуновъ и особенно главные дѣятели оказывались уже совершенно неспособными къ работѣ, вслѣдствіе физическаго истощенія организма и постоянныхъ нервныхъ и половыхъ возбужденій. Собираясь съ вечера на молитву, прыгуны, послѣ непродолжительнаго чтенія нѣкоторыхъ главъ изъ библіи и пѣнія собственныхъ духовныхъ пѣсенъ, приступали къ моленію. Начиналось съ обычнаго воздѣванія рукъ къ небесамъ, затѣмъ производилось раскачиваніе корпусомъ во всѣ стороны, затѣмъ шло дрожаніе тѣла и легкое притоптываніе ногами. Притоптываніе переходило сначала въ легкіе прыжки, затѣмъ прыжки становились все чаще и выше и все это заканчивалось совершенной пляской, сопровождаемой страшнымъ ломаньемъ и кривляньемъ. Молящіеся доходили до состоянія близкаго къ изступленію, но, мало-по-малу, безумно-отчаянная пляска и прыжки прекращались и наступало полное физическое изнеможеніе. Блѣдные, съ блуждающими глазами, молящіеся прыгуны часто безъ чувствъ падали на полъ и, какъ удостовѣряла полиція, «нерѣдко въ отвратительныхъ положеніяхъ». Наступала мертвая тишина. При этомъ, какъ увѣряли многіе, свѣчи сами собою потухали

и воцарялся полнѣйшій мракъ... На этомъ, однако, не всегда кончалось. Придя вновь въ чувство, молящіеся поспѣшно вскакивали на ноги, начинали пѣть и говорить на разныхъ тарабарскихъ нарѣчіяхъ, не понимая другъ друга и стараясь, однако, убѣдить себя и другихъ, что они именно говорятъ *разными языками*. Моленье кончалось обоюднымъ цѣлованіемъ всѣхъ и каждаго, что̀ выражало, по словамъ прыгуновъ, только одну *любовь христіанскую*. По удостовѣренію многихъ лицъ, въ селеніяхъ Никитинкѣ и Александровкѣ послѣ прыганья возбужденные молельщики и молельщицы предавались въ полномъ смыслѣ слова распутству. То же самое впослѣдствіи, какъ многіе утверждали, обнаружилось въ Еленовкѣ и другихъ сектаторскихъ поселеніяхъ.

Губернское начальство, находя, что прыгунское ученіе распространяется непомѣрно быстро, пришло къ тому убѣжденію, что въ предупрежденіе совершеннаго обѣдненія населенія, въ силу полнѣйшаго бездѣйствія, которому прыгуны предавались въ ожиданіи наступленія тысячелѣтняго царствованія, необходимо принятіе энергическихъ мѣръ. Эти мѣры, впрочемъ, предполагалось примѣнить только къ главнымъ дѣятелямъ прыгунства, отъ чего ожидали достаточныхъ результатовъ. Въ видахъ устраненія вреда, который можетъ произойти отъ распутства и «бездѣйственной жизни», именно предполагалось, на первый разъ сослать Рудометкина, а съ нимъ вмѣстѣ Телегина и Назарова на островъ Сару (на Каспійскомъ морѣ) и удалить изъ края делижанца Лукьяна Петровича, о которомъ полиція доносила, что онъ есть «главный развратитель», хотя этому главному развратителю было уже около 90 лѣтъ. Изъ 13 «упорныхъ», отказавшихся дать подписку о непринадлежности къ прыгунству и нераспространеніи этой секты, предполагалось также выслать на островъ Сару, Ивлія Минникова, Евтѣя Черемисина, Никифора Трегубова, Павла Кудряшева, Гавріила Валова и Ѳедора Касымова, а отъ остальныхъ семерыхъ пред-

полагалось всетаки отобрать подписки, выдержавъ ихъ предварительно по мѣсяцу въ крѣпости. Подпискамъ, какъ видно, все еще придавалось кое-какое значеніе, несмотря на ихъ видимую несостоятельность.

Такимъ образомъ предполагали распорядиться съ главными прыгунами и, въ ожиданіи разрѣшенія высылки на островъ Сару, 10 человѣкъ содержалось въ г. Эривани на крѣпостной гауптвахтѣ, гдѣ одинъ изъ дѣятелей, Черемисинъ, по донесенію городской полиціи, умеръ отъ «помѣшательства ума».

Однако, высшее кавказское начальство, не признавая за «новоявленной сектой» настолько значенія, чтобы одобрить предположенныя губернскимъ начальствомъ карательныя мѣры противъ вожаковъ новаго ученія, взглянуло вообще на это дѣло и, въ частности, на религіозную сторону сектаторства съ иной, болѣе спокойной, точки зрѣнія. Тогдашній намѣстникъ князь Барятинскій предлагалъ совершенно прекратить не только всякія слѣдствія собственно о религіозныхъ заблужденіяхъ мѣстныхъ русскихъ поселенцевъ, но даже предписывалъ прекратить уже введенный порядокъ отобранія подписокъ, которыя, по мнѣнію намѣстника, ни къ чему не могли вести, «ибо вѣками доказано, что всякое строгое преслѣдованіе и самое истязаніе за религіозныя заблужденія ихъ не уничтожаютъ, а еще болѣе ожесточаютъ сектаторовъ и вкореняютъ въ нихъ эти заблужденія». Даже самыя увѣщеванія, дѣлаемыя прыгунамъ черезъ полицейское начальство, относительно присоединенія вновь къ молоканству, не были одобрены и намѣстникъ находилъ ихъ неумѣстными, такъ какъ законъ признаетъ и прыгунство, и молоканство за заблужденіе и «ни одной изъ сихъ сектъ предпочтенія не отдаетъ». Въ силу такого взгляда начальства, предписывалось: 1) тринадцать арестованныхъ освободить, объявивъ имъ за подпиской, что за «распутство» они будутъ наказываемы по всей строгости законовъ, и 2) противъ распутства новыхъ сектаторовъ предлагалось принимать свое-

временно закономъ установленныя мѣры. Больше никакихъ указаній въ распоряженіи начальства не заключалось; ссылка же на островъ Сару признавалась неудобною собственно по причинѣ убійственнаго климата этого пункта.

Какъ ни гуманны, какъ ни вѣрны были воззрѣнія высшихъ властей, но вліяніе полицейскихъ преслѣдованій и настояній уже обнаружилось и, предоставленные самимъ себѣ, никѣмъ болѣе не гонимые и не стѣсняемые, новые сектанты въ самомъ непродолжительномъ времени дошли до крайнихъ нелѣпостей.

Максимъ Рудометкинъ продолжалъ усердно поддерживать въ своихъ послѣдователяхъ надежду на скорое наступленіе тысячелѣтняго царствованія. Онъ сначала предсказывалъ, что царствованіе это настанетъ въ 1857 году, но когда по прошествіи этого года оно не наступило, онъ не стѣсняясь отложилъ наступленіе его до 1860 года. По словамъ Рудометкина, царство должно было называться Сіонскимъ, и въ этомъ-то царствѣ онъ, Рудометкинъ, вмѣстѣ съ учениками, соберется на Сіонской горѣ и будетъ царствовать, раздѣляя впрочемъ власть съ Христомъ, что и будетъ длиться ровно 1,000 лѣтъ. Болѣзней, печалей и проч. тамъ уже не будетъ. Воцарившіеся будутъ имѣть каждый по двѣ молодыхъ жены. Такъ соблазнялъ Рудометкинъ своихъ учениковъ, а самъ въ то время уже жилъ, завѣдомо для всѣхъ, съ двумя дѣвками—Варварою и Степанидой, прогнавъ изъ дому свою старую жену. Варвару же и Степаниду всѣ прыгуны тогда уже признавали «царицами» или «женами духовными».

Своимъ послѣдователямъ Рудометкинъ также разрѣшалъ имѣть по двѣ «духовныхъ» жены каждому, доказывая, что въ тысячелѣтнее царствованіе они будутъ приняты только съ женами духовными, а не плотскими, ибо тысячелѣтнее царствованіе должно положить конецъ всѣмъ обрядамъ «по плоти». Всѣ непрыгуны, конечно, при этомъ подпадутъ подъ власть анти-

христа и даже самое восхожденіе на Сіонскую гору прыгуны совершатъ на плечахъ непрыгуновъ.

Отпущенный изъ заключенія Рудометкинъ развернулся вполнѣ и постарался показать, кто онъ такой. Покаяніе, духовное общеніе съ духовными женами, молитва, сборъ милостыни и ожиданіе воцаренія его на Сіонѣ—вотъ что слышали отъ него ученики и, въ ослѣпленіи предъ своимъ вожакомъ, они не видѣли не только всѣхъ его нелѣпостей, но и совершенно не замѣчали неблаговидныхъ сторонъ его дѣятельности. Во всѣхъ его дѣйствіяхъ царила крайняя грубость, сила примѣнялась повсюду. Напримѣръ, некающихся Рудометкинъ приводилъ къ желаемому покаянію самымъ незатѣйливымъ образомъ. Несознающагося въ грѣхахъ начинали, просто на просто, волочить за волосы по землѣ въ самой молельнѣ, а Рудометкинъ, въ ожиданіи покаянія, только приговаривалъ «кайся», «кайся», и приговаривалъ до тѣхъ поръ, пока предполагаемый грѣшникъ откупался деньгами или вещами или пока не давалъ обѣщанія сдѣлать Рудометкину и его свитѣ «обѣдецъ», что считалось жертвой и милостыней, и тогда трепаніе за волосы кончалось. По числу апостоловъ Христа, постоянная свита Рудометкина состояла также изъ 12 человѣкъ, съ тою однако разницею, что кромѣ апостоловъ допущенъ былъ и женскій полъ, до котораго и Рудометкинъ, и его «ученики» были весьма падки. Эти 12 человѣкъ считались главными молельщиками и запѣвалами! Во главѣ ихъ стояли такъ называемые *два уда комара* (Рудометкинъ былъ извѣстенъ подъ именемъ комара) Ѳетиска и Алешка. Во главѣ дѣвокъ стояли двѣ *царицы* — Степанида и Варвара. Сопровождаемый этой свитой, Рудометкинъ изрѣдка предпринималъ разъѣзды по русскимъ селеніямъ Эриванской губ., гдѣ у него почти вездѣ завелись послѣдователи. Вездѣ, гдѣ только не мѣшала полиція, ему производились по возможности торжественныя встрѣчи. Съ глубочайшимъ подобострастіемъ кланялись ему въ ноги, и было ис-

тинно замѣчательно то безграничное довѣріе, которое съумѣлъ поселить въ своихъ послѣдователяхъ этотъ оборотливый мужичина. Обыкновенно къ пріѣзду Рудометкина устраивалось общее или *большое моленье*. Этихъ моленій не пропускалъ никто. Рудометкинъ неизмѣнно призывалъ всѣхъ къ покаянію, бесѣдовалъ о близкомъ наступленіи 1000-лѣтняго царствованія, толковалъ вкривь и вкось всѣ вопросы и сомнѣнія своей паствы по части св. писанія и кончалъ тѣмъ, что приказывалъ себя угощать. Въ замѣнъ угощенія, онъ съ свитою обѣщалъ молиться *за своихъ чадъ*. Распутничая на пути и не пропуская случая, во имя безграничной и христіанской любви и духовной связи, сблизиться съ чужой женою, Рудометкинъ и его свита успѣли увѣрить, что отъ кого нибудь изъ нихъ должно родиться *святое сѣмя, сѣмя богородное* — и такими увѣреніями успѣвали закрывать и рты, и глаза мужьямъ. Бывало, во время моленья, одинъ изъ насадителей богороднаго сѣмени бралъ лопату, сметалъ весь ссоръ избы въ одну кучу, куча зажигалась и Рудометкинъ изрекалъ проклятіе всѣмъ непрыгунамъ, которые при этомъ уподоблялись сорной кучѣ.

Въ такъ называемое богомоленіе Рудометкинъ сталъ все болѣе и болѣе вводить картинныя представленія. Событія Ветхаго и Новаго Завѣта онъ пытался, по возможности, представить въ лицахъ.

Ревностнѣйшіе изъ Рудометкинскихъ послѣдователей желали воплотить въ какомъ нибудь всѣмъ видимомъ предметѣ идею величія духовнаго царя и нашли для воплощенія этой идеи совершенно достаточнымъ постановку деревяннаго столба. Но постановку столба затѣялъ самъ Рудометкинъ. Видимымъ образомъ доказать, что онъ есть дѣйствительно духовный царь и что объ этомъ даже знаютъ мѣстныя власти, допускающія существованіе такого столба—требовалось Рудометкину потому, что у него съ этимъ связывались и другіе планы.

Дѣло въ томъ, что Рудометкинъ сообразилъ. что можно сдѣлать еще новый налогъ на невѣжество своихъ послѣдователей и сталъ подготовлять ихъ умы къ необходимости жертвованія такъ называемой «десятины». Въ писаніи значится, поучалъ Рудометкинъ, что таковая десятина платилась въ пользу левитовъ а, слѣдовательно, въ стократъ было болѣе резоновъ платить таковую десятину въ пользу своего духовнаго царя. Приготовивъ своихъ и такъ на все готовыхъ послѣдователей къ мысли о необходимости сбора $^1/_{10}$ части доходовъ на поддержаніе блеска и величія духовнаго царя, Рудометкинъ доказалъ, что предполагаемый къ постановкѣ столбъ будетъ служить не только символомъ важности и могущества прыгунской секты, и особенно самого Рудометкина, но, независимо отъ выражаемой имъ эмблемы царскаго достоинства, столбъ этотъ долженъ будетъ еще заключать въ себѣ и божественную силу, и истинно вѣрующіе должны были отъ столба получать такое же спасеніе и утѣшеніе, какъ евреи отъ мѣднаго змія.

25-го августа 1858 года назначено было воздвигнутіе столба, о чемъ всѣ прыгуны поставлены были своевременно въ извѣстность, и уже приготовлялись присутствовать при торжественномъ зрѣлищѣ, но вдругъ Рудометкинъ,—этотъ, по донесенію полиціи, «коварный мужикъ»,—постановку столба внезапно отложилъ. задумавъ совершить этотъ шагъ еще торжественнѣе, нежели преполагалось прежде. Секретъ этой отсрочки заключался въ томъ, что Рудометкинъ, услышавъ объ ожидаемомъ въ то время проѣздѣ по Александропольской дорогѣ Великихъ Князей Михаила и Николая Николаевичей, проникся мыслью поставить заготовленный столбъ въ самый проѣздъ Великихъ Князей и тѣмъ въ глазахъ своихъ послѣдователей еще болѣе возвысить свое значеніе, выставивъ предъ лицомъ не только мѣстныхъ властей, но даже царскихъ братьевъ, знакъ своего царскаго величія.

Постановка столба однако не только совершенно не удалась, но весь этотъ дикій замыселъ повредилъ и самому Максиму Рудометкину и вообще прыгунскому дѣлу. Темные слухи о какой-то демонстраціи со столбомъ успѣли, хоть и поздно, дойти до губернскихъ властей, и губернаторъ, пріѣхавшій въ Никитино за нѣсколько времени до проѣзда Великихъ Князей, убѣдился, что дѣйствительно что-то затѣвается. Что̀ именно затѣвается—трудно было добиться. На разспросы прыгуны отозвались, что приготовляютъ къ постановкѣ большой столбъ, на которомъ будто бы предполагаютъ повѣсить флаги надлежащей формы и тѣмъ выразить проѣзжающимъ Великимъ Князьямъ свои вѣрноподданническія чувства. Отъ дальнѣйшихъ разъясненій прыгуны уклонялись и коротко заявляли, что хотятъ только сдѣлать царскимъ братьямъ честь. Потребовали къ осмотру столбъ, и его необыкновенные размѣры и въ особенности вышитыя на флагахъ надписи, заключающія въ себѣ какія-то пророчества на-счетъ тысячелѣтняго царствованія, возбудили сомнѣнія на-счетъ истинныхъ цѣлей постановки столба. Въ самомъ дѣлѣ, даже съ исключительной сектаторской точки зрѣнія, выразить *честь* постановкой несоразмѣрно громаднаго единаго столба съ флагами, испещренными какими-то загадочными письменами, казалось слишкомъ оригинальнымъ и невѣроятнымъ и, въ виду ходившихъ слуховъ о таинственномъ значеніи этого столба, о лихорадочной, усиленной дѣятельности, съ которой прыгуны занимались его приготовленіемъ, о нѣсколькихъ ночахъ безустанной работы молодыхъ прыгунокъ надъ вышиваніемъ флаговъ, начальство разсудило за лучшее предупредить демонстрацію и въ ночь предъ проѣздомъ Великихъ Князей столбъ былъ отвезенъ, за надлежащимъ конвоемъ, и сданъ на храненіе старшинѣ сосѣдней армянской деревни.

Такимъ исходомъ своей затѣи прыгуны остались совершенно недовольны, но все-таки успѣли къ проѣзду Великихъ Князей,

во-первыхъ, соорудить другой хотя гораздо меньшихъ размѣровъ столбъ, а во-вторыхъ, создать жалобу на отнятіе перваго столба, каковую жалобу подали Великимъ Князьямъ. Въ заголовкѣ прошенія было изображено: «Эриванской губерніи, Александропольскаго и Новобаязетскаго уѣздовъ, изъ разныхъ деревень духовныхъ христіанъ, называемыхъ молоканъ, всеобщее наше прошеніе». «Ихъ Императорскимъ Высочествамъ, Самодержцамъ всей Россіи, благолѣпно сіятельнаго престола и славнаго скиптра Вашего проотчества, Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ». Послѣ такого обращенія слѣдовалъ текстъ: «Вѣрою нашего Іисуса Христа и по откровенію намъ духомъ святымъ, воздвигнуть знамя, которое нами было приготовлено, *древо* и съ принадлежащими ее припасами, каковое отобрано отъ насъ не вполнѣ надлежащихъ ея предѣловъ; сего года сентября 10-го числа пріѣхавше приказаніемъ участковаго начальника знамя, и съ нею человѣка, ночнымъ бытомъ, мы неизвѣстно куда. О чемъ осмѣливаемся изъяснить Вашему Императорскому Высочеству! Къ чему мы и подписуемся Василій Цыкинъ (Никитинскій). Василій Чеботаревъ (Еленовскій), Игнатъ Тихановъ (Константиновскій), Никифоръ Трегубовъ (Семеновскій) и Александровскій Петръ Филиповъ Биляевъ—а вмѣсто нихъ Кирюхъ Холоповъ».

Максимъ Рудометкинъ, подзадорившій своихъ духовныхъ братьевъ и подданныхъ на демонстрацію, успѣлъ себя выгородить и даже не подписался на прошеніи, но всякій зналъ, кто истинный руководитель исторіи столба и знамени. Мѣстныя власти вскорѣ, дѣйствительно, вполнѣ убѣдились, что Рудометкинъ есть не только главный, но едва ли не единственный виновникъ всѣхъ этихъ затѣй, хотя всѣмъ этимъ нелѣпостямъ придано было то значеніе, котораго онѣ ни въ какомъ случаѣ не заслуживали.

Въ домогательствѣ Рудометкина, направленномъ на усиленіе его личнаго вліянія среди односектантовъ, въ нелѣпыхъ по-

пыткахъ его заявить о своихъ царскихъ правахъ и достоинствахъ своей власти, усматривали цѣлую массу преступленій и, между прочимъ, «нарушеніе отношеній правительственныхъ, общественныхъ, гражданскихъ, семейныхъ и религіозныхъ». Въ октябрѣ 1858 г. губернское начальство доносило, что все зло заключается въ Максимѣ Рудометкинѣ или просто «Комарѣ», что благодаря этому Комару и ученіе прыгуновъ не ограничивается сферою религіи и внутреннихъ убѣжденій, а «распространеніемъ своимъ поселяетъ пагубныя заблужденія въ жизни общественной и гражданской». «Возвеличивъ одного изъ своихъ адептовъ въ *цари духовные*,—писали перепуганные Комаромъ губернскія власти:—ученіе это ослабляетъ уваженіе къ подлиннымъ властямъ, присланнымъ откуда слѣдуетъ; допуская многоженство, ученіе это разрушаетъ основы семейнаго быта; обѣщая скорый конецъ міра, оно внушаетъ равнодушіе къ труду и къ успѣхамъ хозяйственнымъ». Относительно самого Максима Рудометкина власти приходили къ окончательному заключенію, что онъ «не можетъ быть оправданъ даже *внутреннимъ убѣжденіемъ*, ибо *онъ рѣшительно таковаго не имѣетъ*». «Это просто хитрый мужикъ,—писали власти:—пользующійся глупостями и слабостями человѣческими, и довольно смѣлый или дерзкій, чтобы воспользоваться ими еще въ бóльшихъ размѣрахъ». Когда такимъ образомъ вновь всплылъ прыгунскій вопросъ, оказалось. что онъ по прежнему все еще представляется вопросомъ не послѣдней важности. Губернаторъ полагалъ, что въ такомъ дѣлѣ шутить нельзя, что слабость правительства въ отношеніи ереси можетъ поселить въ туземцахъ, т. е. татарахъ и армянахъ, *убѣжденіе въ шаткости нашихъ религіозныхъ убѣжденій* и находилъ, что если невозможно преслѣдовать лжеученіе въ массахъ народа, то во всякомъ случаѣ слѣдуетъ, «если изъ нея (массы) возвышается *глава* и особливо съ характеромъ не только проповѣдника духовнаго, но и преобразователя гражданскаго», то ее, главу эту, нужно-де отсѣчь.

Нельзя было конечно отрицать, что Максимъ Рудометкинъ былъ глава и что онъ могъ повлечь свою паству на путь всякихъ нелѣпостей; но картину прыгунства рисовали уже слишкомъ яркими и густыми красками, и прежде всего нельзя было согласиться съ тѣмъ, что прыгуны возвели многоженство въ догматъ своего ученія, а также и съ тѣмъ, что послабленіе, оказываемое прыгунамъ, поселяло или могло поселить въ туземцахъ *убѣжденіе* въ шаткости нашихъ религіозныхъ *убѣжденій*. Самъ Рудометкинъ представлялъ своей особой единственный примѣръ фактическаго двоеженства, хотя онъ отрицалъ и въ отношеніи себя какое бы то ни было плотское общеніе съ царицами Варварой и Степанидой и утверждалъ, что онѣ его истинно-духовныя жены. Жениться же на двухъ не допускалось положительно, и если у многихъ изъ прыгуновъ оказалось по двѣ жены, то произошло это бо̀льшею частью потому, что, переходя изъ другихъ сектъ, новообращенные прыгуны нерѣдко пользовались своимъ правомъ брать себѣ новую *духовную* жену, и хотя при этомъ они, по возможности, старались отдѣлаться отъ прежнихъ *плотскихъ* женъ, но эти послѣднія, связанныя съ ними дѣтьми, долгимъ сожительствомъ, а въ особенности стѣсняемыя недостаткомъ средствъ къ самостоятельной жизни, не отказывались отъ супружескихъ правъ своихъ на новообращенныхъ прыгуновъ, и выходило иногда, что у иныхъ оказывалось по двѣ жены, изъ которыхъ самъ двоеженецъ признавалъ только одну, а власти, совершенно не признавая сектаторскихъ браковъ, не считали женами ни той, ни другой, а именовали обѣихъ *сожительницами*.

Какого были и могли быть мнѣнія туземцы о нашихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, кажется совершенно безразлично.

Прежде чѣмъ судить о *шаткости* нашихъ убѣжденій, имъ надлежало ознакомиться съ основаніями русской рѣчи и, предположивши, что въ далекомъ будущемъ туземное населеніе ознакомится съ нашимъ языкомъ до возможности взаимнаго объяс-

ненія, надо сдѣлать съ тѣмъ вмѣстѣ довольно вѣроятное предположеніе, что къ вопросу о *шаткости* нашихъ религіозныхъ убѣжденій они относились бы всегда весьма индифферентно и, по всѣмъ вѣроятіямъ, оставались бы, еслибы даже и дошли до пониманія нашей религіи, при прежнемъ своемъ убѣжденіи въ томъ, что ихъ религія все-таки выше, лучше и чище, чѣмъ всякая другая, и что мы пребываемъ во мракѣ заблужденія.

На Рудометкина правильнѣе бы всего было смотрѣть просто какъ на нарушителя общественнаго спокойствія, и какъ такового нарушителя поставить въ невозможность вліять на неразумную толпу вполнѣ невѣжественныхъ, но весьма наэкзальтированныхъ его ученіемъ людей. Усматривать въ Рудометкинѣ духовнаго проповѣдника «съ характеромъ гражданскаго преобразователя» было ужъ слишкомъ много чести для него! Насколько всякій выдающійся духовный проповѣдникъ дѣйствительно вліялъ на гражданскій строй общества (Лютеръ, Кальвинъ, Гусъ, Цвингли), настолько Рудометкинъ оказывался несостоятельнымъ, даже какъ простой проповѣдникъ. Число послѣдователей Рудометкина все-таки было весьма и весьма незначительно, собственно уже въ силу крайней несостоятельности главнаго догмата его ученія—догмата нисшествія духа на каждаго усерднаго молящагося. Рудометкинъ былъ самъ по себѣ безспорно вредный человѣкъ и именно вреденъ какъ дурной примѣръ для слабыхъ людей, но какъ общественный дѣятель, онъ былъ совершенное ничтожество и, не случись ссылка Рудометкина такъ рано, можно было бы поручиться, что толпа его послѣдователей скоро бы проникла въ корыстныя цѣли своего духовнаго царя и почувствовала бы всю грубость его обмана.

29-го октября 1858 года рѣшено было ходатайствовать объ отправленіи Максима Рудометкина на жительство въ Соловецкій монастырь, а 25-го декабря того же года послѣдовало на это разрѣшеніе.

Такъ окончилъ Рудометкинъ свою карьеру. Передъ тѣмъ имъ была придумана цѣлая система наградъ. Всѣ усердные молельщики и особенно всѣ щедро приносящіе «жертву» награждались *печатями*. Печати были двухъ сортовъ—треугольныя и круглыя. Въ срединѣ треугольника вырѣзывались заглавныя буквы именно того лица, которому печать жаловалась, то же самое дѣлалось въ круглыхъ печатяхъ, но послѣднія пожалованы были только самымъ приближеннымъ Рудометкина, а именно двумъ его такъ называемымъ удамъ: Емельяну Телегину и Фетису Васильеву и двумъ «отогрѣвательницамъ»—Грунѣ, замѣнившей Варвару, и Стешѣ, которая съумѣла до конца сохранить расположеніе царя. Кромѣ этихъ двухъ сортовъ печатей, каждая прыгунская молельня имѣла еще свою собственную, которая, между прочимъ, прикладывалась къ письмамъ, отсылаемымъ къ *своимъ*, какъ рекомендація и удостовѣреніе, что доставитель письма — человѣкъ вѣрный. Чаще всего однако Рудометкинъ награждалъ *достойныхъ* простыми ситцевыми платками, *надушенными мятными каплями*. Существовала еще награда *поясами*, обыкновенно весьма пестрыми, блестящими и мишурными. Наконецъ, всѣ бывшіе хоть разъ подъ благостнымъ дѣйствіемъ духа, имѣли право носить *знакъ*, который состоялъ изъ куска цвѣтной матеріи, на которомъ было вышито Д (духовн.). Государственную регалію царства духовныхъ христіанъ составляло знамя, на которомъ было изображено два крыла съ надписью «величіе солнца». Знамя это было отобрано одновременно съ «древомъ» въ 1858 г., но такъ какъ надписи *величіе солнца* нельзя было придать особеннаго толкованія, то оно было возвращено и долго послѣ того находилось въ с. Никитинѣ и носилось при всѣхъ выѣздахъ Рудометкина вмѣстѣ съ нимъ.

Про Рудометкина вообще было извѣстно, что въ отношеніи своей духовной паствы онъ предпочиталъ примѣнять самый деспотическій образъ правленія. Разсказываютъ, что дисциплина была необычайная. Если кто-нибудь во время моленія

осмѣливался посмотрѣть на Рудометкина съ недостаточнымъ, по его мнѣнію, благоговѣніемъ, то онъ закипалъ такимъ гнѣвомъ, что вскакивалъ съ своего духовнаго престола, самолично накидывалъ на шею провинившагося полотенце, которыхъ у него въ запасѣ всегда бывало по два, для обтиранія пота, градомъ катившагося во время пляски, и начиналъ дерзкаго волочить по землѣ, доколѣ не послѣдуетъ покаяніе.

«Прости отецъ, прости! коли чѣмъ согрѣшилъ!» оралъ благимъ матомъ провинившійся.

И умилостивившійся, а болѣе умаявшійся *отецъ* выпускалъ конецъ полотенца и кричалъ: «кайся!»

Понятно, что такая обстановка побуждала къ быстрому покаянію, и покаявшійся отпускался съ миромъ, но не прежде, какъ по принесеніи жертвы. За то же преступленіе съ дѣвками поступали проще. Ихъ по-просту таскали за косы, и также бо̀льшею частью расправа производилась царственной рукой Рудометкина. Когда его посѣщалъ духъ, а это случалось при каждомъ большомъ сборищѣ, то, по удостовѣренію очевидцевъ, Рудометкинъ приходилъ въ полнѣйшее изступленіе, а самое обыкновенное посѣщеніе духа кончалось не иначе, какъ совершеннымъ изодраніемъ на себѣ рубашки, причемъ нерѣдко грудь свою онъ расцарапывалъ въ кровь.

V.

Преемникъ Рудометкина.

По отъѣздѣ Рудометкина въ прыгунствѣ настало совершенное затишье и, хотя прыгуны не замедлили выбрать преемника Рудометкину, но дѣло духовной пропаганды пошло уже несравненно тише. Ему наслѣдовалъ Еленовскій мужикъ Ивлій Минниковъ, который послѣ трехъ дней умеръ отъ холеры. Смерть Ивлія послужила прыгунамъ предлогомъ для новой, впрочемъ, совершенно безобидной демонстраціи. Его похоронили, украсивъ лентой черезъ плечо и облѣпивъ грудь звѣздами, сдѣланными изъ синей бумаги и изготовленными въ самой резиденціи умершаго царя—въ с. Еленовкѣ, а въ заключеніе всей потѣхи надъ могилой царя Ивлія былъ воздвигнутъ монументъ, и притомъ деревянный, именно въ видѣ простаго креста съ надписью слѣдующаго содержанія: «Здѣсь покоится прахъ въ Бозѣ почившаго; приложися къ отцемъ своемъ въ мирѣ Ивлій Минниковъ; имѣлъ отъ роду 40 лѣтъ; имѣлъ даръ отъ Бога».

Ивлію Минникову наслѣдовалъ Константиновскій мужикъ Гаврило Валовъ, братъ сосланнаго въ Дербентъ. Этотъ самый Гаврило Валовъ существуетъ и по-нынѣ, но царемъ давно не признается, ибо прыгуны, призвавъ его на царство, впослѣд-

ствіи не признали въ немъ особеннаго дара отъ Бога, какъ непремѣнно требовалось отъ царя, а увидѣли въ немъ человѣка обыкновеннаго, рядоваго. Больше всего Валовъ не понравился кажется тѣмъ, что слишкомъ настойчиво задумалъ осуществить возникшій еще при Рудометкинѣ проэктъ взиманія $^{1}/_{10}$ части доходовъ въ пользу царя. Нѣкоторое время однако Валовъ признавался и ему была сложена даже такая пѣсня:

.... Гаврила Валовъ
На Сіонскихъ горахъ
Стоялъ Божій виноградъ,
Сей духовный Божій садъ.
Кто въ саду томъ бывалъ,
Творца Бога называлъ...
Кто эти плоды вкусилъ,
Тотъ Божій крестъ носилъ.—
Избрались таки злодѣи,
Обокрасть тотъ садъ хотѣли;
Онъ поставилъ сторожей,
Какъ вѣрныхъ своихъ дѣтей.
Они садикъ стерегутъ,
За то денегъ не берутъ;
Онъ по садику гулялъ,
Плоды добры собиралъ,
Плодъ творящій одобрялъ,
А безплодныхъ укорялъ.
Вѣчная радость вамъ.
Аминь.

Пѣсня эта сложена, какъ кажется, въ упрекъ Валову за его корыстныя намѣренія на десятину и въ примѣръ приводятся тѣ, которые

Садикъ стерегутъ,
За то денегъ не берутъ,

чѣмъ намекается на необходимость безкорыстія въ отношеніи паствы духовнаго царя.

Заговоривши о Валовѣ, кстати сказать, что онъ, по примѣру Рудометкина, старался говорить риѳмами и ему приписывается пѣсня, которая имѣетъ цѣлью уязвить какъ можно болѣе православныхъ или иконниковъ и показать, что впереди ихъ еще ожидаютъ большія непріятности за ихъ преслѣдованія прыгунства.

Если припомнить время послѣ первыхъ непріятныхъ столкновеній прыгунства съ администраціей, то становится понятнымъ, что прыгуны утѣшались ожиданіемъ грядущаго мщенія за нихъ, которое должно было придти съ Запада. Далеко еще до наступленія турецкой компаніи 1853—1855 годовъ, полиція доносила, что мѣстные прыгуны усердно и «недоброжелательно пророчатъ скорую побѣду турокъ надъ русскими».

Одновременно съ Гаврилой Валовымъ нашелся-было другой преемникъ Рудометкину, именно Александровскій мужикъ Евтѣй, по фамиліи Уваровъ, но Гаврилъ Валовъ былъ побойчѣе этого Евтѣя и успѣлъ совершенно оттѣснить своего соперника, человѣка совершенно безталаннаго, заявившаго себя только необыкновеннымъ возбужденіемъ, когда на него во время моленія находилъ духъ.

Вообще съ 1858 года въ распространеніи прыгунства произошло видимое затишье. Рудометкинъ сидѣлъ въ Соловецкомъ монастырѣ, и осиротѣвшіе его подданные довольствовались поддержаніемъ Рудометкинскаго ученія, не осмѣливаясь, не только его дополнять, но и въ чемъ либо измѣнять, и вся заслуга его преемникомъ предъ прыгунствомъ заключается лишь въ томъ, что они почти ничего къ этому ученію отъ себя не прибавили и не украсили его новыми нелѣпостями.

Въ средѣ молодыхъ прыгуновъ однако скоро обнаружилось разномысліе, и именно въ вопросѣ о покаяніи. Многіе находили совершенно неудобнымъ въ собраніи женщинъ и мужчинъ публично и гласно излагать перечень своихъ прегрѣшеній

и стали отказываться произносить покаяніе гласно, а предпочитали исповѣдь интимную—только предъ лицомъ исповѣдника.

Вопросъ о двоеженствѣ, отчасти затронутый Максимомъ Рудометкинымъ, оставался также неразрѣшеннымъ скончательно.

Въ отношеніи исполненія праздниковъ прыгуны также встрѣчали немалыя затрудненія. Календарь, котырый имъ будто бы служилъ руководствомъ, и будто бы сочиненный еще родоначальникомъ молоканской вѣры, Уклеиномъ, хотя гдѣ-то, по разсказамъ прыгуновъ, существовалъ, но никто не зналъ, гдѣ именно онъ хранится, и Рудометкинъ, въ качествѣ полновластнаго распорядителя своей паствы, проявлялъ въ отношеніи назначенія и самаго отправленія праздниковъ полный произволъ, придерживаясь то Моисеевыхъ законовъ, то обычаевъ молоканскихъ, то церковнаго календаря Православной церкви — какъ ему вздумается—черпая указанія на сей счетъ всегда непосредственно отъ «духа».

Однимъ словомъ, едва Рудометкинъ сошелъ со сцены, какъ воцарился полный разладъ и разномысліе по всѣмъ религіознымъ вопросамъ. Замѣчено было, что даже снисхожденіе духа стало появляться несравненно рѣже и многія собранія проходили *безъ духа*, чего прежде не бывало никогда. Новыхъ послѣдователей почти не являлось; изъ старыхъ нѣкоторые возвратились въ молоканство, нѣкоторые перешли въ жидовствующіе, и прыгунство угрожало расплыться въ другихъ толкахъ и уничтожиться само собою. Но мѣстная власть вообще и въ особенности полицейскіе исполнители все еще не хотѣли предоставить всякимъ сектаторскимъ заблужденіямъ, въ томъ числѣ и прыгунскому, свободно проявляться, развиться и затѣмъ погибнуть подъ бременемъ самими же сектаторами созданныхъ нелѣпостей, и время отъ времени репрессивныя мѣры противъ раскольниковъ вообще и въ частности противъ прыгунства продолжали обнародоваться и примѣняться.

Къ тому времени, въ 1858 году, среди прыгуновъ появилась въ обращеніи рукопись, подъ заглавіемъ: «О столпахъ церкви» и «Откуда вѣра наша», серьёзно занимавшаяся разрѣшеніемъ этихъ обоихъ вопросовъ.

Содержаніе этой рукописи настолько интересно. что необходимо сказать объ этомъ произведеніи подробнѣе. Рукопись эта обращалась какъ среди прыгуновъ, такъ и между молоканами во многихъ экземплярахъ, по обыкновенію написанныхъ уставомъ. Сначала трактовалось о «столпахъ церкви», а потомъ уже разрѣшался вопросъ «откуда наша вѣра». Въ «Столпахъ церкви» прежде всего высказывается увѣренность, что вѣра духовныхъ христіанъ не есть вѣра новая, а существуетъ давно и что вѣра эта была лишь «временно помрачена»; затѣмъ идетъ подробный перечень самыхъ столповъ. «Первый князь и основатель вѣры истинныхъ духовныхъ христіанъ Тамбов. губ. с. Уварова, Семенъ Матвѣичъ Уклеинъ и сильные витязи, святые мужи, вѣрные его помощники въ проповѣди его святой вѣры, пресвитеры и настоятели разномѣстныхъ церквей: Моисей Алматовичъ Согласной, Петръ Мих. Журавцевъ Борисоглѣбскій, Лука Петр. Аккерманскій, Петръ Демент. Саратовскій, Купріанъ Иван. Узенскій, Тимоф. Семеновъ, Гавр. Леонт. Тамбовскій, Алексѣй Троф. Разсказскій, Петр. Алексѣев. Озерскій, Сафронъ Степановичъ, Степанъ Самсон. Тамбовскій, Игнатъ Ильичъ Разсказскій, Моисей Михайлов. Бакинскій, Акимъ Антиповичъ, Ив. Ѳеодор. Пришибинскій, Трофимъ Дорофѣевичъ» и т. д., и т. д. Въ этомъ длинномъ спискѣ «столповъ» бросается, между прочимъ, въ глаза какой-то «его высокоблагородіе маіоръ казакъ донской».

Далѣе слѣдуетъ: «Еще многіе сильные имъ помощники, сильные ратники, облеченные во всеоружіе божіе, стоявшіе за вѣру, проповѣданную вышеозначенными членами, многая претерпѣша. великая страданія, изгнаніе отъ рода своего, лишеніе домовъ своихъ, прочіе чадъ своихъ. женъ своихъ, братьевъ и сестеръ,

прочіе отцовъ, матерей и странствованіе по чужимъ дальнимъ сторонамъ. И даны имъ различные дары по мѣрѣ дарованія Христова, коемуждо противу силы, но вѣра едина и духъ единъ и дѣла едины всѣмъ».

Затѣмъ слѣдуетъ исчисленіе заслугъ «столповъ церкви».

Далѣе оказывается, что въ числѣ «столповъ церкви» значатся также и женщины и «вдовицы», и дѣвицы, «отдарованныя благодатею и силою». Эти женскаго рода «столпы» прославились «наипаче сладкогласнымъ пѣніемъ». Столпы эти были: «Семена Матвѣича жена Татьяна, дочери: Фекла, Агафья, Настасья Семеновны; Фекла Абрамовна, Фекла Григорьевна, Арина Тимофѣевна, и проч., и проч.... и еще многія съ ними святыя вдовицы дѣвицы и женщины, помогавшія имъ въ святомъ пѣніи и во всѣхъ святыхъ дѣлахъ во святой церкви! Всѣ они превозлюбленные наши предки и открыватели вѣры Господа нашего І. Х.— многими слезами и многими молитвами, святою любовію, усердно просили насъ бояться Бога и хранить его заповѣди, жить въ мирѣ и любви, даже и со врагами своими и молиться за себя и за царя, и за весь міръ, а за открытую вѣру стоять твердо и готовымъ быть за вѣру на всякое страданіе, даже и на смерть»...

Послѣ этого общаго разсказа о столпахъ церкви слѣдуетъ восхваленіе одиночныхъ наиболѣе знаменитыхъ столповъ.

«Особенно достойные похвалы были означенный членъ Петръ Михайловичъ Журавцевъ, съ двумя единомысленными своими товарищами, Ѳедор. Семенов. Матвѣевымъ и Иванъ Андреевичемъ».

«Еще достойный хвалы и славы быша означенный членъ, Григорій Никитинъ Булгаковъ, превзошелъ вѣрою и любовью и страшными трудами дѣла своего, паче всѣхъ членовъ во время сильной брани свѣта со тьмою. Онъ духомъ божіимъ облеченный во вся оружія божія волею своею вышелъ въ защиту за пораженныхъ нашихъ, смѣло на ратное поле, якоже Давидъ еди-

ноборствовалъ на сильнаго и гордаго исполина, облеченнаго во вся беззаконная оружія своя».

«О преславный членъ Григорій Никитинъ. Коль ты дивенъ предъ царями, сильными вельможами и великими князьями! О коль преславенъ ты предъ всѣмъ родомъ нашимъ. Не видимъ подобнаго твоей смѣлой крѣпости! Не ты ли обличилъ весь домъ великой любодѣйцы, проливающей кровь святыхъ твоихъ и всѣ ея тайны и хитрые умыслы поставили явно предъ всѣми?! Воистину Богъ даровалъ тебѣ такую силу и премудрость! Мы извѣстны, что не наука твоя сотворила сіе, но духъ, владѣющій всѣми таковаго неграматнаго и простого человѣка, съ такою обличительною книгою отъ невидимаго Бога вышелъ на ратное поле! Не ты ли мечъ остеръ подъ кровомъ руки Бога скрытъ былъ?!».

«Не ты ли стрѣлою устъ поразилъ въ смерть гордаго исполина, попирающаго родъ нашъ, пролившаго многую кровь насильственно влекомыхъ въ свою *Ердань*. Онъ гордымъ духомъ своимъ растерзалъ младенцы на полы (пополамъ) отъ рукъ матерей не дающихъ чадъ своихъ, а пролитымъ слезамъ числа и мѣры нѣтъ. Они хранятся въ плачевной чашѣ у отца небеснаго и созрѣваютъ въ жемчужины въ день суда для украшенія побѣдоносныхъ вѣнцовъ тѣхъ побѣдителей, кои не щадили душъ своихъ, даже до смерти! Но ты членъ тѣла Христова, помощью Бога попралъ въ тылъ сильныхъ ратниковъ, попирающихъ братію нашу, кои слезавую молитву приносили въ отрадѣ своей, Владыкѣ міра за твою побѣду и о твоемъ спасеніи! Воистину достоенъ ты славы, и хвалы, и чести! Что весь родъ нашъ и за всю святую вѣру нашу въ Господа нашего Іисуса Христа не пощадилъ оставить жены своей и возлюбленныхъ чадъ своихъ и внучатъ и всего богатства и спокойства и не ужаснулся ни смерти. ни темницы, ни узъ, которыхъ ты за вся сія претерпѣвалъ! Прослави тебя Господи предъ святыми своими ангелами и предъ святыми своими пророками, апостолами, мучениками избранными!»

Другая половина рукописи разрѣшала вопросъ «откуда вѣра наша». Молоканамъ вообще и прыгунамъ въ частности представлялось не мало интереса узнать, откуда произошла ихъ вѣра и удостовѣриться, достаточно ли законно и правильно это происхожденіе. Понятно, что авторъ «Столповъ церкви» и «Откуда наша вѣра» старался происхожденію этому дать наиболѣе внушительный видъ, и вотъ онъ говоритъ, что вѣра эта «отцами нашими и святыми старцами, взята во святой библіи, открыта самимъ Богомъ, въ самое мрачное время, среди рода строптива и развращенна и сія упованія нашей вѣры не отъ человѣка искуснаго и ученаго, но духомъ отъ Бога изліяся въ сердца простодушныхъ мужей, находящихся въ разныхъ губерніяхъ и городахъ, и селахъ и деревняхъ Россійской Имперіи, не то что занимающихся многою наукою въ одной школѣ или семинаріи, но простыхъ земледѣльцевъ, поля орущихъ, пасущихъ стада, рубящихъ лѣса, питающихъ и одѣвающихъ себя и семейства своими собственными трудами. Но творецъ міра, избравшій таковыхъ простыхъ земледѣльцевъ, неученыхъ, напоилъ души ихъ и разумъ духомъ святымъ своимъ. Они, живши въ разныхъ мѣстахъ, не видали другъ друга, но заговорили всѣ однимъ гласомъ и одними словами всему міру; много лѣтъ ученые архіереи и священники оставались посему въ стыдѣ и во гнѣвѣ, и въ зависти, и въ гордости, но простые мужи, напоенные духомъ святымъ, смѣло и твердо сію открытую Богомъ истину нашей вѣры, истинныхъ духовныхъ христіанъ свидѣтельствовали всѣмъ народамъ...»

Внушивъ такимъ образомъ несомнѣнность высокаго происхожденія «нашей вѣры», авторъ глаголетъ: «прилежно разумѣйте о томъ, возлюбленные братья и сестры! Не колебайтеся! Не смущайтеся паче всего субботническимъ развратомъ и прочими разными ученіями, но стойте на открытой истинѣ, юже Богъ далъ предкамъ нашимъ, въ томъ да пребывайте»...

Кончается рукопись такимъ увѣщаніемъ: «Если мы будемъ

тверды въ упованіи открытой вѣры нашей и не будемъ кичиться своимъ разумомъ искать лучшаго, то будемъ спокойны, кротки, и не будетъ между нами споровъ и разногласія, но будетъ миръ и св. любовь, въ какой пребываетъ самъ Богъ, а если будетъ самъ Богъ съ нами, то онъ самъ намъ вразумитъ и откроетъ св. писаніе до послѣдней точки... и дастъ намъ святое помазаніе, т. е. духъ святой свой изобильно изольетъ въ сердца наши... и будутъ въ насъ во всѣхъ одни мысли и будемъ всѣ одно говорить въ мирѣ, въ любви и святой радости... Если мы будемъ всѣ на тѣхъ обрядахъ, которые подавали предки наши царю, то никакія другія ученія не могутъ насъ поколебать, ни старовѣры, ни скопцы, ни духоборы, ни лютеранское видимое водное крещеніе и преломленіе хлѣба, ни *семейскій* (?) высокимъ своимъ пареніемъ, ни субботники старымъ своимъ закоснѣніемъ противъ сына Божія и всѣ ихъ сильные проповѣдники, какъ тучи съ дождемъ или бури или сильныя рѣки не могутъ поколебать нашу храмину, если она основана на твердомъ камени Господа нашаго Іисуса Христа и св. Духа, который управлять будетъ нами по волѣ Божіей».

VI.

Затишье среди сектантовъ.

Новѣйшая исторія прыгунства представляетъ мало интереснаго и назидательнаго. Только въ 1866 году нѣкоторыя обстоятельства опять обратили вниманіе мѣстнаго начальства на прыгуновъ и побудили произвесть новыя изслѣдованія, которыя окончательно привели къ тому убѣжденію, что прыгунство, усвоенное нѣсколькими сотнями семействъ, переставъ распространяться и достигнувъ высшей точки своего развитія, ничего болѣе не создаетъ, а держится уже утвердившимися въ сектантахъ вѣрованіями и обрядностями. Тогда же открылось, что прыгуны пребываютъ въ совершенной увѣренности на счетъ очевидныхъ преимуществъ ихъ новой вѣры предъ всѣми прочими вѣрами, не исключая молоканской, хотя тѣмъ же изслѣдованіемъ выяснилось, что прыгуны не представляютъ того непреоборимаго упорства, которое составляетъ отличительную особенность напримѣръ разныхъ старообрядческихъ толковъ.

Обстоятельства, вызвавшія послѣднія разслѣдованія, заключались въ слѣдующемъ: въ 1864 г. переселено изъ южной Россіи сначала 100, а вскорѣ и еще 24 семейства менонитовъ на лѣвый берегъ р. Кубани. Переселеніе это было совершено по приговору суда. Всѣ эти переселенцы жили прежде въ Бессарабской Области на р. Молочнѣ и составляли нѣсколько приходовъ менонитскаго ученія, изъ которыхъ Молоченскій и Хар-

тицкій были самыми значительными. Въ средѣ менонитовъ повторилась почти та же исторія, какъ и въ средѣ молоканъ при появленіи прыгунства. Началось съ того, что нѣкоторые рачители доброй нравственности и воздержанія во всѣхъ его видахъ, т. е. какъ на словахъ, такъ и на дѣлѣ, стали отдѣляться отъ общества своихъ одноприхожанъ и придерживаться болѣе строгихъ житейскихъ и религіозныхъ правилъ. Строгость эта привела сначала къ нѣкоторому мистицизму, мистицизмъ создалъ нѣсколько аскетовъ, и все это привело наконецъ къ крайней экзальтаціи, которая охватила многихъ. Какъ у прыгуновъ, такъ и здѣсь явились одаренныя способностью непосредственно сообщаться съ духомъ, затѣмъ послѣдовало сошествіе духа на усердно молящихся, и солидные менониты нечувствительно превратились въ *гюпферовъ* или скакуновъ, совершенно тѣмъ же путемъ, какъ молокане обратились въ прыгунство. 124 семейства таковыхъ гюпферовъ переселено на Кубань, и главные распространители скакунства или гюпферства даже были высланы, по представленію начальника Новороссійскаго Края, за границу. Въ непродолжительномъ времени оказалось, что переселенные за Кубань гюпферы находятся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ бердянскими скопцами, каковыхъ въ Бердянскѣ, совершенно неожиданно, оказалось 73 человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось, что въ связи съ тѣми же скопцами находятся нетолько гюпферы, но и закавказскіе молокане и прыгуны. По дальнѣйшемъ разслѣдованіи обнаружилось, что въ Бердянскѣ есть даже и прыгуны и что они имѣютъ сношенія съ закавказскими, «пользующимися іерархическимъ значеніемъ».

Оказалось, что главный представитель бердянскихъ прыгуновъ, Трифонъ Лысовъ, заимствовалъ свое ученіе отъ того самаго «главнаго развратителя» Лукьяна Петровича *), котораго

*) По фамиліи Соколовъ.

въ послѣднее время послѣдовательно замѣнили сначала Давыдъ Iесеевъ, а затѣмъ Григорiй Петровъ.

Оказалось, между прочимъ, и то, что въ Бердянскѣ распространены пѣсни закавказскихъ прыгуновъ, занесенныя туда какимъ-то Моисеемъ Колодинымъ, и что въ послѣднее время Iесеевъ установилъ, что вступившiе въ секту прыгуновъ носятъ черезъ плечо особою бѣлую ленту съ надписью «благословенъ».

Свѣдѣнiя о сношенiяхъ закавказскихъ прыгуновъ съ бердянскими побудило кавказское начальство подробно вновь изслѣдовать состоянiе прыгунскаго ученiя, о чемъ и было предложено мѣстнымъ властямъ. По изслѣдованiи однако оказалось: 1) что секта утратила свое соблазняющее дѣйствiе на умы народа, 2) что молокане и субботники остаются совершенно равнодушны къ ученiю о духѣ и даже нѣсколько человѣкъ прыгуновъ возвратились къ старымъ толкамъ, 3) что кончины мiра прыгуны ожидать перестали и жертвоприношенiя производятся мѣдными грошами. *Собранiя* прыгунскiя, какъ оказывалось по изслѣдованiю, идутъ крайне вяло. Происходящее изрѣдка прыганье далеко не имѣетъ того значенiя, какъ въ первые годы возникновенiя секты, и производитъ вообще отталкивающее впечатлѣнiе, впрочемъ, только на постороннихъ зрителей—сами же прыгуны все еще продолжаютъ въ этомъ прыганьи видѣть подлинное присутствiе духа.

Самое важное заключенiе, къ которому привело изслѣдованiе, заключалось въ томъ, что прыгуны будто бы проникнуты *антиправительственными наклонностями,* такъ что, при какой-нибудь непредвидимой случайности, напр. войны, ихъ нельзя считать надежными поборниками русскихъ интересовъ и что они не прекращаютъ повсемѣстныхъ сношенiй съ своими единомышленниками по вѣрѣ, но что сношенiя эти идутъ не по почтѣ, а разными иными трудно уловимыми путями, какъ-то извозомъ, оказiями и проч., и проч. Нужно однако думать,

что эти такъ называемыя *сношенія* рѣшительно не имѣли ни малѣйшаго значенія и заключались лишь въ пересылкѣ другъ другу безграмотныхъ посланій, переполненныхъ текстами, разсужденіями о вѣрѣ; относительно же антиправительственныхъ наклонностей прыгуновъ слѣдуетъ предположить, что здѣсь дѣло не обошлось безъ значительныхъ преувеличеній.

Молокане, субботники, прыгуны и всякіе сектанты, не имѣя ничего общаго ни съ внѣшней, ни съ внутренней политикой, никакихъ собственно политическихъ причинъ къ проявленію антиправительственныхъ наклонностей имѣть не могутъ. Все это коренные русскіе люди, со всѣми хорошими и дурными качествами славянина, все это народъ, искренно считающій Россію *старше* всѣхъ царствъ, а Русскаго Царя не только сильнѣе, но и *старше* всѣхъ царей, все это народъ, чувствующій какое-то необъяснимое, но врожденное ему особое чувство къ нѣмцу и французу, считающій англичанина диковиннымъ существомъ и всякаго турку не считающій ни за что.

При такихъ крайне несложныхъ политическихъ воззрѣніяхъ, народъ русскій вообще, а въ томъ числѣ и закавказскіе сектанты, давно порѣшилъ съ вопросомъ о своихъ политическихъ симпатіяхъ, порѣшилъ безсознательно, но и безапелляціонно, и пока признаетъ только, что всякій бусурманинъ--нехристь, а всякій турка и совсѣмъ нечистый... Понятно слѣдовательно что о какомъ либо тяготѣніи сектантовъ, въ смыслѣ политическомъ, къ какому-нибудь или какимъ-нибудь народамъ не можетъ быть и рѣчи. Умственное неразвитіе и полнѣйшее невѣжество сектантовъ еще такъ велики, что они не могли ихъ привести къ какимъ либо выводамъ относительно иной формы правленія и иного государственнаго строя и возбудить въ нихъ опредѣленныхъ стремленій къ достиженію той или другой формы. Способность къ такой оцѣнкѣ явится у нихъ во всякомъ случаѣ еще не скоро, и ей непремѣнно должно предшествовать нѣкоторая умственная подготовка и просвѣщеніе.

Затѣмъ, въ частности, нельзя не признать, что закавказскіе сектанты въ отношеніи благосостоянія поставлены въ условія чрезвычайно выгодныя, настолько выгодныя, что крестьяне внутреннихъ русскихъ губерній навѣрно бы позавидовали ихъ благополучію. Нѣтъ мѣстности, гдѣ бы на душу приходилось менѣе пяти десятинъ земли, и это въ богатѣйшемъ климатѣ, при самыхъ выгодныхъ условіяхъ производства, повсюду выгоднымъ сбытѣ сельскихъ произведеній, слабой конкурренціи или чаще совершенномъ ея отсутствіи и въ особенности во всѣхъ тѣхъ ремеслахъ, въ которыхъ преимущественно силенъ русскій человѣкъ, какъ - то въ извозѣ, печничествѣ, столярничествѣ, плотничествѣ и т. д. Совершенное пока отсутствіе въ краѣ фабрикъ и заводовъ предохраняетъ ихъ, до поры до времени, отъ вреднаго вліянія фабричной жизни; вездѣ имъ предоставлено самоуправленіе въ ихъ внутренней жизни, и затѣмъ, хотя весь этотъ людъ называется ссыльно-поселенцами, но, такъ или иначе, на русскихъ сектантовъ въ Закавказьѣ смотрятъ, какъ на зачатки, какъ на ядро обрусенія этой отдаленной окраины, какъ на разсадникъ русскаго элемента и, по возможности, предоставляютъ имъ всякія экономическія удобства и всякія льготы. Само высшее начальство края являетъ въ отношеніи ихъ нескончаемый рядъ всякихъ снисхожденій и одолженій! Имъ отрѣзываются подъ поселенія земли положительно лучшія, имъ предоставляются удобнѣйшіе и ближайшіе къ усадьбѣ сѣнокосы, имъ даже нѣтъ отказа въ переселеніяхъ съ мѣста на мѣсто и къ безконечнымъ ихъ претензіямъ и прошеніямъ о прирѣзочкѣ, да о надбавочкѣ начальство никогда не отказываетъ милостиво преклонить ухо...

Сектанты, правда, нигдѣ не заявляли, чтобы они были довольны своей обстановкой, и что они лучшаго не желаютъ, но нигдѣ они не проявляли и какихъ-либо признаковъ общаго недовольства. Ихъ вѣчныя странствованія съ прошеніями, дѣйствительно, имѣютъ видъ недовольства своимъ положеніемъ, но

этого въ дѣйствительности нѣтъ и кто ихъ ближе узнаетъ, тотъ увидитъ, что это только простое желаніе захватить еще *землицы*, еще лѣску, еще лужка, еще сѣнокоса и привычка прибѣгать къ снисходительно-выслушиваемымъ и рѣдко неисполняемымъ просьбамъ. Эти «лишенные правъ состоянія», по закону, не пользующіеся ни правами брачными, ни связанными съ ними правами по наслѣдству, пользуются на дѣлѣ гораздо бо̀льшими собственно жизненными удобствами и благосостояніемъ, нежели нелишенные никакихъ правъ.

Прибавимъ, что съ окончательнымъ прекращеніемъ преслѣдованія за религіозныя воззрѣнія и мнѣнія будетъ устраненъ послѣдній источникъ недовольства и для закавказскихъ сектантовъ настанетъ, можно сказать, эпоха вожделѣннаго спокойствія и благополучія, и затѣмъ, спрашивается: откуда могутъ у нихъ оказаться какія-либо антиправительственныя наклонности. Ужъ не изъ религіозныхъ ли воззрѣній??..

Но, по мнѣнію сектантовъ, само писаніе предписываетъ признавать «*власть земныхъ, придержащихъ*» и они не только признаютъ по сему и власть, и начальство, но, какъ коренные русскіе люди, нерѣдко начальниковъ видятъ даже въ тѣхъ, кто и вовсе не начальникъ. Такъ, напримѣръ, къ «чиновнику» повсемѣстно превеликое почтеніе, повсемѣстное титулованіе благородіями и высокоблагородіями, повсемѣстное ломаніе шапокъ не только предъ кокардами, но и предъ всякимъ, кто притопнетъ и прикрикнетъ. Все это весьма далеко отъ *непризнанія властей*, отъ *антиправительственныхъ* наклонностей, и гдѣ, когда, при какихъ обстоятельствахъ эти антиправительственныя наклонности проявились, едва ли укажутъ усерднѣйшіе изъ полицейскихъ миссіонеровъ.

Единственный случай, наводящій на мысль о существованіи среди сектантовъ неудовольствія, какъ бы нѣкоего политическаго характера, былъ въ 1857 году, но и изъ этого случая никакихъ выводовъ дѣлать рѣшительно не приходится.

Въ этомъ именно году, т. е. въ самый разгаръ прыгунской пропаганды Максима Рудометкина, надѣлало нѣкотораго шуму такъ называемое бѣгство 40 семействъ русскихъ сектантовъ въ Турцію. Большинство бѣжавшихъ были молокане, секта, хотя и признаваемая также за «особенно вредную», но пользовавшаяся и въ то время, по сравненію съ новорожденнымъ прыгунствомъ, довольно большою свободою (разумѣется, съ мѣстной точки зрѣнія) въ отправленіи своего ученія.

Въ одинъ прекрасный день открылось, что въ Турціи поселилось 40 семействъ закавказскихъ сектантовъ. О бѣгствѣ этомъ было произведено слѣдствіе, сдѣланы были розыски бѣжавшихъ. Полиція объѣхала и осмотрѣла всѣ сектаторскія поселенія, многихъ значившихся по спискамъ, дѣйствительно, не досчитались; но, къ явному скандалу бдительной полиціи, оказалось и много такихъ, которые по спискамъ не значились. Въ одной Воронцовкѣ насчитали 50 *неизвѣстнаго званія людей*, повидимому, желавшихъ также пробраться въ Турцію. По изслѣдованіи дѣла, оказалось, что въ бѣгствѣ 40 семействъ нѣтъ и тѣни ничего политическаго, даже точно не разъяснилось, откуда были эти бѣжавшіе молокане, и только обнаружилось, что это были какіе-то переселенцы изъ внутренней Россіи, которые, на пути въ Закавказье, были подговорены «*двумя солдатами, по именамъ и фамиліямъ неизвѣстными*», идти не въ Закавказье, а въ Турцію и тамъ поселиться потому собственно, что будто бы эрзерумскій паша предоставляетъ имъ подъ поселеніе разоренную деревню Кучунъ, въ разстояніи одного часа пути отъ Эрзерума. Куду дѣвались эти переселенцы и дѣйствительно ли они соблазнились предложеніемъ паши—осталось неизвѣстно. И затѣмъ вся исторія о бѣгствѣ 40 семействъ заглохла.

Вообще, если не можетъ быть ни малѣйшихъ сомнѣній въ политической, такъ сказать, благонадежности закавказскихъ сектаторовъ, то и вопросъ о такъ называемой *вредности* ихъ

ученія не представляетъ также никакихъ неодолимыхъ преградъ для разрѣшенія. Что сектанты считаютъ себя *избраннымъ* народомъ, изъ этого только явствуетъ ихъ безмѣрное невѣжество и больше ничего. Какая, къ слову сказать, изъ цивилизованныхъ націй не считаетъ себя, въ извѣстномъ смыслѣ, *избранной* націей и всѣ остальныя прочія, такъ сказать, націями втораго сорта?! Развѣ французы не считали и не считаютъ себя избранной націей? Развѣ нѣмцы, и особенно послѣ удачнаго разгромленія одной также избранной націи, не считаютъ или не расположены уже считать себя *избранными* вершителями судебъ другихъ націй?! Развѣ англичане не усматриваютъ въ себѣ также болѣе совершенныхъ и достойныхъ представителей человѣческой породы?! Переходя къ болѣе мелкимъ образцамъ, развѣ изъ славянъ поляки не считаютъ себя выше, избраннѣе другихъ?! Въ средѣ нѣмцевъ—не въ такое ли положеніе ставитъ себя побѣдоносный пруссакъ и т. д.?!

Къ слову сказать, мнѣніе объ антиправительственныхъ наклонностяхъ сектантовъ и ихъ политической неблагонадежности относится къ 1866 году. Въ слѣдующемъ 1867 году произошло послѣднее замѣтное событіе въ прыгунскомъ мірѣ, и съ тѣхъ поръ это новое ученіе, въ теченіи цѣлаго пятнадцатилѣтія ни разу не обратило на себя особаго вниманія мѣстныхъ властей и *новое безуміе* совершенно перестало возбуждать безпокойство начальства.

Событіе это имѣетъ нѣкоторый интересъ. Въ іюлѣ 1867 года, таврическій губернаторъ увѣдомилъ о задержаніи въ городѣ Архангельскѣ подозрительнаго человѣка, какого-то турецкаго подданнаго Василія Ѳедорова, который обратилъ на себя вниманіе слишкомъ отчетливою для турецкаго подданнаго, русскою рѣчью. Задержанный былъ весьма оригиналенъ. Подъ верхней одеждой онъ имѣлъ черезъ плечо голубую ленту съ вышитою надписью: «Проповѣдникъ мира града восточной страны Россіи».

При немъ былъ указъ 1805 года о разрѣшеніи свободнаго исповѣдыванія молоканами ихъ ученія, была «грамата на проповѣдничество» на имя Колесникова, и письмо отъ никитинскихъ жителей къ Максиму Рудометкину.

По изслѣдованіямъ оказалось, что въ отсутствіи Рудометкина прыгуны крайне затруднялись по всѣмъ частямъ отправленія своихъ еще не установившихся обрядовъ, и въ особенности въ исполненіи праздниковъ, веденіи лѣтосчисленія, приношенія жертвъ и проч., и потому рѣшились просить у него, Рудометкина, на сей конецъ совѣта. Стали искать случая послать, черезъ вѣрнаго человѣка, письмо къ Рудометкину, и послѣ долгихъ поисковъ, наконецъ, нашелся человѣкъ, пожелавшій принять на себя этотъ трудъ и рискъ... Это былъ ленкоранскій житель Василій Ѳедоровъ Колесниковъ. Онъ взялся пробраться въ Соловецкій монастырь, доставить письмо самому Рудометкину, увидѣть его лично и принесть отъ него разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ и всѣхъ сомнѣній, смущавшихъ прыгунскую паству. На такой, при тогдашнихъ условіяхъ, великій подвигъ Колесникова рекомендовали ленкоранскіе прыгуны, а вскорѣ онъ и самъ заявилъ себя какъ хорошій проповѣдникъ и, побывавъ на Никитинскихъ собраніяхъ, заслужилъ полное довѣріе тамошнихъ прыгуновъ, наиболѣе оплакивавшихъ Рудометкина. Они собрали ему на дорогу до 300 руб., дали кромѣ того особую сумму для умилостивленія властей на всякій случай, и Колесниковъ двинулся въ путь, запасшись для болѣе свободнаго прохода фальшивымъ паспортомъ. Онъ уже на половину достигъ своей цѣли, выбрался изъ Закавказья, прошелъ Кавказъ, и шелъ впередъ съ спокойною увѣренностью, что опасность осталась назади, когда былъ задержанъ, отправленъ въ Бердянскъ, а затѣмъ не замедлило и слѣдствіе.

Между тѣмъ продолжительное безвѣстное отсутствіе Колесникова и неполученіе *духовными* никакого отвѣта отъ Рудометкина навело ихъ на мысль, что Колесниковъ ихъ обма-

нулъ, и такъ какъ отвѣта все не приходило, то на такомъ заключеніи всѣ остановились, хотя надежды на полученіе ожидаемыхъ отъ Рудометкина наставленій не исчезли совсѣмъ, не исчезаютъ еще и до-нынѣ, и слухъ о возвращеніи Колесникова *съ отвѣтомъ* періодически повторяется между прыгунами. А между тѣмъ, мѣстное начальство, провѣдавъ о затѣяхъ прыгуновъ, признало, ради всеобщаго успокоенія съ своей стороны, нужнымъ преградить всякую возможность переписки между Рудометкинымъ и его послѣдователями. Всѣ сомнѣнія и недоразумѣнія такъ и остались неразрѣшенными. Новаго Рудометкина не появлялось. Отъ стараго не было вѣсти. Въ молоканствѣ въ то время началось стремленіе къ жидовствующимъ, туда же перешла и часть прыгуновъ.

Въ настоящее время прыгунство все замѣтнѣе и замѣтнѣе ослабѣваетъ и, напримѣръ, нижнеахтинскіе прыгуны даже серьезно подумываютъ о переходѣ въ субботники, признавая ихъ вѣру болѣе правою и согласною съ писаніемъ. Самъ Рудометкинъ и по-нынѣ въ Соловкахъ. Со времени его заточенія Никитинцы успѣли, какъ говорятъ, получить отъ него только одно письмо, въ которомъ Максимъ Гавриловичъ подробно описываетъ свое времяпровожденіе въ монастырѣ, пишетъ, что каждый день ходитъ на увѣщаніе къ архимандриту, который все даетъ ему читать «такую главу изъ писанія, которая ему не нравится» и что бываетъ и такъ, что архимандритъ при этихъ назиданіяхъ будто-бы ругаетъ его *по-солдатски.* Далѣе, въ письмѣ своемъ, Рудометкинъ проситъ молиться за него, чего, впрочемъ, прыгуны никогда не забывали и до полученія этой просьбы. Ни одно прыгунское *собраніе* не обходится безъ упоминанія о Максимѣ Гавриловичѣ, а въ нѣкоторыхъ собраніяхъ даже поютъ ему многолѣтіе. Болѣе всего въ письмѣ своемъ Рудометкинъ настаиваетъ на томъ, чтобы всѣ были *вѣрны себѣ*—и, въ заключеніе посланія, цѣлуетъ всѣхъ братьевъ и сестеръ *священнымъ лобзаніемъ*.

Дѣйствительно ли такое письмо было въ Никитинѣ получено отъ Рудометкина—въ точности неизвѣстно. Сомнѣваться, однако, въ этомъ не приходится, тѣмъ болѣе, что изъ негласныхъ разслѣдованій оказалось, что для переписки съ Рудометкинымъ придумали даже какой-то особый ключъ, который полиція добыть не могла. Прибѣгли, напримѣръ, къ такому способу переписки, что въ началѣ или въ концѣ каждой строки ставились славянскія буквы, имѣющія символическое значеніе: такъ напримѣръ, въ концѣ строкъ ставились буквы Н. Л. Т. П. Е. Ж. Д., что должно значить *наши люди тверды, покой есть, живемъ добро*,—понятно, что съ такимъ ключемъ далеко не уѣдешь,—хотя Рудометкина, если только письмо дошло до него, все-таки успѣли утѣшить тѣмъ, что, молъ, *наши люди тверды*.

Недавній опытъ сектантовъ былъ столь еще имъ памятенъ, что при сношеніяхъ съ своимъ патріархомъ осторожность у нихъ была на первомъ планѣ. Такъ, въ письмѣ къ Рудометкину, оказавшемся при Колесниковѣ, скрыты фамиліи пишущихъ, скрыты даже названія селеній, принимавшихъ участіе въ составленіи письма, и Никитино названо «градомъ крови», въ воспоминаніе произведеннаго тамъ большаго сѣченія розгами въ 1857 году; Константиновка именуется тамъ «градомъ страха», потому что тамошніе жители больше всѣхъ другихъ отсиживали въ тюрьмѣ зá упорство. Еленовка называлась «городъ общій», но не потому, чтобы тамъ были послѣдователи секты *общихъ*, которыхъ тамъ и не было, а кажется собственно потому, что тамъ были представители нѣсколькихъ разныхъ сектъ.

Изложивъ исторію возникновенія и развитія закавказскаго прыгунства со всѣми препятствіями прыгунской борьбы за вѣру, мы раскажемъ теперь нѣкоторые подробности религіозныхъ вѣрованій, обычаевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и житье-бытье закавказскихъ сектантовъ.—Личное непосредственное мое зна-

комство съ жизнью сектантовъ началось съ прiѣзда въ Долину Цвѣтовъ. Это былъ самый центръ мѣстныхъ сектантовъ, гдѣ было широкое поле для наблюденiя за проявленiемъ всѣхъ тѣхъ ученiй, которые законъ считалъ вредными и особенно вредными.

VII.

Прыгунскія пѣсни.

Какъ всякій реформаторъ въ религіозномъ дѣлѣ и нѣкоторымъ образомъ провозвѣстникъ «новыхъ идей», Максимъ Рудометкинъ былъ не чуждъ нѣкоторой склонности къ стихотворству.

Прыгунскій глава, до самаго отправленія въ Соловки не выходившій изъ подъ наитія духа, написалъ множество стихотвореній для потребы своихъ послѣдователей. Стихи эти, какъ увѣряютъ прыгуны, явились «по духу» и потому величаются ими духовными пѣснями. Ихъ насчитываютъ нынѣ, вмѣстѣ съ послѣ явившимися, до ста. Напѣвы ихъ бо́льшею частью плясовые, такъ какъ подъ эти-то самыя пѣсни обыкновенно проявляется дѣйствіе духа. Мы приведемъ нѣсколько изъ этихъ пѣсенъ. Онѣ по бо́льшей части довольно туманнаго содержанія. Загадочные намеки, въ нихъ заключающіеся, толкуются самими прыгунами разно, и авторъ болѣе всего, повидимому, хлопоталъ, чтобы было поскладнѣй да пожалостливѣй, да пожалуй еще потемнѣй и замысловатѣй. Любимѣйшая изъ этихъ пѣсенъ слѣдующая:

Нову пѣсню мы поемъ,
Путемъ истиннымъ идемъ!
Міръ стрѣляетъ въ насъ и бьетъ,
Честь намъ, славу не даетъ!

Мы *ихъ* славы не желаемъ,
На Господа уповаемъ;
Онъ насъ словомъ сотворилъ,
Духъ насъ жизнью одарилъ.

И мы были за рѣкой,
За мірской славой такой.
Мірска слава есть вода,
Душѣ погибель, бѣда!

Мы разсѣяны тамъ были,
Отца имя мы забыли
И другъ друга презирали,
Богу дѣлали печали.

Нынѣ вышли мы на свѣтъ
Прошли хулы всѣхъ бѣдъ,
Воздадимъ славу отцу,
Къ небесному Творцу.

Ему слава и держава
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Это, какъ говорятъ, одна изъ самыхъ послѣднихъ пѣсенъ Рудометкина, когда онъ уже воображалъ, что въ самомъ дѣлѣ поставилъ прыгунство на прочную ногу. Темныя мѣста этихъ виршъ подвергаются различнымъ толкованіямъ: «мы были за рѣкой», по словамъ одного изъ толкователей означаетъ за рѣкой Евфратомъ, но почему за Евфратомъ—этого толкователь объяснить не могъ; другіе же говорятъ, что «были за рѣкой» значитъ, что не дошли еще до прыгунства, а состояли въ мірской суетѣ. «Мы разсѣяны тамъ были»—должно служить намекомъ на разсѣянныхъ израильтянъ, къ которымъ прыгуны въ послѣднее время чувствуютъ особое почтеніе, особенно послѣ того, какъ они приняли многіе еврейскіе праздники и нерѣдко, въ горестныя минуты, весьма не прочь сравнить себя съ народомъ божіимъ; послѣ же вѣнчанія Рудометкина на царство, они счи-

тали, что, имѣя одного главу, они уже не были разсѣяны, а составляли одно царство. «Отца имя позабыли»—относится, какъ думаютъ, лично къ Максиму Рудометкину, который, проведя 15 лѣтъ въ Соловецкой обители, сталъ будто бы забывать все относящееся до его родныхъ, въ томъ числѣ имя отца. «Нынѣ вышли мы на свѣтъ» и «Прошли хулы всѣхъ бѣдъ» означаютъ, что преслѣдованіе противъ прыгуновъ прекращено и имъ предоставлено свободное отправленіе духовнаго ихъ пляса.

Слѣдующая пѣсня, какъ увѣряютъ прыгуны, создана подъ вліяніемъ особаго вдохновенія, въ самый годъ доставленія Рудометкина въ Соловецкую обитель, гдѣ онъ на первыхъ порахъ пытался всѣхъ убѣдить въ своей необыкновенной духовной силѣ и, какъ утверждаютъ прыгуны, успѣлъ даже спеціально къ нему приставленнаго для наблюденія монаха заставить прыгать вмѣстѣ съ собою.

Іегова мой Богъ,
Вѣчная моя любовь,
Къ тебѣ стремлюсь я,
Озари духомъ меня...
Безъ тебя ничто же я
И нѣтъ во мнѣ покоя,
А когда же ты со мною,
Торжество во мнѣ съ тобою,
Да, во мнѣ духъ твой святой—
Истинно вѣрная любовь.
Аминь.

Оба эти поэтическіе перла Рудометкина, какъ впрочемъ и многія другія произведенія духовной прыгунской поэзіи, поются на мотивъ солдатской пѣсни «Ну, ребята, маршъ домой!» Стихотворныя произведенія прыгунскаго духовнаго царя, пророка, пѣснопѣвца и мученика Максима Рудометкина достаются съ немалымъ трудомъ всѣмъ не посвященнымъ въ прыгунство. Прыгунамъ все мерещится, что въ произведеніяхъ тѣхъ заключается невѣсть какая сила, такъ что, если начальство да со-

храни Богъ узнаетъ, то «смерть перепужается» и, побоявшись именно неотразимаго дѣйствія и силы этихъ пѣсенъ, чтобы не дать ходу истинной вѣры, еще пожалуй стѣснитъ прыгуновъ болѣе прежняго.

Вотъ нѣкоторыя изъ наиболѣе любимыхъ пѣсенъ.

Душа грѣшная проснись
И отъ грѣховъ удались!
Вспомни Бога на небесахъ,
Очисти грѣхъ въ тѣлесахъ!

Какъ ты жила, Бога огорчала,
Святой духъ охуляла!
Пролей слезы по ланитамъ,
Сочти себя землей—пепломъ.

Господь дастъ тебѣ отрады,
Вѣчной славы и награды.
Тому слава и держава
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Эти стишки, съ землей и пепломъ, считаются однимъ изъ лучшихъ произведеній Максима Рудометкина, и учитель Пименъ Шубинъ находилъ ихъ особенно назидательными примѣнительно къ моей, по его мнѣнію, крайне грѣховной особѣ. Такъ, Шубинъ замѣтилъ, что въ бесѣдѣ съ нимъ и я, и «прочіе господа» нерѣдко упоминаютъ чорта или, какъ онъ всегда съ разными запинаніями и неохотой называлъ «чернаго», а потому грѣхи мои и «прочихъ господъ» уже въ силу этого должны быть и многочисленны, и тяжки, и что всѣмъ намъ слѣдуетъ очистить грѣхъ въ тѣлесахъ и пролить слезы по ланитамъ... Кстати сказать, что въ сектаторскихъ селеніяхъ дѣйствительно нельзя услышать никакого сквернословія, и даже, когда приходится на собраніяхъ вести бесѣды о дьяволѣ, то этого слова совсѣмъ избѣгаютъ и замѣняютъ «чернымъ» или «шутомъ».

Прыгуны наслаждаются произведеніями Рудометкина не только въ своихъ духовныхъ собраніяхъ,—они поютъ эти пѣсни при всякомъ случаѣ и, относясь съ строгимъ запретомъ къ пѣснямъ свѣтскаго характера, которыя съ презрѣніемъ называютъ не иначе какъ *солдатскими*, не отказываютъ себѣ никогда въ удовольствіи прокричать цѣлый вечеръ, распѣвая творенія Максима Рудометкина. Гдѣ соберется нѣсколько дѣвокъ и парней или даже однѣхъ дѣвокъ, тамъ сейчасъ начинаются духовныя пѣсни, и зимой, подъ мирное жужжанье веретена или еще болѣе мирное вязанье чулка, поется до полсотни пѣсенъ подъ-рядъ. Въ пѣніи принимаютъ участіе, обыкновенно, всѣ присутствующіе, и такъ какъ, по мнѣнію прыгуновъ, самое распѣваніе «духовныхъ пѣсенъ уже ведетъ къ ближайшему общенію съ духомъ, то послѣдствіемъ пѣсенъ является нерѣдко нѣсколько возбужденное настроеніе, не приводящее однако къ прыганью, которое допускается лишь въ собраніяхъ и притомъ послѣ молитвы.

На этихъ вечеринкахъ, подъ звукъ нѣкоторыхъ особенно монотонныхъ напѣвовъ, многіе изъ поющихъ сначала оставляютъ пряжу или вязанье, потомъ закрываютъ глаза и опускаютъ головы на грудь; губы начинаютъ что-то шептать, руки у нѣкоторыхъ поднимаются вверхъ и затѣмъ быстро, какъ плети, опускаются на колѣни; потомъ слышатся сокрушенныя воздыханія; иной крѣпко-крѣпко ударитъ себя въ грудь, но до болѣе энергическихъ тѣлодвиженій—до притоптыванія, превращающагося обыкновенно въ формальный плясъ, доходитъ въ случаяхъ исключительныхъ. Эти случаи бываютъ, напримѣръ, при «поминаніи родителевъ», на каковой случай и самъ поминатель обыкновенно не скупится и раскошелившись угощаетъ, смотря по степени достатка, созванныхъ гостей на славу.

Главными возбудителями духовныхъ инстинктовъ прыгуновъ являются чаще всего пріѣзжіе «гости». Односектанты, свидѣвшись послѣ болѣе или менѣе долгой разлуки и усладивъ свою

душу сладкими бесѣдами о писаніи и о собственныхъ «мученикахъ» за вѣру, приступаютъ къ подкрѣпленію бренныхъ тѣлесъ, чтеніемъ писанія не насыщаемыхъ, и сидятъ за ѣдой многіе часы, наполняя желудки не съ разу, а съ промежутками, во время которыхъ опять прибѣгаютъ къ библіи.

Подъ вліяніемъ радостной встрѣчи и продолжительнаго сидѣнія, собесѣдники настроены къ возбужденію, и тутъ большею частію трапеза заканчивается тѣмъ бурнымъ плясомъ, о которомъ уже поминалось выше.

Пѣсней, которую мы приведемъ сейчасъ, обыкновенно начинается каждое собраніе.

Нову пѣсню воспѣваемъ.
Гласъ господенъ возвѣщаемъ!
Господь духъ намъ изливаетъ,
Сіонъ въ любовь собираетъ!
Какъ враждебный человѣкъ,
Не взойдетъ въ Сіонъ во вѣкъ,
Какъ враждебныя сердца,
Не узрятъ Бога Творца!
Вотъ вамъ слово отъ Отца,
Клади каждый на сердца.
Каинъ же намъ не отецъ,
Міру онъ не образецъ,
Брата, Авеля, убилъ,
Свою душу загубилъ.
А мы пѣсню воспѣваемъ,
Творца Бога прославляемъ
Ему слава и держава
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слѣдующая пѣсня поется заунывно и обыкновенно вызываетъ самыя искреннія слезы поющихъ:

Пою пѣсню, братъ,
Сердцемъ и душою,
Откуда же пришло
Сердце ты благое?

Бѣжитъ *мірская дѣла*
Отъ меня долой,
Что ты, братъ мой, сдѣлалъ
Надъ моей главой!
Плѣнилъ мое сердце
Нѣжною стрѣлой,
Буду плакать къ Богу
Всегда со слезой!
А братъ меня проситъ
На любви стоять;
Любви же моей муки
Кому ее знать!?
Любви конца нѣту,
А жизнь скоротечна,
А ты, Боже вѣчный,
Всему безконечный...
А я предъ тобою
Тлѣнный человѣче!
О, радость невѣста,
Цвѣты разцвѣтаютъ,
Господь тебя хочетъ
Во весь свѣтъ прославить!
Готовься же невѣста,
Женихъ твой готовъ,
Готовъ браться съ вами
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Понять смыслъ этихъ стиховъ почти нѣтъ возможности, но это однако не мѣшаетъ цѣлому собранію бабъ и мужиковъ проливать надъ этими стихами слезы и самые стихи повторять по десяти и болѣе разъ.

Во многихъ изъ своихъ пѣсенъ Рудометкинъ не забывалъ посулить своимъ послѣдователямъ близость будущаго царства прыгуновъ. Надежда на возможность признанія прыгунскаго ученія за единственное и истинное выражается въ этихъ пѣсняхъ при всякомъ случаѣ, и слѣдующая пѣсня, хоть и въ неясной формѣ, а высказываетъ, какъ далеко шли эти надежды.

Возстань, возстань невѣста,
Се женпхъ твой грядетъ,
Се женихъ твой грядетъ,
Залогъ вѣчный несетъ.
Любви радость раздѣлить
И бракъ вѣчный сочетать,
И бракъ вѣчный сочетать,
Ризы бѣлы одѣвать,
Ризы бѣлы одѣвать,
Вѣнцы златые возлагать, (bis)
Предъ святыми царствовать, (bis)
Предъ Господомъ ликовать. (bis)
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Монотоннѣйшимъ напѣвомъ поется слѣдующая пѣсня:

Нынѣ скажу пріятелю—
Пришелъ ко мнѣ горькій часъ,
Пришелъ ко мнѣ горькій часъ
Мнѣ теперь не до васъ! (bis)
И льются, льются слезы изъ глазъ!
Христосъ Царь нашъ, мы невѣсты
Соберемся въ *одну* мѣсту?
Будутъ тиранить всѣхъ насъ!
Не устрашайся никогда,
Будетъ Богъ съ вами всегда,
Слава отцу и сыну
Во вѣки вѣковъ Аминь.

О какомъ это *пріятелѣ* и о какихъ невѣстахъ тутъ идетъ рѣчь—темно; но нужно полагать, что подъ пріятелями разумѣются одновѣрцы, а невѣсты и есть сами прыгуны, въ смыслѣ духовнаго брака съ Христомъ, постоянное нарожденіе каковаго и проявленія его въ избранныхъ людяхъ прыгуны признають почти такъ же, какъ и такъ называемые хлысты.

Приводимъ еще пѣсню, созданную Рудометкинымъ:

. . . .
Онъ по своему поведетъ!
Всѣ порядки онъ поставитъ,
Заповѣди Божьи, святыя,

Исполнять онъ всѣхъ заставитъ
И субботы сохранять.
Завѣтъ вѣчный утверждать.
И другъ друга мы обнимемъ,
И обиды всѣ покинемъ,
Будемъ пѣть мы воспѣвать,
Царя духовъ прославлять,
Слава отцу и сыну
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

А вотъ переложенная въ вирши исторія предательства Христа Іудою Искаріотскимъ. Эту пѣсню поютъ только тѣ изъ прыгуновъ, которые не чувствуютъ никакого тяготѣнія къ жидовствующимъ или къ субботникамъ, а относятся къ нимъ съ гораздо бо́льшимъ порицаніемъ, нежели къ молоканамъ и духоборамъ.

На страшно́й было недѣлѣ,
Собирались всѣ евреи,
Они думали, гадали,
За Христо́мъ они гоняли,
Сколько разъ его видали,
И то въ руки не поймали.
Пошелъ Іуда къ архірею,
Іуда двери отворилъ,
Съ архіреемъ говорилъ:
Я хочу Христа продать!
Сколько тебѣ казны дать?
Тридцать рублей серебромъ!
Во пятницу роспинали,
Во субботу поминали,
Въ воскресенье Христосъ воскресъ!

Вотъ еще четыре пѣсни, въ которыхъ проглядываетъ все та же надежда на Сіонъ и наступленіе спеціальнаго прыгунскаго царства.

У Давыда во дому,
Во зеленомъ во саду,
Во зеленомъ во саду
Тамъ гусли гудуть, (bis)

Не смолкають, все гудуть!
На нихъ вѣсти подають,
Хвалу Богу воздають,
На Сіонъ гору взойдуть,
Во святой градъ всѣ взойдуть,
Всѣ цвѣтами разцвѣтуть,
Всѣ запахи издадуть.
Слава отцу и сыну
И святому духу. Аминь!

Соберемся, братья, сестры,
Во *единую* мы мѣсту
И вострубимъ мы трубою,
И зальемся мы слезою!
Отъ радости возрыдаемъ,
А отъ славы просіяемъ.
И на радость запоемъ,
Всѣхъ избранныхъ позовемъ:
Всѣ идите вы за нами
И съ хулой, и съ кандалами (bis).

Пѣсня эта на томъ и кончается. Очень часто поется еще слѣдующая пѣсня:

Нову пѣсню воспѣваемъ,
Хвалу Богу воздаваемъ.
За то Бога величаемъ,
Что спасенья себѣ чаемъ!
Далъ Господь намъ увѣренье,
Въ томъ души нашей спасенье!
И за то благодарю
Богу нашему Царю!
Что предался онъ посту!
Ему пѣсню воспѣваемъ.
Хвалу Богу воздаваемъ,
Слава отцу и сыну
Святому духу. Аминь.

Слѣдующая пѣсня относится также къ тому времени, когда *новое безуміе* еще только нарождалось, когда объ немъ ходили

только слухи и прыгуны пока таились и никому не открывали своего ученія:

Духъ святый гласитъ ко мнѣ:
Соблюдай тайну въ себѣ!
Возвѣщаетъ мнѣ Владыка:
Сія тайна есть велика!
Ты возьми ее въ беремя,
Соблюдай ее до время;
Соблюди ее въ рукахъ,
Дамъ премудрость во устахъ!
Всѣ будутъ тебя хулить,
Межъ собою говорить,
Но хулы ты не страшись.
За любовь крѣпко берись,
Тогда тебя возвѣщу,
Всю хулу я прекращу
Тогда тебя научу,
Со врагами разлучу!
Сіонъ пѣсню воспоетъ,
Ново время настанетъ.
Слава отцу и сыну,
Святому духу. Аминь.

Приводимая ниже пѣсня какъ бы не окончена; она принадлежитъ, какъ говорятъ прыгуны, не Максиму Рудометкину, а какому-то неизвѣстному поэту изъ духовныхъ, и поется совершенно на манеръ хоровыхъ солдатскихъ. Въ ней, впрочемъ, и замѣтно смѣшеніе солдатскихъ мыслей съ фантазіями чисто прыгунскими. Нужно думать, что пѣсня и занесена какимъ - либо солдатомъ, дезертировавшимъ изъ войска и, по обыкновенію, нашедшимъ пріютъ и убѣжище у сектантовъ, которые не одобряютъ ни войны, ни воинства и считаютъ за святую обязанность и великую заслугу предъ Богомъ сохранить и припрятать такого бѣглеца...

Скоро время то придетъ,
Всякъ на войну пойдетъ!

Слава Богу, Слава Богу—
Слава нашему Царю!
Членъ Сіона веселись,
Сего міра не боись!
Кто забудетъ о любве
И о мірѣ, о себѣ,
На того вѣнецъ готовъ,
Что онъ воинъ есть таковъ!
У того мечи въ рукахъ,
Глаголъ Божій во устахъ.

Два слѣдующія произведенія совершенно новыя и сдѣлались извѣстными лишь въ недавнее время:

Гдѣ моя сила? гдѣ моя любовь?
Которую мнѣ придалъ съ небеси самъ Богъ?
Куда не поѣду, куда не пойду,
Всюду себѣ радость и покой найду;
Приди ко мнѣ, ближняя, приди, голубица,
Открой мои очи, пусть сердце не томится...
Пускай люди знаютъ, за бѣду считаютъ,
Пускай увѣряютъ, что любви въ насъ нѣту—
За то имъ не будетъ небеснаго свѣту—
Господь намъ побѣда, прибѣжище Богъ,
Побѣдимъ мы скоро всѣхъ своихъ враговъ (bis).
Богу нашему слава, Богу и держава
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

По поводу этой пѣсни, на вопросъ мой, о какой ближней и о какой голубицѣ говорится въ пѣснѣ, одинъ изъ прыгунскихъ учителей, подумавъ нѣсколько времени и взглянувъ не безъ подозрѣнія, отвѣтилъ:

«А это, значитъ, насчетъ премудрости...»

Въ такихъ словахъ какъ *премудрость, мудрость, любовь* и проч. сектаторы-толкователи темныхъ мѣстъ св. писанія всегда находятъ самое вѣрное убѣжище во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда является какое-либо затрудненіе. Встрѣтится какое-либо аллегорическое представленіе, и толкователь не задумываясь

объявляетъ, что рѣчь тутъ идетъ или о мудрости, или о премудрости, или о любви. Любовь понимается у нихъ такъ широко и такъ разнообразно, что этимъ словомъ прикрывается у нихъ и якобы духовное сожительство Рудометкина съ двумя дѣвками, ходившими по очереди къ нему ночевать, въ то время, когда уже ему было 50 лѣтъ, и онъ притомъ же имѣлъ жену, которой обзавелся ранѣе; и любовью же у нихъ называется и закатываніе глазъ, подъ наитіемъ духа, и дрожаніе всѣмъ тѣломъ, и горячее обниманіе подъ дѣйствіемъ того же духа, и братское цѣлованіе, которымъ завершается у нихъ всякое собраніе.

Вторая пѣсня гораздо замысловатѣе первой и заключается въ слѣдующемъ:

Первый воинъ идетъ,
Первый номеръ беретъ!
Второй воинъ идетъ,
Второй орденъ беретъ!
Третій воинъ идетъ,
Третій номеръ беретъ!
Четвертый воинъ идетъ,
Четвертый орденъ беретъ!
Пятый воинъ идетъ,
Пятый орденъ беретъ!
Шестой воинъ идетъ
Шестой номеръ беретъ!
Седьмой воинъ идетъ,
Седьмой номеръ беретъ!
Сія повелѣнія
Съ самаго явленія,
Какъ тому Уранія
Будетъ ему равная.
Чистый походъ!!
Аминь!

Въ этой пѣснѣ только и понятно «Аминь», и затѣмъ болѣе ничего. Семь воиновъ, изъ которыхъ первый, третій, шестой

и седьмой берутъ по номеру, а второй, четвертый и пятый — по ордену, идутъ въ чистый походъ! Что бы это значило? Непонятно, конечно, какъ второй воинъ можетъ брать *второй* орденъ, когда первый орденъ еще никѣмъ не взятъ. Непонятно также и то, куда исчезли номера второй, четвертый и пятый, и гдѣ, равнымъ образомъ, исчезли ордена за номерами 1, 2, 6 и 7—однимъ словомъ, непонятно ничего. На вопросъ мой: что такое Уранія?—одинъ изъ прыгуновъ съ обычною развязностью отвѣтилъ: «Уранія-то! это, значитъ, насчетъ истинной Христовой церкви»...

Нѣкоторыя изъ Рудометкинскихъ пѣсенъ по неясности и темнотѣ совершенно непостижимы, что не мѣшаетъ прыгунамъ умиляться и распѣвать ихъ до хрипоты. Рудометкинъ, пророчествуя въ своихъ интересахъ, по возможности, менѣе вразумительно, кажется понялъ неудержимое влеченіе своихъ послѣдователей ко всякимъ аллегоріямъ и иносказаніямъ, и потому всѣ его произведенія никогда не имѣютъ опредѣленнаго прямого смысла, а допускаютъ всякія толкованія, предположенія и догадки...

Пойду, пойду, пробѣгу,
Яко орелъ пролечу.
Сію пѣсню я пою,
Память оставляю,
Поминайте про меня,
Да молитесь за меня!
Дайте въ рукѣ три пера,
Дойду скоро до царя.
Я не буду тамъ одинъ,
Со мной будетъ *господинъ.*
Духъ святой меня не оставитъ,
Говорить меня заставитъ.
Сію пѣсню предложу,
Къ царю на столъ положу,
Ему слава и держава
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Въ этой пѣсни, хотя и въ темныхъ выраженіяхъ, но намекается на то, что Рудометкину предстоитъ вновь доказывать правоту своей вѣры передъ царемъ. Среди закавказскихъ сектантовъ весьма распространено уже упомянутое нами выше сказаніе о томъ, какъ въ 1803 или 1805 году двое изъ ихъ «столповъ церкви», но кто именно—неизвѣстно, руководимые духомъ, прибыли въ Петербургъ, нашли доступъ къ царю, говорили въ защиту своей вѣры такъ пламенно и убѣдительно и въ особенности съумѣли такъ хорошо пропѣть нѣкоторыя изъ духовныхъ пѣсенъ, что царь, тутъ же, выдалъ имъ на руки указъ о свободномъ отправленіи ихъ вѣры. Указъ этотъ, какъ думаютъ сектанты, какъ-то успѣлъ затеряться, а потому царская воля осталась неизвѣстною начальству, и вотъ, молъ, пошли опять стѣсненія и преслѣдованія. Когда Рудометкинъ еще не повѣнчался на «царство», онъ не разъ высказывалъ, что призванъ повторить подвигъ двухъ столповъ царства и вторично убѣдить царя выдать указъ на свободное расширеніе ихъ вѣры.

Славный городъ Іерусалимъ!
Онъ построенъ хорошо;
На высокой высотѣ,
На прекрасной красотѣ—
На Сіонской на горѣ!
Тамъ стоитъ домъ Божій.
Вотъ пріѣдитъ царь Мессія:
Онъ выведетъ насъ отсель!
Въ небѣ солнце померкло,
И свѣтило угасало.
Слава отцу и сыну
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Нову пѣсню мы поемъ
И на бракъ святой идемъ.
Какъ на бракѣ іудейскомъ
Была въ Каннѣ-Галилейскомъ
Христосъ самъ тамъ съ нами былъ.

Въ вино въ воду превратилъ;
Вино было не такое,
Оно чистое, святое!
Оно съ виноградной лозы,
Изъ христовой ихъ слезы.
Кто того вина напьется,
На того духъ изольется.
Кто это вино пьетъ,
Тотъ въ градъ Сіонъ взойдетъ.

Пѣсня эта, къ удивленію, не кончается обычнымъ «слава отцу и сыну» и достойна упоминанія только потому, что Рудометкинъ и событіе о Канѣ Галилейскомъ успѣлъ растолковать спеціально съ прыгунской точки зрѣнія.

Нонѣ время-то идетъ
Всякъ на войну идетъ
Слава, слава Богу,
Слава.
Какъ на войну пойдемъ,
Стѣны башни разобьемъ.
Слава.
Облакъ съ громомъ вокругъ насъ,
Глаголъ Божій на устахъ.
Слава.
Тучи грозныя взойдутъ,
Стѣны башни разобьютъ.
Слава.
Царь за храбрость возблагодаритъ
Каждому вѣнецъ подаритъ.
Слава.

Тутъ опять въ туманныхъ фразахъ возвѣщается ни болѣе ни менѣе какъ будущее торжество прыгунства, а о разбитіи какой башни говоритъ пѣсня—трудно понять.

Нѣкоторые изъ субботниковъ говорили мнѣ, что башня, которую собираются разбить, есть та самая, которая имѣетъ честь заключать въ стѣнахъ своихъ прыгунскаго царя Максима Рудометкина.

Святъ, святъ святый
Богъ вседержитель,
Иже де согрядый,
Святъ...

Вся пѣсня заключается въ повтореніи этихъ трехъ строкъ до трехъ разъ. Это оригинальное произведеніе принадлежитъ также Максиму Рудометкину и, насколько извѣстно, приготовлено на случай его возвращенія изъ Соловокъ.

Хорошъ Сіонъ городокъ,
Онъ на мѣстѣ полевомъ,
Онъ изъ камня дорогого,
Изъ бисера золотого.
Кто въ него взойдетъ,
Самъ себя тамъ не найдетъ.
У насъ есть вотъ царь Давыдъ,
Онъ святой водой политъ.
Его рѣки съ высоты,
Дастъ сердцамъ всѣмъ теплоты.
Кто изъ него съ вѣрою пьетъ,
Тотъ въ градъ святой взойдетъ.
Кто изъ него съ вѣрою напьется,
Отъ отца матери отрекется
Оставайтесь отецъ мэть
Въ большомъ мірѣ вы гулять,
А я пойду вслѣдъ царя,
Вслѣдъ Давыда пастыря!
Какъ его Господь поставилъ
Покоряться насъ заставилъ,
Слава Отцу и Сыну,
Святому Духу. Аминь.

Нижеслѣдующая пѣснь спеціально призываетъ къ покаянію:

Что душа ты думаешь
Много размышляешь,
Какъ явиться на судъ.
Оставь душа мірской міръ,
Попеченье все отложь,
Возьми пѣнье да моленье

Души твоей украшенье.
Душа бѣдная покайся
Волѣ Божіей предайся,
Господь тебя соблюдетъ,
Въ царствіе произведетъ.
Господь вѣрно то открылъ,
Сію дѣлу не забылъ.
Слава Отцу и Сыну,
Святому Духу. Аминь

Отыскиваніе духовныхъ женъ воспѣвается въ слѣдующей пѣснѣ:

Ходилъ братъ мой темными лѣсами,
Обливался онъ слезами.
Обливался онъ въ слезу,
Предавался онъ посту:
Гдѣ найтить ему сестру!?
Вдругъ выходитъ на долину
Увидалъ сестру едину,
Онъ выходитъ на долину,
И видитъ сестру едину.
Онъ подходитъ обнимаетъ (bis)
Сію тайну объявляетъ.
Что-жь поетъ вѣрная сестра?
Да вижу *я* въ тебѣ Христа!
Ужь ты братъ ли мой, герой,
Притянулъ ты меня
Какъ магнитною горой!
Твои брови почернѐны
Сосцы твои какъ лимоны
Стопы твои плавки,
Руки твои мягки...

На томъ пѣсня кончается. Сравненіе сосцовъ съ лимонами и «почерненныя брови», очевидно, выражаютъ не ту нетѣлесную красоту, которую хотѣлъ нарисовать авторъ пѣсни, воспѣвая духовную любовь. Пѣсню эту молокане признаютъ почему-то *особенно нехорошей*; за то прыгуны тѣмъ съ бо́льшимъ наслаж-

деніемъ воспѣваютъ лимонные сосцы и мягкія руки, и плавкія стопы и настаиваютъ на томъ, что пѣсня эта непремѣнно духовная.

Слѣдующія пѣсни сложены въ 1871 году и переданы намъ однимъ прыгуномъ изъ селенія Шуржи *):

Кто любить, какъ ты, умѣетъ,
О источниче любви?!
Изъ любви за насъ ты умеръ,
Изъ любви ты къ намъ воскресъ!
Былъ сильнѣе самой смерти,
Смерть ты смертію попралъ
И животъ присно текущій
Человѣкамъ даровалъ
Всѣ, кто вѣруетъ и любитъ,
Всѣ, кто слѣдуетъ тебѣ,
Утверждаются на вѣрѣ
И покоются въ любве!
Гдѣ свидѣтельство любве
Болѣе сего найти,
Какъ чтобъ жизни дать на жертву
За спасеніе враговъ!?
Если щедръ онъ такъ великій,
Неизслѣдимый въ дарахъ,
То откажешь ли на маломъ,
Что мы спросимъ у тебя?..
Даруй намъ что жизни нужды
И что немощь естества
Требуетъ отъ насъ вседневно:
Хлѣбъ насущный дай намъ днесь.
Дай намъ мужество и силу
Темной жизни путь свершить,
Дай извѣстность нашей вѣрѣ,
Руководствуй самъ ты насъ.
Отъ сна смерти насъ пробудишь!
И спаситель всѣхъ одинъ
Насъ блаженствомъ наградилъ!
Вѣчности небесъ. Аминь.

*) Елисаветпольской губ.,—оно же называется Борисовка.

Въ этомъ произведеніи замѣтенъ уже не Рудометкинскій, а чей-то другой болѣе складный стиль.

Другая пѣсня, переданная мнѣ тѣмъ же лицомъ, такого содержанія:

Господи Боже, мой творецъ
Далъ тяжелый мнѣ вѣнецъ!
Буду я тебя просить,
Какъ мнѣ его носить?!
А ты меня не оставишь,
На путь истинный поставишь.
А я по нему пойду,
До царя славы дойду!
Царь славы мой защититель,
Души моей искупитель,
Тебя, царя я хвалю,
Непрестанно благодарю.
Тебѣ слава и держава
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Голоса или мелодіи обѣихъ пѣсенъ, если только тутъ можно говорить о мелодіи, надо сказать по справедливости, выдаются изъ всѣхъ прочихъ пѣсенъ своею дикостію, хотя вообще о мелодичности духовныхъ пѣсенъ говорить—рискованное дѣло. Это какое-то вѣчное перезваниванье на манеръ солдатскихъ пѣсенъ, распѣваемыхъ въ казармахъ, только нѣтъ бубна да дудки, нѣтъ барабанной дроби, да оканчивается каждый разъ неизмѣннымъ «аминь».

А вотъ и третья Шуржинская пѣсня:

Открылъ Господь намъ въ четвергъ,
Идетъ Сіонъ весь наверхъ;
Будемъ пить, упиваться,
Въ Сіонъ идти, убираться.
Трубы музыки пробьемъ,
Всѣ въ убѣжище пойдемъ.
Пойдутъ цари и іереи,
Помазанники впередъ,
Помазанники пойдутъ,

Предъ ними престолъ понесутъ,
Пойдутъ царь и всѣ царицы,
За ними тимпанъ-дѣвицы!
Пойдутъ князья и княгини,
Все почтеніе передъ ними!
Пойдутъ члены горы Сіонъ,
Все къ славѣ имъ готово
У насъ вѣрный царь Давыдъ,
Однимъ словомъ побѣдитъ!
Его вѣрная царица,
Вся вселенная ей покорится!
Будутъ плакать, умолять,
На колѣна припадать,
Богу хвалу воздавать,
Богу слава и держава
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Шуржинскій прыгунъ увѣрялъ, что пѣсни эти «самыя что ни на есть первыя изъ всѣхъ духовныхъ».

А вотъ и еще нѣсколько добытыхъ у прыгуновъ пѣсенъ:

Преблагая наша царица!
Возвеселился къ намъ глаголъ.
Христосъ на небо отходилъ,
Съ апостоломъ говорилъ:
Мою славу соблюдайте,
А заповѣди наблюдайте,
Грядите въ святомъ законѣ,
Не кланяйтесь иконѣ,
Ни святымъ, ни образамъ,
Ни слѣпымъ ихнимъ глазамъ,
Ни ѳиміамамъ, ни кадиламъ,
Ни кривымъ ихнимъ *владиламъ*.
Слава Отцу и Сыну,
Святому Духу. Аминь.

Члены Сіона пробуждайтесь,
Любве пламень обмывайтесь!
Кто не грѣшитъ въ любве,
Какъ о Богѣ, такъ о себѣ,
На того вѣнецъ готовъ,

Что онъ воинъ есть таковъ!
У того мечи въ рукахъ,
Глаголъ Божій въ устахъ,
У того вѣнецъ на главѣ.
Кто-жъ на лѣвой сторонѣ,
Идетъ прямо къ сатанѣ.
Кто на правой сторонѣ,
У того финикъ въ рукѣ.
Ему слава и держава
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Эти, какъ впрочемъ большинство прыгунскихъ пѣсенъ, отличаются какою-то недоконченностью. Только что было авторъ, повидимому, принялся рисовать картину на тему какъ хорошо будетъ праведнымъ и какъ плохо тѣмъ, которыхъ праведными не признаютъ, и уже вручилъ праведнымъ по финику, какъ вдругъ струны прыгунской музы какъ бы порвались, и праведные остаются съ фигой... Что въ этой пѣснѣ упоминаются финики, а не другіе плоды земные, объясняется тѣмъ, что здѣшніе уже аклиматизовавшіеся русскіе переселенцы изъ всѣхъ лакомствъ, которыми снабжаетъ щедрая природа Персіи, полюбили особенно финики, которыхъ и много привозятъ, и дешево продаютъ. Духанщики, законтрактовываемые молоканами и прыгунами, обязываются держать финики въ изобиліи и отвѣтствуютъ, на случай неисправности и истощенія запаса финиковъ, немалымъ штрафомъ. Въ большомъ употребленіи, какъ лакомства, здѣсь еще грецкіе орѣхи; кедровыхъ почти нѣтъ, а такъ называемыхъ сѣмечекъ очень мало. Здѣсь любятъ и виноградъ, особенно дѣвки. Виноградъ пріобрѣтается мѣной на пшеницу, и дѣвки безъ зазрѣнія совѣсти тащатъ изъ родительскихъ складовъ пшеницу, получая за $1\frac{1}{2}$ фунта ея—лишь одинъ фунтъ винограду.

Вотъ еще пѣсня, прославляющія прыгунство:

Возвожу я очи на небо,
Услышитъ меня Господь,
Господь видитъ, видитъ мое сердце,

Какъ стремлюся я къ нему.
Облекаетъ меня въ радость,
Какъ невѣста женихомъ,
Прославляетъ меня любовью.
Душу сердце онъ мое.
Покрываетъ онъ меня любовью,
Какъ невѣста жениха,
Прославляетъ, слава Богу,
На каждомъ мѣстѣ вездѣ.
Богу слава и держава
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Между прочимъ, и про эту пѣсню «духовные» обыкновенно говорятъ, что уже голосъ «рѣзко хорошъ». Трудно, впрочемъ, иной разъ не согласиться, что голосъ этихъ пѣсенъ на нервы дѣйствуетъ именно рѣзко, хотя совсѣмъ не хорошъ.

Слѣдующая пѣсня считается *заводной*, т. е. такой, подъ которую нерѣдко начинается прыганье:

Изъ-подъ бережка, бережка.
Изъ-подъ крутенькаго,
Бѣжитъ рѣчка быстрая,
Все по камушкамъ бѣжитъ!
Плыветъ бѣлый лебедекъ
Царски пѣсни онъ поетъ (bis),
Самъ онъ рѣчи говоритъ,
Приговариваетъ:
Вы, Христовые дружки,
Становитесь во кружки,
Вы извольте работать,
Во святомъ кругу катать,
А я пойду вслѣдъ царя,
Вслѣдъ Давыда пастыря,
Какъ его Господь поставилъ,
Покоряться всѣхъ заставилъ.
Слава Отцу и Сыну,
Святому Духу. Аминь.

Пѣсня эта поется напѣвомъ совершенно плясовымъ. Казалось бы, что послѣ такого вступленія, какъ «изъ бережка, бе-

режка» и т. д. неминуемо должна послѣдовать красная дѣвица, а за красной дѣвицей ражій парень; бѣжащая по камушкамъ рѣчка должна бы ихъ привесть на какую-нибудь уединенную поляну и тамъ на зеленомъ лугу, вкругъ ракитоваго куста, парочка и должна бы послѣдовать своимъ наклонностямъ, и вдругъ ручеекъ, вмѣсто того, неожиданно приводитъ къ пастырю Давыду, отцу и сыну и святому духу! Таковы поэтическія вольности подъ наитіемъ прыгунскаго святого духа.

Слѣдующая картина потопа начертана рукою Соловецкаго поэта и изгнанника:

Потопъ страшный умножался,
Видѣлъ народъ, испужался,
Увидали воды люты,
Побѣжали въ горы круты,
Тамъ спаслись.
Птицы воздухъ наполняли,
Всѣ животныя взбирались,
Гнѣвъ идетъ!
Лютость въ кротость премѣнилась,
Одинъ другой не вредилось
Левъ съ овцой.
Птица плавала водами
Покрывало ихъ волнами,
Гнѣвъ идетъ!
Голубица вылетала,
День гулянье продолжала,
Гнѣвъ идетъ!
День къ вечеру прекратился,
Голубь возвратился
Съ вѣстью!

Общій характеръ прыгунскихъ пѣсенъ виденъ изъ приведенныхъ образцовъ. Еще десятокъ-другой подобныхъ же произведеній, и вся прыгунская поэзія исчерпана. Эти пѣсни знаютъ всѣ прыгуны и всѣ ихъ поютъ, всѣ ими умиляются. Тутъ дѣйствуетъ, конечно, болѣе всего настроеніе, обстановка, воз-

бужденное состояніе, долгое сидѣнье, часто крайняя заунывность и монотонность, потому что ничѣмъ инымъ болѣе нельзя объяснить то искренно восторженное состояніе, до котораго доходятъ прыгуны, напѣвшись всласть своихъ пѣсенъ.

Со стороны внутренняго содержанія, пѣсни эти, по нашему мнѣнію, не имѣютъ ровно никакой цѣны, и если мы привели ихъ въ такой подробности, то это только потому, что не можемъ отвергать того значенія, которое имѣютъ на сектаторовъ эти, часто темныя, а еще чаще совсѣмъ нелѣпые вирши. Нѣтъ въ нихъ ни складу ни ладу, нѣтъ порой даже вовсе никакого смысла, но есть нѣкая обаятельная темнота, есть таинственность, связанная съ именемъ до-нынѣ высоко и неизмѣнно почитаемаго Максима Рудометкина и, наконецъ, на пѣсняхъ эти пока лежитъ официальный запретъ—а это уже много значитъ. Вотъ почему за пѣснями этими слѣдуетъ признать нѣкоторое значеніе.

VIII.

Долина Цвѣтовъ.

I:

Верстахъ въ двухъстахъ за Тифлисомъ, и въ разстояніи 4—5 почтовыхъ станцій отъ г. Эривани, на небольшой полянкѣ раскинулась сектаторская деревушка Нижніе Ахты; дворовъ въ 25—30. Три ряда домовъ выстроились такъ, какъ будто хозяева ихъ пересcорились между собою. Всѣ дома какъ будто стояли другъ къ другу спинами, смотря передними фасадами въ разныя стороны. Одни изъ нихъ были съ деревянными высокими сильно покатыми крышами, большими окнами и въ ряду другихъ домовъ выдѣлялись тщательною наружною побѣлкою. Другіе были только что за-ново обмазаны сѣрою грязью и, въ ожиданіи побѣлки, казались точно заплатанными. Соломенныя взъерошенныя крыши, покосившіяся на бокъ стѣны, низкія заваленки нѣкоторыхъ хатъ, смотрѣли довольно плачевно и убого, но въ общемъ деревушка казалась веселой, довольной и не бѣдной.

Большіе дворы почти около каждаго дома были загромождены всякими навѣсами, клѣтушками, амбарами и пр.; скирды хлѣба, стога сѣна и такъ называемый кизякъ *), сложенный

---

*) Топливо изъ высушеннаго навоза.

правильными пирамидами, виднѣлись почти въ каждомъ дворѣ.

Высохшее кривое деревцо торчало около одной изъ хатъ и изображало собою единственнаго представителя мѣстной флоры. Недалеко виднѣлись довольно высокіе лѣсистые волнообразные холмы, но въ самой деревушкѣ деревьевъ не было; еще немного далѣе блестѣла на солнцѣ снѣговая вершина какой-то второстепенной горы и въ полуверстѣ отъ станціи искрилась пребойкая рѣченка по имени Занга (колокольчикъ), звонко катя по камнямъ свои мелкія волны.

Въ этой небольшой деревушкѣ жили послѣдователи чуть ли не всѣхъ извѣстныхъ въ настоящее время въ Закавказьѣ «вредныхъ» и «вреднѣйшихъ» раскольничьихъ ученій и толковъ. Были здѣсь *молокане*, были *іудѣйствующіе* или субботники, представлявшіе собою курьезное превращеніе русскаго человѣка въ жида; были не совсѣмъ установившіеся въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ послѣдователи сіонскаго братства, которыхъ по-просту звали *прыгунами;* были *общіе*, были *немоляки, спасовцы, федосѣевцы*, были, наконецъ, чистѣйшіе старовѣры, и именно *единовѣрцы*, попавшіе сюда уже не «за вѣру», а за преступленія.

Всѣ эти разновидности такъ называемыхъ ересей и лжеученій имѣли каждая всего по нѣсколько послѣдователей. Случалось, что ихъ было не болѣе двухъ-трехъ или не болѣе одной семьи; сосланные въ отдаленнѣйшія мѣста имперіи и разбросанные среди сплошной массы армянъ и татаръ, всѣ они были поселены за вредность ихъ ученій на далекой закавказской окраинѣ.

II.

Отъ самой почти Еленовки, вправо отъ дороги въ Эривань, разстилалась обширная, слегка холмистая, покрытая почти

сплошь камнями, сѣрая, какъ бы взбудораженная и взъерошенная равнина. Общій колоритъ ея былъ сѣрый. Камни, то огромными отдѣльными валунами, то мелкими, разсѣянными по полю булыжниками, то въ видѣ нагроможденныхъ плитъ известняка, какъ-то лѣзли на глаза и составляли преобладающій элементъ въ общей картинѣ этой долины. Невысокая цѣпь горъ, дугою обхватывая равнину съ двухъ сторонъ, окаймляла ее своими зелеными лѣсистыми скатами. Только въ двухъ мѣстахъ цѣпь эта какъ бы раскрывалась, образуя широкія устья двухъ сливавшихся съ долиной ущелій. Почти пополамъ долина эта перерѣзывалась Зангой, небольшой извилистой рѣчкой, по скатамъ которой, то близъ берега, то въ самомъ руслѣ, высовывались все тѣ же сѣрые камни и валуны, какъ и въ долинѣ. Нѣсколько живописныхъ ручейковъ серебрились на днѣ обоихъ ущелій и, направляясь въ долину, какъ бы съ разбѣга сливались съ Зангой. Эти чудесные ручейки съ зелеными бордюрами изъ высокой густой травы и мелкаго кустарника такъ и манили за собою въ глубину ущелья, но чѣмъ дальше, тѣмъ и ручейки, и самыя ущелья становились тѣснѣе, у́же и меньше, тѣмъ покатѣе становилось дно ручейковъ и все съуживаясь, ослабѣвая и замирая, дѣлаясь все мельче и меньше, эти ручейки наконецъ превращались въ тонкія струйки и совсѣмъ пропадали въ густой травѣ, или же оканчивались холоднымъ ключемъ, притаившимся подъ развѣсистой шапкой какого нибудь разлѣзшагося во всѣ стороны тѣнистаго, но невысокаго дерева.

Равнина эта тянулась верстъ на десять и называлась Дарачичагъ, или Долиною Цвѣтовъ. При первомъ взглядѣ казалось, что только горькая иронія могла придумать этой мѣстности такую вопіюще несообразную кличку. Казалось даже, что долина эта совершенно необитаема; въ самой долинѣ не слышно и не видно было никакого движенія, незамѣтно было никакой жизни, и только у самой подошвы окружающихъ ее

горъ виднѣлись кое-какія поселенія. Вдали эти поселенія почти не были видны и, сливаясь своими сѣрыми постройками съ сѣрою поверхностью долины, казались скорѣе какими-то сѣрыми буграми, чѣмъ человѣческимъ жильемъ.

Такова была общая картина Долины Цвѣтовъ въ началѣ іюня, т.-е. въ самый разгаръ закавказскаго лѣта. Зимой вся эта долина покоилась нѣсколько мѣсяцевъ подъ толстымъ слоемъ снѣга. Налетавшіе съ сѣвера то вьюга, то вѣтеръ съ густымъ снѣгомъ, разыгрывались здѣсь на равнинѣ съ особенною яростью. Нигдѣ съ такою силою мятель и вихрь не свирѣпствовали, часто цѣлыми сутками, какъ въ Долинѣ Цвѣтовъ; нигдѣ такъ не кружила и не ревѣла снѣжная буря, какъ на этой десятиверстной плоскости, кружа вмѣстѣ съ собою и верблюжьи караваны, и длинныя вереницы червадаровъ *), и не въ добрый часъ выѣхавшаго изъ Еленовки или Ахтовъ нетерпѣливаго проѣзжающаго, не захотѣвшаго посидѣть на станціи пока распогодится, и нерѣдко жестоко за это наказаннаго.

Позднимъ лѣтомъ эта долина представляла собою громадный сѣрый, пустынный, совершенно безцвѣтный каменникъ **). Только мѣстами зеленѣли, между сѣрыми грудами камней, крохотные клочки озимыхъ посѣвовъ, далеко не радуя и не восхищая взоръ своими жалкими всходами, а кругомъ разстилалась мертвая каменистая поверхность. И, наконецъ, позднею осенью, смотря по тому, какова была осень, сухая или дождливая, Долина Цвѣтовъ то являлась въ видѣ какой-то туманной свѣтло-сѣрой поверхности, гдѣ на свободѣ носилась и крутилась сѣрая мгла пыли, то представляла грязную самаго безотраднаго вида плоскость съ мрачно стелющимися чуть ли не по самой землѣ тучами, размягшей глинистой почвой и мертвой тишиной.

*) Татары, занимающіеся перевозкой на вьюкахъ.

**) Каменниками называютъ здѣсь груды сѣрыхъ, отчасти поросшихъ травою, каменныхъ плитъ, нагроможденныхъ самою природою.

Но зато раннею весною, когда безконечно ровный саванъ зимы какъ бы сдерживался съ долины какимъ-то волшебствомъ, когда окрестные холмы разомъ начинали зеленѣть, когда свѣтлые ручейки, вдругъ потемнѣвъ и надувшись, несли вмѣсто зеркальныхъ струй цѣлые потоки бурожелтой грязи, а разомъ пригрѣвшее солнце снимало ледяныя шапки съ безчисленныхъ окрестныхъ вершинъ, — эта мертвая долина вдругъ оживала, преображалась и зацвѣтала...

На сколько только могъ окинуть глазъ, эта, три четверти года безжизненная, равнина переливалась, рдѣла и румянилась милліонами пестрыхъ полевыхъ цвѣтовъ. Все какъ будто сіяло, цвѣло, радовалось. Даже неуклюжія, каменныя глыбы, разбросанныя по долинѣ, даже кучи вѣковыхъ каменниковъ почти скрывались въ массѣ цвѣтовъ, и десятиверстная плоскость являла собою одинъ живой, колышащійся, волнующійся пестрый коверъ.

Изобиліе цвѣтовъ было тогда дѣйствительно поразительно и никто не могъ устоять противъ невольнаго очарованія и восхищенія при видѣ этого колоссальнаго цвѣтника. Вотъ вправо отъ дороги идетъ сплошной рядъ желтыхъ цвѣтовъ и тянется на протяженіи цѣлой десятины; за желтымъ рядомъ, точно шнуромъ отдѣленная, точно искусною рукою садовника посаженная, идетъ сплошная полоса синяго цвѣта. Вотъ цѣлый квадратъ, густо покрытый темно-пунцовыми дикими маковниками; вотъ тутъ, въ короткой темно-зеленой травкѣ, растутъ кустиками какіе-то бѣленькіе, нѣжные молочнаго вида цвѣточки и ровной чертой отдѣляются отъ смѣшанной сине-желтой полосы цвѣтовъ. Вотъ полоса сине-пунцовая, а тамъ опять чередуются полосы— желтая, красная, малиновая и опять желтая, красная и т. д.

И надъ всѣмъ стоитъ немолчный говоръ тысячи птичьихъ голосовъ, стрекотанья кузнечиковъ, шелеста травы и теплаго колыханья весенняго мягкаго вѣтерка. При видѣ этой цвѣтущей долины въ какомъ-то восхищеніи останавливаются и сож-

женный закавказскимъ солнцемъ татаринъ-верблюдчикъ, и зачерствѣлый въ корыстныхъ разсчетахъ духанщикъ-армянинъ; невольно сдерживалъ здѣсь свою лошадь, чтобы полюбоваться роскошной картиной, и проѣзжающій съ эстафетой чапаръ *), и пробирающійся верхомъ по дѣламъ службы чиновникъ, и просто отъ бездѣлья рыскающій по полямъ мѣстный землевладѣлецъ. Даже въ конецъ разбитые и растрепанные ѣздою на перекладныхъ злосчастные проѣзжающіе непремѣнно останавливали здѣсь лошадей, вылѣзали изъ своихъ перекладныхъ и долго любовались цвѣточной панорамой, вдыхая душистый ароматъ, несшійся изъ долины.

Но проходитъ три, самое большее четыре, недѣли—цвѣточный покровъ блекнетъ, тускнѣетъ и линяетъ; милліоны цвѣтовъ осыпаются и уносятся вѣтромъ; сѣрыя каменистыя глыбы, временно исчезнувшія подъ грудой цвѣтовъ, высовываютъ все болѣе и болѣе, и все назойливѣе, свои углы и грязныя поверхности; каменныя прогалины прорѣзываются въ желтыхъ и синихъ полосахъ цвѣточныхъ ковровъ, сѣрый колоритъ вновь начинаетъ преобладать надъ всѣмъ, и Долина Цвѣтовъ въ нѣсколько дней опять превращается въ долину камней, каменныхъ глыбъ, сѣрой глины и грязнаго известняка. Волшебная прелесть чудесныхъ переливовъ исчезаетъ до новой весны; конецъ лѣта, вся осень, вся зима проходятъ надъ Долиной Цвѣтовъ такъ же, какъ проходитъ и надъ сотнями другихъ выжженныхъ закавказскихъ равнинъ: никто ею не восхищается, никто даже не подозрѣваетъ въ ней возможности такого превращенія, и только склонная къ поэзіи душа восточнаго человѣка, очарованная прелестной картиной десятиверстнаго цвѣточнаго ковра, подсказала ему назвать эту долину, то покрытую голыми камнями, то снѣжными заносами—Долиною Цвѣтовъ, и такое имя остается безъ измѣненія уже не первую тысячу лѣтъ.

---

*) Всадникъ земской стражи.

Такова Долина Цвѣтовъ. Въ одномъ изъ двухъ ущелій, сливающихся съ Долиною Цвѣтовъ, именно въ самомъ началѣ одного изъ этихъ ущелій, ютилось маленькое русское поселеніе Константиновка, больше извѣстное подъ названіемъ Дарачичага. Селеніе вытянулось въ двѣ линіи и состояло такъ же, какъ и Нижніе Ахты, не болѣе какъ изъ 25 — 30 дворовъ. Изъ всѣхъ вредныхъ и вреднѣйшихъ сектъ въ Константиновкѣ жили только молокане да прыгуны. Но константиновскіе молокане были особенно крѣпки въ своей вѣрѣ и составляли небольшую группу послѣдователей этой секты, устоявшую противъ всякихъ соблазновъ и со стороны жидовствующихъ, и со стороны прыгуновъ; а константиновскіе прыгуны, въ свою очередь, также прославились за свою ревность къ вѣрѣ и въ особенности за свою готовность во всякое время воспріять и вѣнецъ мученическій, и смертельный бой, и заточеніе, и все, что требовалось для спасенія души и вящшаго укрѣпленія въ вѣрѣ.

Особая ревность къ поддержанію своей вѣры истекала тамъ впрочемъ изъ совершенно особеннаго источника. Съ давняго времени, по распоряженію высшаго начальства, сюда въ Дарачичагъ съѣзжались на дачи на лѣтнее время всѣ губернскія, уѣздныя и всякія иныя власти. Съѣзжались они съ своими семействами, канцеляріями, дѣлами и привозили съ собою весь штатный персоналъ чиновниковъ. Перетаскивали сюда даже Губернское казначейство, переселяли Окружный судъ и даже часть губернской тюрьмы съ тѣми арестантами, дѣла о которыхъ предстояло разрѣшить лѣтомъ. Здѣсь устанавливалась лѣтняя резиденція мѣстнаго губернатора, отсюда въ теченіи всего лѣта шли распоряженія по управленію губерніей, и сюда же изъ всѣхъ пунктовъ губерніи стекались рапорты, донесенія, представленія и пр. и пр.

Обыкновенно съѣздъ начинался около половины іюня, такъ какъ ранѣе этого въ Дарачичагѣ еще было слишкомъ холодно и сыро; а около 1 сентября Дарачичагъ вновь пустѣлъ, потому

что позже этого срока, уже по случаю наступленія холодовъ, сырости и дождей, оставаться въ Дарачичагѣ, безъ риска нажить себѣ вѣчную лихорадку, не было возможности.

Въ то время, когда мнѣ пришлось побывать въ Долинѣ Цвѣтовъ, какъ разъ приближалась половина іюня, и вмѣстѣ съ тѣмъ наступала самая для дарачичагскихъ сектаторовъ безпокойная пора. Скоро должны были пріѣхать дачники-чиновники, а вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенно наступалъ конецъ спокойствію дарачичагцевъ.

Въ прежнія времена, не то что теперь, русскіе сектаторы вообще не особенно радовались этимъ пріѣздамъ. Ихъ замкнутая строго патріархальная жизнь временно нарушалась; ихъ, до извѣстной степени, таинственные обряды не ускользали отъ взглядовъ и сужденій дачниковъ; а больше всего эти пріѣзды, немедленно нарушавшіе спокойное теченіе ихъ религіозной жизни, потому возмущали и волновали сектаторовъ, что они еще не забыли того недавняго времени, когда пріѣздъ чиновныхъ дачниковъ непремѣнно приводилъ къ принятію новыхъ мѣръ по части искорененія, обузданія, увѣщанія, убѣжденія и пр. и пр. Теперь времена, конечно, совершенно измѣнились; прежняго смущенія и безпокойства уже нѣтъ и дарачичагскіе сектанты, какъ смѣтливые мужики, начинаютъ входить во вкусъ тѣхъ выгодъ, которыя имъ доставляетъ пріѣздъ чиновниковъ, и даже не усматриваютъ въ своей вѣрѣ, какъ усматривали прежде, никакихъ препятствій пользоваться этими выгодами.

Дарачичагцы жили совсѣмъ особнякомъ; ихъ окружали со всѣхъ сторонъ аборигены страны, татары и армяне, почти никакого общенія съ ними не имѣвшіе и считавшіе ихъ просто за русскихъ, вовсе не желая вникать въ тонкости вѣроисповѣднаго вопроса. Въ свою очередь, сектанты относились совершенно равнодушно къ своимъ сосѣдямъ, считая всѣхъ ихъ одинаковыми азіатами. На туземцевъ нисколько не дѣйствовало то сравнительное просвѣщеніе и благосостояніе, которымъ пользовался

русскій сектантъ, и ни татаринъ, ни армянинъ отъ своего русскаго сосѣда ничему не научился, ничего отъ него не позаимствовалъ и не проявилъ даже желанія учиться и заимствовать. Русскій поселенецъ прежде всего остался при заведенныхъ имъ еще въ Россіи волахъ и лошадяхъ и не польстился на могучаго буйвола. Съ своей стороны туземецъ не находилъ, чтобы русскіе высокіе, свѣтлые, теплые дома были лучше его темныхъ, сѣрыхъ и безусловно грязныхъ пещеръ и логовищъ. Даже русскія колеса со спицами туземецъ позаимствовалъ только въ силу административныхъ, и особенно полицейскихъ, настояній, да и послѣ того еще долго упорствовалъ, сохраняя прародителями изобрѣтенное колесо въ видѣ сплошнаго деревяннаго круга, безбожно калѣчившаго всякую дорогу.

Нисколько также не повліяли русскіе переселенцы и на положеніе туземныхъ женщинъ. По прежнему женщина эта скрывалась въ нѣдрахъ тѣхъ почти звѣриныхъ норъ, которыя называются однако же домами, не участвуя въ полевыхъ работахъ, оставаясь безгласной въ семьѣ и няньча дѣтей, да въ особенности поглощенная заботами о взлелѣяніи и холеніи своего тѣла. Туземецъ видѣлъ, какія обширныя запашки дѣлали русскіе поселенцы; видѣлъ, на какомъ пространствѣ раскидывались ихъ общественные сѣнокосы; видѣлъ, наконецъ, какъ русскій поселенецъ со всей семьей, отъ мала до велика, выходилъ на работу въ поле; видѣлъ, какъ кипѣла и спорилась эта работа, но подражать не пожелалъ и ничему не научился. По-прежнему, вмѣсто плуга, онъ ковырялъ землю своимъ немудренымъ крючкомъ *), по-прежнему пряталъ свою жену отъ постороннихъ взглядовъ, и для сохраненія супружеской вѣрности не находилъ ничего лучшаго, какъ непроницаемыя чадры, крѣпкіе запоры и кинжалъ да пистолетъ.

Однимъ словомъ, проживя бокъ о бокъ съ русскимъ поселен-

*) Нѣчто въ родѣ сохи.

цемъ четверть столѣтія, туземецъ не подвергся никакой даже внѣшней перемѣнѣ и не нашелъ никакихъ точекъ соприкосновенія съ чуждымъ для него по вѣрѣ руссъ-адамомъ *).

И Долина Цвѣтовъ на всемъ своемъ пространствѣ также нисколько не измѣнилась отъ сосѣдства русскихъ поселенцевъ. Какъ тысячу лѣтъ назадъ, такъ и нынѣ, она продолжаетъ оставаться вѣковѣчнымъ вмѣстилищемъ камней и каменниковъ. Прозябая весь годъ то подъ сугробами снѣга, то подъ сплошнымъ слоемъ грязи и размягшей отъ дождей глины, не принося никому рѣшительно никакой пользы, большая часть этой долины пробуждается всего на какіе-нибудь 20—30 дней и радуя взоръ путешественника, утомленнаго созерцаніемъ безотрадныхъ унылыхъ сѣрыхъ спаленныхъ пространствъ Закавказья, засыпаетъ опять крѣпкимъ сномъ и спитъ отъ весны до весны.

Но по окраинамъ непробудно спящей Долины Цвѣтовъ, въ глухихъ ущельяхъ, прилегающихъ къ этой долинѣ и въ деревушкахъ, притаившихся у глубокихъ заливовъ сосѣдняго озера Гокчи, и въ селахъ на близъ-лежащихъ почтовыхъ путяхъ, течетъ, вотъ уже болѣе четверти столѣтія, своебразная жизнь русскихъ ссыльно-поселенцевъ. Уже здѣсь успѣло народиться новое поколѣніе русскихъ людей, никогда не видавшихъ Россіи; появился уже и закавказскій туземецъ чисто великорусскаго типа, и это новое поколѣніе русскихъ не рвется такъ страстно во внутреннюю Россію, какъ рвались ихъ дѣды и отцы; уже новые русскіе люди съ дѣтства говорятъ по-татарски и по-армянски и, пользуясь замѣтнымъ благосостояніемъ, нисколько не жаждутъ возвращенія въ Тамбовскую или Саратовскую губерніи. Но въ жизни этихъ ссыльныхъ, не говоря уже про ихъ отцовъ, вдоволь натерпѣвшихся на первыхъ порахъ послѣ переселенія въ Закавказскій край, было больше печалей, чѣмъ радостей и только сравнительно недавно для нихъ настала жизнь

*) Адамъ по татарски—человѣкъ.

покойная и мирная. Если мы перенесемся за 10—15 лѣтъ назадъ, то картина этой жизни была въ то время иная и пріѣзду дачниковъ обыкновенно предшествовало всеобщее *большое покаяніе*.

III.

Константиновскіе прыгуны были настроены по обыкновенію мрачно; молча сидѣли они по своимъ хатамъ, а встрѣчаясь на улицѣ, расходились, не заводя никакихъ рѣчей и не останавливаясь даже для поклона. Всѣхъ угнетала одна и та же мысль, и всякій, по мѣрѣ возможности, старался отнестись къ ней спокойно и примириться съ тѣмъ, что было неизбѣжно и неотвратимо.

Три дня уже какъ была получена отъ мѣстнаго пристава повѣстка о томъ, чтобы всѣ константиновцы безъ замедленія изготовили свои фургоны, телѣги и лошадей къ перевозкѣ въ Дарачичагъ на дачи вещей какъ г-на начальника губерніи, г. вице-губернатора и чиновъ губернскаго правленія, такъ равно и чиновъ подвѣдомственныхъ тому правленію учрежденій, а также и чиновъ мѣстнаго Окружнаго суда. Приставъ требовалъ, чтобы черезъ два дня три фургона явились въ губернскій городъ и поступили въ распоряженіе статскаго совѣтника Н. «подъ свозъ имущества Его Высокородія въ Дарачичагъ». Затѣмъ приставскій приказъ указывалъ, что черезъ пять дней должны были туда же отправиться еще пять фургоновъ, черезъ семь дней еще шесть фургоновъ и т. д. и т. д.

Однимъ словомъ, начиналось извѣстное уже ежегодное переселеніе чиновниковъ на такъ называемыя *кочевки въ урочище Дарачичагъ*, и вмѣстѣ съ тѣмъ начиналось и связанное съ этимъ переселеніемъ ежегодное оскверненіе «идолопоклонниками» и «иконниками» жилищъ прыгуновъ и молоканъ.

Черезъ недѣлю-другую должны были съѣхаться *они*. Живо представлялось константиновцамъ, какъ опять зазвонятъ въ

маленькіе, но звонкіе колокола *идолопоклоннической* церкви, какъ опять заселятъ всѣ хаты *тѣ*, которые не только курятъ, но и плюютъ тамъ, гдѣ курятъ, тѣ, которые ругаются, безпрестанно поминаютъ чертей, пьютъ вино, употребляютъ въ пищу зайцевъ и всякую, Богомъ и св. писаніемъ запрещенную, мерзость. Представлялось имъ, какъ ихъ молитвенныя собранія будутъ нарушаться посѣщеніемъ любопытствующихъ дачниковъ, какъ начнется и ежедневная встрѣча съ ними въ домахъ и на улицахъ и ежедневное соприкосновеніе по разнымъ хозяйственнымъ и инымъ вопросамъ. Придется, думалось каждому, подальше попрятать свою посуду—свои кадушки, свои горшки; придется измышлять способы сохранить отъ оскверненія всю свою утварь, придется сторониться отъ обкуриванья табакомъ и папиросами и, однимъ словомъ, начнется рядъ тяжкихъ испытаній. Но какъ ни тяжело было на душѣ сектантовъ, никакихъ протестовъ не полагалось, ничѣмъ переселеніе на дачу остановить было нельзя, и оставалось смириться и ждать.

Старшина Петръ Юдинъ совершенно напрасно обходилъ по дворамъ и легонько стучалъ въ окно палкой, вызывая хозяевъ для объявленія приставскаго приказанія о снаряженіи фургоновъ. И безъ Юдина всѣ знали, что еще три дня тому назадъ приставскій *эсаулъ* (такъ здѣсь называютъ приставскихъ разсыльныхъ) привезъ повѣстку о выставкѣ подводъ, да еще при этомъ добавилъ, что въ нынѣшнемъ году «господа» проживутъ и сентябрь, да пожалуй прихватятъ еще часть октября по случаю-де какихъ-то передѣлокъ въ казенныхъ зданіяхъ.

«Знаемъ! — недовольно отзывались домохозяева на зовъ Юдина:—слыхали ужъ! Сготовлено! все сготовлено!»

И вызываемые Юдинымъ съ ожесточеніемъ хлопали дверьми, бросали объ-земь шапки и уставлялись глазами въ землю, поглощаемые смутными надеждами, что *вдругъ* да оставятъ ихъ въ покоѣ, что *вдругъ* да придетъ какая нибудь отмѣна, какое нибудь новое распоряженіе, и никто *изъ нихъ* не пріѣдетъ.

Между тѣмъ вопросъ этотъ былъ уже давно рѣшенъ и никакихъ средствъ отдѣлаться отъ *нихъ* не было. Константиновскихъ сектаторовъ только потому и поселили здѣсь, только потому и отвели имъ такую во всѣхъ отношеніяхъ благодатную землю, что они неуклонно обязались не только ежегодно привозить и отвозить «господъ чиновниковъ», но, кромѣ того, обязывались еще очищать на цѣлое лѣто, все для тѣхъ господъ чиновниковъ, свои дома, и терпѣливо сносить ихъ присутствіе не менѣе трехъ мѣсяцевъ ежегодно.

Это ежегодное трехмѣсячное испытаніе константиновцы переносили съ большими усиліями: мрачные всегда, они становились тогда еще мрачнѣе. На цѣлыхъ три мѣсяца улыбка сходила съ ихъ лицъ, а еженедѣльныя молитвенныя сходки, называемыя собраніями, были полны унынія, скорби, сокрушенія и искусственной покорности судьбѣ.

Константиновцы были всѣ безъ исключенія коренные россійскіе люди. Они произошли, какъ и всѣ закавказскіе сектанты, изъ внутреннихъ губерній Россіи, преимущественно изъ Тамбовской и Саратовской и, сосланные *за вѣру*, въ Закавказьѣ поселились по собственному выбору, но съ дозволенія начальства, въ самомъ концѣ короткаго ущелья, сливающагося съ Долиною Цвѣтовъ. Въ губерніи, состоящей изъ сѣрыхъ, обнаженныхъ, каменистыхъ, усѣянныхъ то бурьяномъ, то колючкой, полей, сѣрыхъ солончаковъ, сѣрыхъ, выгорѣвшихъ сожженныхъ солнцемъ скатовъ горъ, сѣрыхъ камней и сѣрыхъ построекъ Константиновка съ ея окрестностями являлась отраднымъ оазисомъ, гдѣ отдыхало и зрѣніе, и грудь.

Это было драгоцѣнное убѣжище отъ раскаленной атмосферы губернской резиденціи. Сюда на горы, въ зелень, ближе къ прохладнымъ лѣсамъ, студенымъ ключамъ и родникамъ стекались всѣ, кто обладалъ какими-либо средствами выѣхать на дачу, и всѣ, кто долженъ былъ ѣхать въ Дарачичагъ по служебной необходимости. Крохотные чуланчики константиновцевъ пре-

вращались на лѣто въ квартиры коллежскихъ и надворныхъ совѣтниковъ. Необитаемые клѣти и амбары приспособлялись на лѣтнее время къ человѣческому жилью и становились для дарачичагцевъ источникомъ изрядныхъ доходовъ. На лѣто здѣсь всякій уголъ отдавался въ наемъ обязательно, по требованію властей, и естественно, что константиновцы чувствовали себя связанными по рукамъ и по ногамъ. Любопытные дачники совали свои носы вездѣ и всюду. Блуждая то по деревнѣ, то по окрестностямъ и посвящая все оставшееся у нихъ отъ службы и картъ время прогулкамъ, охотѣ и пр., они заходили въ молоканскія и прыгунскія собранія и своимъ присутствіемъ не давали прыгунамъ разойтись въ отправленіи ихъ духовнаго пляса. Они подглядывали въ окна ихъ молитвенныхъ собраній, пускались въ нескромные вопросы относительно ихъ вѣрованій, обрядовъ и самыхъ сокровенныхъ религіозныхъ помысловъ, однимъ словомъ, они всячески имъ надоѣдали, но дѣлать все-таки было нечего, и оставалось только злобствовать и терпѣть.

Только въ половинѣ сентября, когда изъ Дарачичага уѣзжалъ послѣдній дачникъ и изъ города возвращалась послѣдняя, выставленная «по наряду», подвода для перевозки имущества «идолопоклонника», константиновцы оживали и на лицахъ ихъ можно было вновь встрѣтить и улыбку, и довольство. Тогда первымъ дѣломъ и молокане, и прыгуны, каждые сами по себѣ устраивали на славу обѣдецъ, сопровождая этотъ обѣдецъ непремѣнно обильнымъ жертвоприношеніемъ. На этихъ обѣдцахъ молокане солидно славословили Творца за оказанную имъ милость, заключавшуюся въ избавленіи отъ *нечистыхъ*, а прыгуны, вдоволь напрыгавшись, также приносили обильныя жертвы за освобожденіе отъ нечистыхъ и затѣмъ и тѣ и другіе вплоть до слѣдующаго наѣзда «господъ» погружались въ бездну библейской и евангельской мудрости.

Въ Дарачичагѣ была сплошная масса зелени, цвѣтовъ, холмовъ, ручейковъ, спусковъ, подъемовъ. Большое ущелье, за-

мыкавшее Долину Цвѣтовъ, развѣтвлялось въ новыя меньшія ущелья; мелкія ущелья, заросшія лѣсомъ и кустарникомъ, развѣтвляясь все больше и больше, превращались въ тропинки и окончательно исчезали въ лѣсной глуши. Потоки сливались, журчали, расходились, стихали, вновь соединялись и вновь раздѣлялись. Въ чащѣ темнаго густаго лѣса вдругъ иной разъ попадалась грандіозная руина съ клинообразными надписями на кубахъ тесанаго камня; покрытыя мохомъ лѣтъ, виднѣлись на стѣнахъ этихъ руинъ письмена невѣдомыя, неразгаданныя. Лѣсная уже давно заброшенная дорога, размытая дождемъ, глубокой своей колеей терялась въ чащѣ деревьевъ; густо переплетшіяся надъ дорогой въ видѣ свода вѣтви образовали какіе-то причудливыя тоннели, въ которыя чуть проникалъ дневной свѣтъ. Душистой прохладой вѣяло отовсюду.

Къ самому селенію Константиновки примыкалъ такъ называемый *лагерь*. Рядъ казенныхъ однообразныхъ построекъ стоялъ на полугорѣ, какъ бы вдвинутой въ большое ущелье, бока котораго обхватывали лагерь полукругомъ. Въ самомъ лагерѣ жили болѣе высокіе члены губернской и судебной администраціи. Въ сторонѣ отъ лагеря, на приличномъ другъ отъ друга разстояніи и притомъ на высотахъ, окружающихъ лагерь, были воздвигнуты особые, также казенные дома для вице-губернатора и предсѣдателя суда и, наконецъ, на горѣ, командующей всѣмъ лагеремъ, возвышался домъ самого губернатора, откуда начальникъ губерніи безъ труда могъ наблюдать за теченіемъ не только общественной, но и частной жизни обитателей лагеря. Низшіе чины суда и администраціи жили въ самомъ селеніи, наполняя собою и своими многочисленными семьями не только дома и домовыя службы, но отчасти даже помѣщаясь на заднихъ дворахъ деревянныхъ построекъ въ раскинутыхъ палаткахъ.

До половины іюня на сосѣднихъ горахъ виднѣлся снѣгъ. Впереди Константиновки тянулся волнистый хребетъ Агманганъ, выдвинувъ впередъ Учь-Тапу—три холма. Съ ближайшихъ къ

Константиновкѣ пригорковъ виднѣлась, окаймленная скалистыми круто спускающимися горами, темно-синяя гладь огромнаго Гокчинскаго озера. Воздухъ былъ чистый, легкій, душистый. Пыли, смрада, чада не слышалось. Дышалось легко и свободно.

Между константиновцами было немного молоканъ, а большинство давно перешло въ прыгунство и крѣпко держалось этого толка. Іудействующихъ тамъ не было вовсе и вслѣдствіе этого по субботамъ прыгуновъ и молоканъ не смущало, какъ это было въ другихъ селеніяхъ, ни бездѣлье «жидовъ», ни ихъ праздничныя одежды, ни ихъ громогласное пѣніе, несшееся изъ особаго *жидовскаго собранія*. Здѣсь рѣшительно всѣми праздновалось воскресенье и только въ этотъ день на единственной Константиновской улицѣ появлялись бархатныя поддевки, темнопунцовые кушаки парней и ярко-цвѣтныя платья и платки дѣвокъ и бабъ. Остальные дни царила спокойная рабочая тихая жизнь.

Обитатели Дарачичага, принадлежавшіе къ прыгунскому толку, съ самаго своего поселенія въ этихъ мѣстахъ обнаружили особенную ревность къ вѣрѣ. Нигдѣ съ такимъ нетерпѣніемъ не ожидали 1000-лѣтняго царствія, какъ въ Дарачичагахъ; нигдѣ съ такимъ азартомъ прыгуны не предавались своему духовному плясу. Здѣсь постились до полусмерти, рыдали въ собраніяхъ до истерикъ, раздирали одежды въ клочья, разцарапывали груди въ кровь и до синяковъ, расшибали себѣ лбы, припадая къ землѣ и повергаясь во прахъ. Здѣсь во имя духа и во имя правой вѣры болѣе всѣхъ неистовствовали, и именно отсюда вышли самые замѣчательные прыгунскіе *пророки и пророчицы*.

Наступало воскресенье. Передъ съѣздомъ чиновниковъ на лѣто это былъ послѣдній праздникъ. Въ слѣдующее воскресенье всѣ прыгунскія и молоканскія хаты уже будутъ вновь осквернены присутствіемъ *ихъ*, снова *ими* переполнятся всѣ дома, и тогда ужъ ни читать библію, ни пѣть, ни съ духомъ сообщаться нельзя будетъ иначе, какъ чувствуя надъ собою

наблюдающій любопытствующій взоръ какого нибудь изъ *нихъ*.

Для облегченія своихъ удрученныхъ тоскою душъ многіе прыгуны принялись поститься *). Молокане уныло молчали.

Два дня уже постившіеся не ѣли ничего. Въ изнеможеніи лежали они по хатамъ—кто на лавкахъ, кто на печкахъ,—изрѣдка показываясь на заваленкахъ и вновь отправляясь въ хаты. Постъ былъ впрочемъ не совсѣмъ строгій, и вода на этотъ разъ *разрѣшалась*. Надежды на избавленіе отъ господъ все-таки никого не покидали и на этотъ разъ, какъ не покидали и въ прежніе годы. Сегодня, въ субботу, въ прыгунскомъ собраніи предполагалось еще разъ хорошенько *покаяться* и попросить Божіей милости. Молокане также готовились къ усердной молитвѣ.

«Каяться надоть!—раздавался почти въ каждой хатѣ слабый голосъ изможденнаго, обезсилѣвшаго прыгуна.—Согрѣшили мы! Не угодны мы Богу! Нѣтъ намъ избавленія! Надоть поститься!»

Послѣ полудня всѣ поднялись съ лавокъ и съ печей, оправились, причесались, переодѣлись и, выпивъ для подкрѣпленія силъ воды, поплелись въ *собраніе*. Собирались сегодня у отставнаго прыгунскаго царя, а нынѣ пророка, Гаврилы Валова. Къ хатѣ его, стоявшей поближе къ лагерю и, слѣдовательно, къ горѣ, подходили степенными медленными шагами. Отягченныя мрачными мыслями головы были низко опущены; ослабѣвшія отъ поста ноги еле двигались. Молча входили прыгуны въ хату и, бросивъ въ уголъ шапки, не говоря ни слова, усаживались по лавкамъ. Вмѣстѣ съ мужиками сходились и бабы и также молча разсаживались по лавкамъ. Нѣкоторыя изъ нихъ располагались поближе къ мужчинамъ—это были запѣвалы и наиболѣе голосистыя пѣвицы; а большая часть садилась отдѣльно,

---

*) Постъ у сектантовъ понимается въ формѣ совершеннаго воздержанія отъ всякой пищи.

на заднихъ скамьяхъ. Невозмутимая тишина царила въ прыгунскомъ собраніи и во всей деревнѣ. Даже грудныя ребята, и тѣ какъ бы притихли и, прильнувъ къ грудямъ матерей, смотрѣли широко раскрытыми глазами на медленно сходившуюся и молча разсаживавшуюся толпу.

Ранѣе другихъ пришелъ и усѣлся на свое мѣсто, въ углу, самъ пророкъ Гаврило Валовъ и, не поднимая глазъ, сидѣлъ и ждалъ, пока всѣ сойдутся. Гаврилѣ было уже за сорокъ лѣтъ. Слѣды частыхъ постовъ и въ особенности частаго общенія съ духомъ, явственно отражались на его истощенномъ блѣдномъ лицѣ. Тусклые вялые глаза его смотрѣли неопредѣленно и апатично; ввалившаяся грудь и округленная сутуловатая спина указывали на его физическую немощность. Онъ былъ въ желтой верблюжьяго сукна поддевкѣ, изъ-подъ которой выглядывалъ жилетъ со стеклянными пуговицами. Сложивъ свои плетеобразныя длинныя руки, онъ просунулъ ихъ межъ крѣпко сжатыми колѣнями.

Когда хата совсѣмъ наполнилась, когда всѣ усѣлись по мѣстамъ и стихло всякое движеніе, Гаврило Валовъ, не подававшій и признаковъ жизни, вдругъ чуть не возопилъ, неожиданно вскочивъ съ мѣста:

«Покаемся, братцы! Исповѣдаемся передъ Господомъ всѣмъ сердцемъ въ совѣтѣ правыхъ! Аще кто согрѣшилъ или днесь согрѣшаетъ, ходатая имѣетъ къ отцу І. Христу *праведника*, и той молитъ объ очищеніи грѣховъ нашихъ».

Обведя всѣхъ глазами нѣсколько разъ, Валовъ какъ бы смягчившись добавилъ: «Братцы и сестрицы, не опоздали вы еще, покайтесь! Покайтеся всѣ!»

Гаврило трагически ударилъ себя въ грудь, откинулъ назадъ голову, воздѣлъ очи горѣ, простоялъ такъ съ минуту и еще разъ хвативши себя кулакомъ въ грудь, не сѣлъ, а рухнулся на скамью опустивъ голову низко, низко.

Всѣ присутствующіе зашептали молитвы. Всхлипывая, взвиз-

гивая и подергивая носами, заплакали и завыли бабы. Особый чинъ прыгунской духовной іерархіи, такъ называемый *молитвенникъ*, онъ же *сказатель*, нѣкто Иванъ Агальцовъ, сидѣвшій какъ разъ противъ самого пророка, всталъ съ мѣста, помѣстился по срединѣ собранія и, покачивая головой, какъ будто убѣждая послѣдовать пророческому наставленію, ждалъ, что выступятъ желающіе каяться, желающіе облегчить свою душу отъ тѣхъ грѣховъ, которые по всѣмъ вѣроятіямъ препятствовали осуществиться пламеннымъ и страстнымъ желаніямъ и надеждамъ дарачичагцевъ, избавиться отъ *нашествія иновѣрныхъ*.

Но желающихъ каяться не было, и Агальцовъ, прождавъ напрасно, усѣлся снова.

По прыгунскому разсужденію тотъ *праведникъ*, тотъ *ходатай*, о которомъ упомянулъ Валовъ, и есть избранный обществомъ *молитвенникъ*, или *читальникъ*, или *сказатель*, большею частію всегда одинъ изъ самыхъ почтенныхъ и уважаемыхъ людей. По убѣжденію прыгуновъ, именно этотъ праведникъ предназначенъ принимать исповѣдь, т. е. выслушивать раскаявающихся,—но обязанность его только и ограничивалась выслушиваніемъ исповѣди, ибо отпускать грѣхи онъ не властенъ и, выслушавъ исповѣдь, онъ только приглашаетъ всѣхъ молиться за раскаявшагося, сохраняя въ тайнѣ отъ общества сущность принесеннаго ему покаянія.

Свободному выбору каждаго кающагося предоставлено, согласно прыгунскихъ обрядовъ, или раскаяться непосредственно предъ Богомъ, или же, облегчивъ свою душу признаніемъ предъ *молитвенникомъ*, просить весь *совѣтъ правыхъ* т. е. собраніе помолиться за себя. Молитвенникъ, выслушавъ признаніе, объявляетъ обществу, что такой-то или такая-то исповѣдывались предъ нимъ во всѣхъ своихъ грѣхахъ и просили за нихъ помолиться,—что и совершается въ ближайшемъ собраніи. Дѣло кончается обыкновенно тѣмъ, что среди всякаго

пѣнья поютъ одинъ, два и болѣе лишнихъ, противъ обыкновеннаго, псалмовъ или собственнаго издѣлія духовныхъ пѣсенъ спеціально за покаявшагося и тогда грѣшникъ или грѣшница, уже офиціальнымъ образомъ, почитаются очищенными отъ грѣховъ и прощенными.

У прыгуновъ покаяніе играетъ первенствующую роль въ ряду всѣхъ прочихъ обрядностей и считается надежнѣйшимъ средствомъ достигнуть небеснаго царствія. Въ средѣ всѣхъ прыгунскихъ обществъ то и дѣло слышится громогласный призывъ какого нибудь мѣстнаго пророка къ покаянію. Случится-ли въ деревнѣ пожаръ, нагрянетъ-ли невзначай полиція, сбѣжитъ-ли прыгунская баба на квартиру къ чиновнику, немедленно поднимается переполохъ. Въ пожарѣ, въ наѣздѣ полиціи и въ бѣгствѣ бабы усматривается карающій за грѣхи перстъ Провидѣнія,—и затѣмъ всѣ приглашаются къ покаянію.

Кромѣ всѣхъ подобныхъ случаевъ, константиновцы спеціально каялись еще по случаю пріѣзда на лѣтнія кочевки обитателей губернскаго города. Каждый разъ, какъ только приближалось время такъ называемыхъ *кочевокъ*, константиновцы начинали молиться съ большимъ обыкновенно усердіемъ. Каждый разъ устроивались по этому случаю экстренныя собранія, и каждый разъ являлась у нихъ смутная надежда, что дачники не пріѣдутъ, что вышло такое распоряженіе чтобы не переѣзжать, что вышелъ *отказъ* потому «вишь ты, что изъ казны перестали деньги отпущать на кочевья», и каждый разъ приставскій эсаулъ, привозившій повѣстку и приказаніе о доставленіи подводъ, разсѣевалъ всѣ надежды.

«Покаемся, — вопили каждый годъ константиновскіе пророки,—молиться нужно рѣзче *), молиться намъ надоть... худо

---

*) Рѣзче—употребляется въ смыслѣ удерднѣй, скорѣй, лучше. Напр. говорятъ: рѣзче проси т. е. хорошенько проси; рѣзче поѣзжай; рѣзче бей и т. д.

мы просимъ Бога—ничего, вишь, съ нашихъ моленіевъ не выходитъ...»

Вслѣдъ за прыгунами также разсуждали не менѣе ихъ огорченные молокане и также собирались въ экстренныя собранія просить Бога объ избавленіи отъ нашествія...

На первый призывъ Валова однако не оказалось желающихъ покаяться. Агальцовъ всталъ еще разъ, еще разъ обвелъ глазами всѣхъ присутствующихъ, постоялъ и потоптался посрединѣ собранія,—но никто съ мѣста не поднимался, и даже бабій плачъ и всхлипываніе стали стихать. Даже прыгунъ Василій Хопровъ, многократно замѣченный въ нарушеніи всѣхъ заповѣдей прыгунскихъ скрижалей, занимавшійся пьянствомъ, открыто и неоднократно *увѣщеваемый* обществомъ,—тотъ самый Хопровъ, грѣхамъ котораго чуть ли не главнымъ образомъ прыгуны приписывали безплодность своихъ молитвъ и продолжающееся перекочевываніе губернскихъ чиновъ,—даже Хопровъ, обыкновенно очень охотно выступавшій съ покаяніемъ, и тотъ выдержалъ остановившійся на немъ взглядъ Агальцова и каяться не пошелъ. Иванъ Агальцовъ усѣлся окончательно, одновременно съ нимъ окончательно затихли вслипываніе бабъ и молитвенный шопотъ всѣхъ собравшихся. Но Гаврила Валовъ думалъ такъ, что этимъ не можетъ окончиться дѣло и потому самъ рѣшился еще разъ попытаться вызвать покаяніе. Съ треугольной полки, прибитой въ углу какъ-разъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ сидѣлъ, онъ снялъ тоненькую книжку, въ черномъ кожаномъ весьма обшмыганномъ переплетѣ съ мѣдными застежками, и раскрылъ ее предъ собою.

Книжка носила заглавіе: «Великая способность къ покаянію и разсужденіе о духовной зависти». Заглавіе это было выведено красными затѣйливыми буквами на первой страницѣ книжки. Раскрывъ книжку, Валовъ началъ читать: «Необходимая потребность истинной исповѣди есть признаніе во всѣхъ

грѣхахъ пресвитеру нашему. Всѣ святые, пророки и апостолы утверждаютъ, что всякій исповѣдывающійся долженъ объявить всѣ грѣхи свои, ни одного не утаить, не уменьшать ни мало, ниже украшать какими либо словами или причинами, но подробно представить ихъ такъ пресвитеру, какъ мы ихъ дѣлали и какъ они суть предъ Богомъ».

Валовъ закрылъ книжку и устремилъ свой вялый взглядъ въ полъ. Многіе откашлянулись, ожидая услышать пророческія словеса.

«Выходитъ теперича оно такъ, — заговорилъ Валовъ медленно, какъ-бы самъ съ собою раздумывая, — выходитъ, значитъ на подобіи судебной расправы. Виновникъ, значитъ, человѣкъ грѣшный, а свидѣтели-то, значитъ, собственная его совѣсть, ну, а судья—самъ Богъ вездѣприсутствующій!...

«Да, вишь ты, разница тутъ есть! Въ судебномъ-то мѣстѣ виноватый признается въ своей винѣ, такъ бываетъ осужденъ на смерть, а на судѣ Господнемъ, какъ кто признается въ винахъ своихъ, искренно въ оныхъ кается, то тотчасъ бываетъ прощенъ.

«Покаемся же, братцы и сестрицы, — добавилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ и обводя сидѣвшихъ передъ нимъ братцевъ и сестрицъ испытующими взглядами.—Кто грѣхъ за собой имѣетъ, вотъ выходи и повинись предъ праведникомъ!..»

Гаврила Валовъ слегка кивнулъ головой въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ праведникъ, т. е. Агальцовъ и еще разъ обвелъ глазами всѣхъ присутствующихъ, но, видя что увѣщанія не дѣйствуютъ и никто не шевелится, вздохнувъ сѣлъ на прежнее мѣсто. Во все время призыва къ покаянію большинство сидѣло не поднимая головъ, низко опущенныхъ на грудь.

Но Валовъ не захотѣлъ этимъ удовольствоваться. Онъ хотя и ясно понялъ, что на этотъ разъ ему не удалось подѣйствовать убѣжденіемъ на свою паству, но попытокъ вызвать кающихся онъ все-таки не оставилъ. Онъ опять взялся за ту же

книжку, изъ которой уже прочелъ нѣсколько строкъ, но перевернувъ нѣсколько страницъ, онъ сталъ съ разстановкою читать:

«Если ты, душа моя, хочешь спастися и съ Богомъ царствовать, то ты послушай сего наставленія: во-первыхъ, ты должна себя обдумать, всю себя умомъ своимъ провѣрить, съ самаго зачатія своего во чревѣ,—то что ты отъ природы, въ корени матери твоея, повреждена грѣхомъ или нечистотою. Съ тѣхъ поръ ничего ты предъ Богомъ и человѣкомъ благихъ дѣлъ не сотворила, но только жила на свѣтѣ, и что дѣлала, и что говорила, и что думала только ко всеобщему разврату и человѣкоугодному поступку и обычаю, поврежденному сатаною, а посему и мыслію не оправдывай себя, а прямо иди къ вѣрѣ искупителя Христа».

Пророкъ опять погрузился въ раздумье. Книжка была положена на столъ, голова опустилась на грудь и плетеобразныя руки съ крѣпко стиснутыми ладонями опять попали между колѣнями. Прошла минута полнаго безмолвія.

«Господи!—вдругъ воскликнулъ восторженно Валовъ, и на вяломъ лицѣ заиграла блаженная улыбка.—Господи! какъ покаешься-то, да душу облегчишь свою,—такъ вѣдь другой человѣкъ въ тебѣ проявится! Сутки будутъ для тебя малы и коротки для полезныхъ тебѣ благихъ дѣловъ, такъ что даже не можешь довольно насладиться сладостію молитвы и поста, милостыни и правды и чтеніемъ Слова Божья и внутреннимъ пѣніемъ въ сердцѣ своемъ. И жизнь-то твоя, вся какъ одни сутки твои будетъ простираться!» Валовъ передохнулъ и съ тою же блаженной улыбкой задумался.

«Некающіеся же, — отъ себя добавилъ самъ праведникъ Агальцовъ,—пусть подумаютъ объ озерѣ огненномъ, гдѣ огонь не угасаетъ и червь не умираетъ, гдѣ тьма кромѣшная и зубное скрежетаніе отъ жестокихъ мукъ бываетъ безъ конца!»

Много послѣ того и все на ту же тему говорилъ Валовъ и

еще, но однако и на этотъ разъ попытка вызвать покаяніе никакого успѣха не имѣла. Ни соблазны пророка тѣми будущими прелестями, которыя ожидаютъ раскаявшихся грѣшниковъ, ни угрозы праведника тьмой и «озеромъ огненнымъ», не вызвали ни одного желающаго облегчить свою душу признаніемъ въ грѣхахъ, и праведнику Агальцову не пришлось услышать на этотъ разъ ничьего покаянія.

Настала тягостная минута общаго молчанія. Пророкъ сжималъ колѣнями втиснутыя межъ ними худыя руки; праведникъ Агальцовъ все еще обводилъ глазами сидѣвшихъ и вопросительно на всѣхъ посматривалъ. Призываемые къ покаянію, съ своей стороны, видимо томясь подъ дѣйствіемъ направленныхъ на нихъ взглядовъ праведника, вздыхали, переминались и смотрѣли внизъ!.. Всѣ ждали чѣмъ окончится безплодный призывъ къ покаянію, но впрочемъ не сомнѣвались, что по примѣру не разъ уже бывшихъ случаевъ все разрѣшится обычнымъ заключительнымъ моленіемъ и цѣлованіемъ. Но неожиданно вышло совсѣмъ иначе.

IV.

На ближайшей къ Валову скамейкѣ сидѣли рядомъ прыгуны Петръ Юдинъ, Петръ Агальцовъ и Ѳедоръ Волковъ. Всѣмъ имъ было далеко за 50 лѣтъ, и за свою солидность и степенность они давно уже ходили, что называется, «въ старикахъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ были самыми серьезными конкуррентами Валова на первое мѣсто въ собраніи. Между всѣми четырьмя существовало давнее соперничество, именно изъ-за этого первенства, но Валовъ успѣлъ своею святостію затмить всѣхъ своихъ конкуррентовъ, и сдѣланное обществомъ признаніе Валова пророкомъ заставило остальныхъ трехъ временно сблизиться между собою и, образовавъ нѣчто въ родѣ тройственнаго союза, дѣйствовать сообща противъ общаго соперника.

Десять лѣтъ тому назадъ Валовъ былъ избранъ на прыгунскій тронъ, но удержался на немъ недолго, всего шесть мѣсяцевъ и, благодаря усердной работѣ своихъ завистниковъ и конкуррентовъ, скоро лишился этого званія, а, сойдя съ трона, съ того времени слылъ только пророкомъ и въ этомъ званіи пользовался большимъ почетомъ и уваженіемъ. Глухая вражда къ своимъ соперникамъ была Валовымъ скрыта подъ личиной благочестія, неизмѣнной покорности судьбѣ и полнаго смиренія. Эту личину благочестія и этотъ смиренный видъ онъ успѣлъ сохранить, побывавъ даже въ новой ссылкѣ въ Бакинской губерніи. Рѣдкостный въ своемъ родѣ актеръ, Валовъ превосходно владѣлъ собою и нѣсколько разъ напророчивъ удачно, а главное, ведя себя безукоризненно въ нравственномъ отношеніи въ глазахъ всего общества,—удерживалъ за собою въ собраніи первое мѣсто, не взирая на всѣ подвохи тройственнаго союза.

Соперники никогда не упускали случая свести между собою старые счеты, а случаевъ было довольно. Особенно дружно дѣйствовали противъ Валова Агальцовъ и Волковъ, также подвергнувшіеся вторичной ссылкѣ и вмѣстѣ побывавшіе въ Шемаинской губерніи, куда были высланы за «необузданныя направленныя къ потрясенію порядка суевѣрные толки» и откуда, вмѣстѣ же послѣ трехлѣтней отлучки возвратились назадъ, успѣвъ заявить предъ начальствомъ о своемъ полномъ раскаяніи и исправленіи.

На этотъ разъ тройственный союзъ припомнилъ еще не такъ давно сдѣланное Валовымъ предсказаніе о скоромъ прекращеніи «нашествія иноплеменныхъ»,—подъ чѣмъ разумѣлось не иное что, какъ ежегодный пріѣздъ дачниковъ. Но полученная отъ пристава повѣстка о снаряженіи подводъ и объ очисткѣ квартиръ для чиновниковъ доставила имъ теперь удобный случай возбудить предъ обществомъ сомнѣніе въ пророческомъ дарѣ Валова.

Этого пункта они сочли нужнымъ коснуться именно теперь. Только что Валовъ окончилъ свой и на этотъ разъ тщетный призывъ къ покаянію, а праведникъ Агальцовъ, безнадежно покачавъ головою, еще разъ пугнулъ упорствующихъ въ нераскаяніи «озеромъ огненнымъ, тьмой кромѣшной и зубнымъ скрежетаніемъ», то Юдинъ откашлявшись съ разстановкой произнесъ:

«Чего пужать-то?! Какая это тьма кромѣшная?!»

Въ тонѣ вопроса и въ особенности въ сопровождавшей его улыбкѣ, ясно слышалось сомнѣніе и насмѣшка, относившіяся равно къ обоимъ прыгунскимъ дѣятелямъ, безуспѣшно призывавшимъ къ покаянію.

Валовъ встрепенулся и не успѣлъ еще *праведникъ* собраться съ мыслями, чтобы отвѣтить, какъ Валовъ сдержанно-спокойно, но слегка дрожащимъ отъ волненія голосомъ отозвался:

«Какая это тьма кромѣшная?! А вотъ какая это тьма! Это будетъ значитъ, какъ-бы къ примѣру сказать огонь седмиричный, пламя ужастенное и жаръ страшенный...»

Тройственный союзъ ухмыльнулся. Юдинъ сомнительно покачалъ головой.

«Тамъ вишь о тьмѣ сказано,—перебилъ онъ его иронически,—а ты про огонь, да про жаръ, да про пламя... Тамъ тьма, а у тебя вишь свѣтъ!—Что-то какъ будто не ладно это будетъ...»

Онъ вновь покачалъ головою и добавилъ съ укоризною:

«Эхъ вы толковники!! Пророки называетесь... людей тоже учите... пламя, жаръ, огнь...»

Юдинъ еще разъ, съ величайшимъ сомнѣніемъ, качнулъ головой и улыбаясь посмотрѣлъ сперва на своихъ сообщниковъ, потомъ на пророка. Валовъ вскипѣлъ, но тотчасъ же овладѣлъ собой.

«Вѣрно что такъ, — началъ онъ возражать Юдину, не смотря ни на кого изъ сидѣвшихъ предъ нимъ.—Вѣрно это, что въ семь разъ огонь жарчѣе вотъ хоть бы свѣчи али лампы, по-

тому собственно и тьма кромѣшная прозывается; — объяснилъ онъ сдержаннымъ увѣреннымъ голосомъ.—По вашему же, коли лучше насъ знаете, какъ будетъ?» обратился онъ уже прямо къ тройственному союзу.

«А по нашему,—грубо отвѣтилъ Волковъ,—такъ, что коли ежели тьма, такъ ужъ будетъ тьма, а у тебя вонъ тьма та свѣтитъ да грѣетъ... ишь ты какой у насъ ученый».

Валовъ промолчалъ. Тройственный союзъ не скрывалъ своего торжества. На многихъ лицахъ показалась неопредѣленная улыбка. Сторонники Юдина, однако, болѣе никакихъ вопросовъ не поднимали, и затѣмъ настала неловкая для первенствующаго пророка тишина. Однако Валовъ, выждавъ съ минуту, оправился отъ пораженія и, видимо собравшись съ силами, вдругъ разразился цѣлою проповѣдью. Въ немъ заговорило и задѣтое самолюбіе и желаніе еще разъ отстоять первое мѣсто и еще сильнѣйшее желаніе дать наконецъ своимъ недругамъ генеральное сраженіе и, разбивъ ихъ на голову, оттѣснить ихъ окончательно на второе мѣсто и унизить въ глазахъ общества. Валовъ кипѣлъ и задыхался, но чѣмъ болѣе его пожирала жажда разнесть и уничтожить своихъ враговъ, тѣмъ болѣе покойнымъ голосомъ онъ говорилъ.

«Братцы и сестрицы,—обратился онъ къ собранію,—слыхали-ли вы какъ непорочныя души колеблются и сердца разумныя развращаются?! Возлюбленные христіане! Извѣстно-ли вамъ какъ въ человѣкѣ *духовная зависть* объявляется?! Во-первыхъ, влетитъ въ него завистный духъ и смотритъ на тѣхъ, которые сидятъ за столомъ и располагаютъ св. писаніемъ и пѣніемъ, а онъ (Валовъ головой указалъ на трехъ союзниковъ) вовсе и даже оченно мало знаетъ, а думаетъ въ сердцѣ своемъ: и меня бы посадили туды-то... и я бы, значитъ, не хуже ихъ справился, и мнѣ бы надоть промежду самыхъ первыхъ быть, а никому такъ-то не говоритъ, чтобы люди не знали, что онъ такъ-то думаетъ, а и гдѣ выпуститъ слову какую людямъ, то

и бѣжитъ скорѣе какъ бы утушить и является имъ добрымъ человѣкомъ и говоритъ потомъ: я такъ-молъ запросто сказалъ, я молъ ничаво хорошій да добрый. А самому бы ему должно бы покориться и проститься (т. е. прощенія просить), да предъ праведникомъ покаяться, да общество попросить помолиться за себя, а ему вишь завистный духъ запрещаетъ... Вотъ она, братцы и сестрицы, какая бываетъ *духовная-то зависть*!»

Пророкъ перевелъ духъ. Объяснивъ такъ наглядно, и притомъ съ совершенно прыгунской точки зрѣнія, что такое духовная зависть, Валовъ на минуту остановился, и потомъ, не давая соперникамъ опомниться, воскликнулъ:

«Помолимся же братцы и сестрицы за всѣхъ православныхъ христіанъ, наипаче же о врагахъ нашихъ и завистникахъ духовныхъ!»

Онъ быстро сталъ на колѣни. Сложивъ на груди руки, онъ залпомъ прочелъ съ десятокъ молитвъ, все болѣе и болѣе умиляясь и все болѣе растрогиваясь. Всѣ стояли также на колѣняхъ и молились также сложа руки. Изобличенные завистники молча послѣдовали общему примѣру и поверглись на колѣни вслѣдъ за другими.

«Не ищите раздѣленія, и не желайте разлуки!—проповѣдывалъ Валовъ по прочтеніи молитвъ, все стоя на колѣняхъ, но обращаясь къ обществу.—Не завидуйте, не раздѣляйтесь! Всѣ связи тѣлесной любви и державы расторгнутся тогда силою всемогущаго Бога и сердца ваши обратятся въ чувство иное... Все созданіе вѣка сего превратится тогда къ новое устроеніе и благодатнаго царства мира Господа нашего І. Христа, царя славы на земли не станетъ».

И переждавъ съ минуту Валовъ пустился импровизировать риѳмами. *Пророческій ликъ* явился! Нѣкоторые повалились на землю и лежали, не поднимая головъ; многіе, напротивъ, встали и, пристально вглядываясь въ лицо пророка, превратились въ слухъ и вниманіе. На распѣвъ Валовъ заговорилъ:

Ахъ несчастные тѣ сродники, кои будутъ оставаться.
И съ кровавыми слезами другъ съ другомъ разставаться!
Въ оный горькій часъ распрощаться,
И обильными слезами станутъ заливаться,
Сердца, распаленныя, кровью замираться,
И многіе будутъ объ землю до смерти убиваться!

И тогда обратился Валовъ къ тремъ соперникамъ: всѣ завистники, съ великимъ изнеможеніемъ, изъ глубины сердца скажутъ:

Лучше-бы намъ умерети
Нежели съ вами разлучно быти?

«Любезные смотрите!—обратился Валовъ ко всѣмъ своимъ слушателямъ, какъ бы своими нерадѣніями и завистями намъ не дождаться той ужасной разлуки! Пока, заблаговременно, всѣми силами бдите, молитеся, поститеся, просите Бога всемогущаго, дабы онъ соединилъ всѣхъ васъ въ одну званію!»

Тутъ Валовъ поднялъ руки вверхъ, какъ-то передернулъ всѣмъ корпусомъ и началъ было слегка притоптывать и приплясывать, успѣвъ однако сразу поднять порядочную пыль, но вдругъ остановился, задумался, громко съ какимъ-то стономъ вздохнулъ, заломилъ еще разъ руки за голову, потомъ стиснулъ ихъ такъ, что хрустнули кости и опять заговорилъ риѳмами:

Со любовью другъ къ другу соединяйтесь,
Отъ различнаго смущенія удаляйтесь,
Въ различномъ дѣйствіи не ожесточайтесь,
Духовной зависти не поддавайтесь и т. д...

Такая стихотворная импровизація продолжалась съ четверть часа. Валовъ торжествовалъ. Изобличенные завистники поникли головами и не рѣшались ни возражать, ни протестовать. Всѣ поняли, къ кому относилось пророческое слово бывшаго царя, а нынѣ пророка Гавріила Валова, всѣ какъ будто еще болѣе убѣдились и въ его несомнѣнномъ пророческомъ дарѣ, и еще болѣе

чѣмъ прежде признали его первенство. Даже тѣ, которые ближе стояли къ разбитымъ на-голову врагамъ пророка, немного посторонились и отошли въ сторону, такъ что союзники временно остались одни. Но потомъ все успокоилось. Всѣ вновь усѣлись, и такъ какъ по тѣснотѣ избы не могло быть отведено особое мѣсто для обличенныхъ пророкомъ духовныхъ завистниковъ, то они какъ и прежде расположились на одной скамьѣ съ другими.

Послѣ длинной паузы началось чтеніе разныхъ мѣстъ изъ св. писанія, потомъ стали пѣть, потомъ опять читали и опять пѣли, а завистники не поднимали своихъ головъ и какъ-бы замерли на мѣстѣ.

Валовъ по временамъ взглядывалъ въ ихъ сторону какъ бы вызывая ихъ на бой и, ожидая еще какихъ нибудь возраженій, готовился дать вновь отпоръ, но завистники не думали ни о какихъ протестахъ и успокоенный Валовъ, вставъ, провозгласилъ:

«Ну, братцы, теперь помолимся!»

Всѣ встали, скамейки сдвинули къ углу; подъ ноги Валову подстелили небольшой коврикъ. Онъ вновь сложилъ на костлявой груди руки и растроганнымъ, слезливымъ голосомъ принялся читать молитву за молитвой и читалъ ихъ не менѣе полчаса. Потомъ всѣ присутствовавшіе по три раза перецѣловались, да по два раза перекланялись другъ другу, потомъ еще постояли минуту въ безмолвіи и безъ пѣсенъ тихо разошлись по домамъ. Духъ ни на кого не сошелъ, никто на этотъ разъ не прыгалъ и Валовъ громко объявилъ, что сошествію духа препятствуютъ единственно грѣхи пораженныхъ духовною завистью, но вмѣстѣ съ тѣмъ увѣщевалъ не отчаяваться и возложить упованіе на милосердіе Божіе, заявляя, что духъ явится коль скоро исчезнетъ угнѣздившаяся въ нѣкоторыхъ зависть.

Въ томъ же мрачномъ настроеніи, въ какомъ прыгуны сошлись на собраніе, они разошлись по домамъ. Почти трехчасовая молитва не могла изгнать мысли о скоромъ съѣздѣ дачни-

ковъ, а непріятный эпизодъ столкновенія пророка съ тройственнымъ союзомъ еще усугубилъ горечь ожиданія этого съѣзда.

День близился къ вечеру. Мягкій, еще совсѣмъ весенній, вѣтерокъ освѣжалъ изнуренныя лица и отощавшія фигуры расходившихся по домамъ добровольныхъ постниковъ. У каждаго было на душѣ тяжело и скверно. Наступавшіе дни сулили одни непріятности и болѣе ничего. Виднѣвшаяся изъ Константиновки Долина Цвѣтовъ, уже обнаженная отъ своего роскошнаго весенняго убора, также нисколько не радовала взоровъ и своимъ унылымъ видомъ довершала гнетущее впечатлѣніе, вынесенное, изъ собранія. Она уже сбросила свой ярко-пестрый покровъ и, вмѣсто тысячи живыхъ оттѣнковъ и переливовъ, казалась сплошной сѣрой безжизненной пустыней съ грудой мертвыхъ камней и высохшихъ сѣрыхъ комьевъ грязи. Опустивъ головы, медленно направлялись по своимъ хатамъ прыгуны, а взглянувъ на еще недавно сіявшую и ликовавшую, а теперь помертвѣвшую Долину Цвѣтовъ, они потащились еще медленнѣе и еще ниже опустили свои головы.

V.

Въ то же время, на другомъ концѣ Константиновки, въ домѣ молоканина Анисима Маркова, происходило молоканское *собраніе*. Хотя и здѣсь многихъ, если не большинство собесѣдниковъ, угнетала тяжелая мысль предстоящаго пріѣзда *господъ* и трехмѣсячнаго ихъ пребыванія, но общее настроеніе молящихся было здѣсь далеко не такъ подавлено и мрачно, какъ у прыгуновъ.

Въ просторной избѣ Маркова собравшіеся молокане разсѣлись широко и удобно. На лицахъ не было замѣтно особеннаго унынія; здѣсь никто не пророчествовалъ, ни на кого не сходилъ никакой духъ, а слѣдовательно никого не дергало и

не корчило. Пыль въ хатѣ здѣсь не стояла столбомъ отъ притоптываній и приплясываній какого нибудь духодѣя, какъ это случалось въ прыгунскомъ собраніи, а бесѣда шла степенно и толково. Въ широкихъ сѣняхъ, примыкавшихъ къ избѣ, затѣялись даже между парнями и дѣвками совсѣмъ не подходящія къ дѣлу шутки и заигрыванія, что однако до стариковъ, чинно засѣдавшихъ внутри хаты, не доходило. Только-что иная дѣвка захочетъ умилиться и, сдѣлавъ строгую серьезную физіономію, начнетъ прислушиваться къ бесѣдѣ, происходившей въ собраніи, какъ стоявшій рядомъ или сзади парень задавалъ ей щипка или совсѣмъ не изящно дергалъ за одну изъ лентъ, вплетенныхъ въ толстую косу или наконецъ изловчался подтолкнуть локтемъ,—вызывая каждый разъ тихій, но энергическій протестъ.

Въ собраніи шла бесѣда на излюбленную для всякаго закавказскаго сектанта тему о превосходствѣ *своей* вѣры надъ всякой другой прочей, и на этотъ разъ шла рѣчь именно о превосходствѣ вѣры молоканской надъ всѣми другими прочими, а въ особенности надъ прыгунской. Уже многое множество разъ предметъ этотъ обсуждался самымъ, если не разностороннимъ, то самымъ продолжительнымъ образомъ и всякій разъ обсуждавшіе единогласно приходили къ тому заключенію, что *первѣе* молоканской вѣры нѣтъ, да едвали и было. Въ особенности находили это превосходство въ томъ, что ихъ молоканская церковь *невидимая;* а всѣ другія, исключая впрочемъ прыгунской, *видимыя.*

Прочли два раза по цѣлой главѣ изъ библіи, потомъ изъ прочтеннаго нѣсколько строкъ пропѣли, потомъ, какъ-то незамѣтнымъ образомъ, опять заговорили о невидимой церкви и такимъ образомъ опять возвратились къ прежней темѣ. За *невидимымъ образомъ* и невещественнымъ кадиломъ и ѳиміамомъ послѣдовало *невидимое помазаніе, невидимое крестное знаменіе, невидимое причастіе* и даже, наконецъ, *невидимое моленіе.* Ви-

димаго уже ничего не оказывалось и оставалось только доказывать невидимость собравшагося собранія, но до этого однако не дошли. Все болѣе и болѣе расширяя понятіе о невидимой церкви, молоканскіе толковники были, какъ кажется, тутъ немного себѣ на умѣ и, устанавливая, что все должно быть невидимо, они этимъ очень облегчали самимъ себѣ исполненіе тѣхъ требованій, которыя предъявляла молоканская вѣра. Изъ всѣхъ религіозныхъ обязанностей оставалась видимой только обязанность посѣщать собраніе,—а это уже было не особенно тяжело.

Прыгуны, также придерживаясь ученія о невидимой церкви и придавая также символическое значеніе всякимъ обрядностямъ, присоединяютъ ко всему этому еще убѣжденіе о непремѣнномъ присутствіи между ними и воздѣйствіи на нихъ духа. Они, какъ и молокане, считаютъ что и церковь, и моленіе, и образъ все должно быть невидимо, однако собственно свое моленіе и общеніе съ духомъ они выражаютъ весьма *видимыми* знаками и именно—духовной пляской, даже не пляской, а какимъ-то довольно нелѣпымъ кривляньемъ, ломаньемъ и выворачиваніемъ всего тѣла.

Молоканское собраніе въ домѣ Маркова окончилось точно такъ же, какъ и прыгунское. Покончивъ съ чтеніемъ, пѣніемъ и разговорами всѣ, по знаку молитвенника, встали, сдвинули скамейки въ сторону, сложили на груди руки и принялись молиться. Нѣсколько разъ вслѣдъ за молитвенникомъ всѣ становились на колѣни, потомъ вставали, потомъ опять становились. Нѣсколько разъ молитвенникъ, какъ будто кончая, произносилъ «аминь»,—но тотчасъ опять начиналъ новыя молитвы, сопровождая ихъ тяжелыми вздохами, воздѣваніемъ рукъ къ небесамъ и частыми земными поклонами. Наконецъ молитвенникъ произнесъ въ послѣдній разъ «Аминь»,—всѣ еще разъ глубоко вздохнули, розыскали свои шапки и толпой вышли изъ собранія.

Молокане расходились по своимъ хатамъ, хотя и не въ такомъ мрачномъ настроеніи духа какъ прыгуны, однако тяжело шагая къ домамъ; каждый не разъ вспомнилъ, что черезъ нѣсколько дней пріѣдутъ *господа* и тогда, хотя никто не будетъ имъ препятствовать и запрещать молиться и разсуждать о вѣрѣ, но все-таки это уже не будетъ такъ свободно, какъ тогда, когда господъ нѣтъ.

Впрочемъ, мрачное настроеніе обитателей Долины Цвѣтовъ обыкновенно продолжалось недолго. Трудовая жизнь въ полѣ, заботы о заготовленіяхъ на зиму, и свойственная русскому поселенцу за Кавказомъ наклонность къ пріобрѣтенію и увеличенію своихъ «достатковъ», волей-неволей оттѣсняла на второй планъ всѣ помыслы о нѣкоторыхъ препятствіяхъ къ свободному отправленію ихъ незамысловатыхъ религіозныхъ обрядовъ. Къ концу *кочевокъ,* т. е. къ концу августа всѣ уже посматривали значительно веселѣе отчасти въ ожиданіи близкаго избавленія, отчасти, примирившись съ суетой и движеніемъ, вносимыми пришлецами. Являлись даже охотники ходить съ господами «за дичью», а ходя за дичью уже само собой нельзя было не попробовать носимыхъ господами съѣстныхъ припасовъ, что прыгунской и молоканской *вѣрой* строго-настрого воспрещалось, какъ общеніе съ нечистотой. Молодые парни, не очень еще окрѣпшіе въ своихъ воззрѣніяхъ, были даже не прочь покурить господской папироски и хлебнуть господскаго винца, упрашивая однако господъ скрыть эти грѣхи отъ строгихъ «родителевъ», ибо такое нарушеніе каралось такимъ «возжаньемъ» и такими «тасками», что очень побуждало къ осторожности.

Молодыя бабы также были не прочь попить господскаго чайку, и сначала приносили для этого свои собственные стаканы и блюдечки, а потомъ не гнушались и господскими, находчиво объясняя, что соприкосновеніе съ нечистымъ имъ въ этомъ случаѣ вредить не можетъ, ибо господская нечисть

къ стеклу не пристаетъ. Словомъ такъ или иначе, а къ концу кочевокъ, за малыми исключеніями, всѣ болѣе или менѣе осквернялись отъ сближенія съ господами и потому первая послѣ отъѣзда господъ приносимая жертва,—такъ называемая *жертва отъ радости*,—носила характеръ сугубаго покаянія за грѣхи вольные и невольные.

Сектаторское селеніе Н. Ахты, замыкавшее Долину Цвѣтовъ съ другой стороны, сравнительно съ Дарачичагомъ, пользовалось спокойствіемъ и наѣздамъ господъ не подвергалось вовсе. Ахтинцевъ только и тревожили высылкой подводъ для перевозки губернскихъ чиновъ на кочевку, но на этомъ всѣ обязанности ихъ кончались и никакого постоя у нихъ не полагалось. Потому нижне-ахтинскіе сектанты и лѣтомъ, какъ и во всѣ прочія времена года, не нарушали своей жизни и возбуждали тѣмъ великую зависть своихъ сосѣдей дарачичагцевъ. Не оскверняясь ни малѣйшимъ соприкосновеніемъ съ иновѣрцами, не измѣняя обычнаго теченія своей религіозной жизни, нижне-ахтинцы очень этимъ гордились предъ ежегодно оскверняемыми дарачичагцами и старались даже, насколько было возможно, временно прекратить всякія сношенія съ дарачичагцами, признавая ихъ достойными своего общенія только послѣ того, какъ дарачичагскія избы были тщательно провѣтрены отъ табачнаго запаха и сами обитатели Дарачичага, цѣлымъ рядомъ очистительныхъ жертвъ, вновь пріобрѣтали право и пить и ѣсть и молиться вмѣстѣ съ единовѣрцами, сохранившимися въ чистотѣ.

IX.

Прыгунскія жертвоприношенія.

I.

Обстоятельства сложились такъ, что нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ водворенія моего въ центрѣ сектантства знакомство и довѣріе ко мнѣ со строгоны *вредныхъ и особенно вредныхъ* были полныя. Не было не только отчужденности и свойственнаго сектанту качества сторониться отъ всякаго не своего, а напротивъ, несговорчивые и иногда нелюдимые сектанты нисколько при мнѣ не стѣснялись въ отправленіи своихъ обрядовъ и наперерывъ зазывали меня къ себѣ «посмотрѣть», да «послухать».

«Батька прислалъ! — докладывалъ мнѣ парень лѣтъ пятнадцати, переминаясь съ ноги на ногу и вертя въ рукахъ свою шапку,—батька сказывалъ: зови мирового къ Ефиму Рыбалкину... въ домъ, значитъ, зови... Тамъ сейчасъ хоронятъ... Такъ, батька сказывалъ, — мировой побывать хотѣлъ... нашу церемонію посмотрѣть... значитъ, наши порядки на счетъ погребеніевъ...»

И я отправлялся смотрѣть похоронные порядки.

Черезъ нѣсколько времени являлся другой такой же парень.

«Василій Лемешовъ прислалъ,—докладывалъ онъ...—Самъ хотѣлъ быть, да не случилось, такъ дослалъ меня... Добѣги, го-

ворить, до нашего судьи... вишь, Анохинская Ѳекла родила... такъ сегодня *нарекать* будутъ... Можетъ быть, захотятъ нашу крещенію посмотрѣть...»

И я отправлялся смотрѣть «крещенію» и присутствовалъ, какъ нарекали, т. е. просто, какъ давали имя Анохинскому ребенку.

«Здравствуйте! — вваливалъ самолично въ своихъ овчинахъ самъ коноводъ мѣстнаго прыгунства, *молитвенникъ*, *сказатель*, а подчасъ и *пророкъ*, Пименъ Лубинъ. — Что́-жъ! Пойдете къ намъ!—объявлялъ онъ мнѣ.—Ввечеру сегодня собираемся...»

«А прыгать будете?» спрашиваю я.

Пименъ сначала ухмыляется, а потомъ сразу дѣлается серьезенъ.

«Прыгать?!—спрашиваетъ онъ. — Никакихъ прыганьевъ у насъ нѣтъ, а если вы на счетъ *духа*... такъ это какъ прикажетъ Господь! Прикажетъ — и будетъ... не прикажетъ — и не будетъ... Вѣдь оно разъ на разъ не приходится. Не отъ насъ *оно* приходитъ-то! А вотъ Писанія—такъ это точно, почитаемъ... ну да еще попоемъ... Такъ пойдемте, ай нѣтъ?»

И вмѣстѣ съ Пименомъ мы отправлялись въ такъ-называемое собраніе, гдѣ и просиживали до полночи за Писаніемъ, пѣніемъ и въ ожиданіи сошествія духа.

Однимъ словомъ, я безпрепятственно присутствовалъ и свободно наблюдалъ проявленія такъ-называемыхъ зловредныхъ оказательствъ.

Прежде всего мнѣ пришлось побывать на прыгунской свадьбѣ.

Прыгуны, вопреки предположеніямъ и завѣреніямъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ изслѣдователей, придерживаются положительно *единоженства* и всякія нареканія и упреки на этотъ счетъ совершенно неправильны. Порядокъ ихъ развода—брачные обычаи, свадебныя церемоніи нѣсколько похожи на древне-еврейскія. Нарушеніе цѣломудрія однако не карается, по примѣру

временъ ѳеократическихъ — побиваніемъ каменьями, но за то нарушившихъ святость брака дуютъ палками, возжами, кнутами и другими орудіями изъ крестьянскаго быта. Прочность такихъ браковъ поддерживается обычаями, которые иной разъ сильнѣе законовъ, а потому утверждать, что прыгуны и другіе сектанты совершенно не признаютъ браковъ, кажется неправильно.

«Свадьба у насъ идетъ! — объявилъ мнѣ какъ-то разъ въ субботу вечеромъ Мишка Любинъ, шустрый мальчуганъ лѣтъ двѣнадцати.—Ѳедоръ Рыбкинъ беретъ Катьку... небось видали— здоровая такая... такъ батька послалъ въ вамъ, сказывалъ — можетъ, мировой придетъ, спроси молъ его!»

«Скажи, что приду».

«Ну такъ къ Рыбкину-то въ хату приходите... тамъ ужъ началось... на самомъ краю селенія, направо послѣдній дворъ.. Послѣ-то, значитъ, свадьбы будетъ *жертва*», добавилъ Мишка и стремглавъ помчался на свадьбу.

Въ чемъ заключаются прыгунскія жертвы— я еще не зналъ, и потому поспѣшилъ отправиться по указанію.

Въ хатѣ Рыбкина была невообразимая тѣснота. Двери были отворены настежь, но это не уменьшало ни смраду, ни духоты, наполнявшей не очень просторную комнату. Вплотную сидѣли и стояли на лавкахъ и около лавокъ мужчины, женщины, парни, дѣвки и ребята всѣхъ возрастовъ. Задніе ряды наваливались на передніе. Сѣнцы и крыльцо были полны народомъ.

Посреди хаты стоялъ «сказатель» Пименъ, совершавшій обрядъ. Около сказателя оставалось пол-аршина свободнаго мѣста. Сказатель, мужичекъ среднихъ лѣтъ, такой же какъ и всѣ, сѣрый и взъерошенный, былъ одѣтъ въ такую же какъ и другіе свиту изъ верблюжьяго желтаго сукна. Только замасленная книга, которую онъ держалъ въ рукахъ, отличала его отъ всѣхъ присутствующихъ.

Женихъ въ новомъ кафтанѣ, съ яркимъ кушакомъ вмѣсто пояса, стоялъ рядомъ съ невѣстой, на-глухо закрытой какимъ-то темнымъ шелковымъ покрываломъ. Брачная пара стояла за спиною сказателя. По сторонамъ жениха и невѣсты стояли какіе-то парни, нѣчто въ родѣ дружекъ съ расшитыми полотенцами, за концы которыхъ держались новобрачные.

Обрядъ только-что начался. Женихъ и невѣста, ведомые дружками, вмѣстѣ вышли изъ-за перегородки, въ той-же комнатѣ. Толпа заколыхалась и немного пораздвинулась. Въ заднихъ рядахъ кто-то пискнулъ, часть публики была вытѣснена за двери и на короткое время предъ сказателемъ образовалась свободная площадка, на которой появились отецъ и мать жениха. Женихъ каждому изъ нихъ отвѣсилъ по три земныхъ поклона, встряхивая каждый разъ падавшими на лобъ кудрями, и отвѣсивъ поклоны, такъ и остался на колѣняхъ... Отецъ и мать одновременно возложили ему руки на голову, а отецъ громогласно произнесъ:

«Буди чадо наше... благословенъ Богомъ вышнимъ! Да благословитъ тебя Господь отъ Сіона и узришь благая Іерусалима во всѣ дни живота твоего... И да почіетъ миръ на главѣ твоей во вѣки вѣковъ. Аминь!..»

Отецъ и мать отошли. Женихъ поднялся съ земли. Къ нему подвели невѣсту и поставили ихъ рядомъ.

Сказатель между тѣмъ перелистывалъ какую-то книжку и, розыскавъ нужную страницу, громко крикнулъ жениху и невѣстѣ.

«Говорите за мной! Мы нижепоименованные рабы Бога живаго обѣщаемся предъ Всемогущимъ Богомъ, предъ св. его евангеліемъ и предъ св. его церковью, что по повелѣнію закона Божія желаемъ совокупиться *законнымъ бракомъ*, по благословенію и согласію нашихъ родителевъ и по собственному нашему желанію, съ тѣмъ, чтобы безъ нарушенія заповѣдей божьихъ между нами наблюдено было ложе нескверно и вѣрность и да удалимся отъ блуда и прелюбодѣйства до скончанія нашей жизни».

«Помните-же, — добавилъ отъ себя Пименъ, — теперича, вишь, какъ сказано,—и онъ ткнулъ пальцемъ въ книжку, —въ *законный*, значитъ, бракъ вступаете! Это не то, чтобы смѣшки какіе... али тамъ пришелъ на посидѣлки, да поговорилъ... да потомъ ушелъ... Тутъ теперь шабашъ... На всю жизнь не разлучаться, не расходиться... Вонъ и по свидѣтельству Павла апостола выходитъ, что «привязался еси къ женѣ не ищи разрѣшенія»... Также точно и жена отъ мужа», обратился Пименъ къ новобрачной.

«Теперь, женихъ, — обратился Пименъ къ Рыбкину, — говори ты: «Не поиму жену иныя кромѣ сія еже ю поемлю».

«А ты невѣста,—продолжалъ Пименъ, обращаясь къ ней, — говори: «Не буду имѣть другого мужа кромѣ сего, за него же посягаю».

Невѣста и женихъ повторили эти слова за Пименомъ. Пименъ послѣ того повернулся къ обществу и трижды громко вопросилъ:

«Слышите мужіе? Ѳедоръ Ѳедосѣевъ Рыбкинъ и Катерина Архиповна Бочкина, передъ церковью, передъ всею церковью засвидѣтельствовали, что *въ законный бракъ* вступаютъ по согласію своему и родителевъ своихъ. Слышите?»

И толпа трижды гаркнула:

«Слышали! Всѣ слышали!»

На этомъ, однако, не кончилось. Изъ толпы съ трудомъ протискался отецъ невѣсты; онъ взялъ за руку свою дочь, отвелъ отъ жениха въ сторону, насколько позволяло мѣсто, потомъ опять подвелъ къ нему и, продѣлавъ эту церемонію, торжественно проговорилъ:

«Се выдаю дщерь мою тебѣ въ жены. По повелѣнію закона Божія поими ю и отведи къ отцу твоему».

Онъ вручилъ жениху руку невѣсты. Она, и такъ уже низко склонившая голову, можетъ быть отъ стыдливости, а можетъ быть отъ духоты и тяжести головныхъ покрововъ, послѣ

словъ отца зардѣлась еще больше и наклонила голову еще ниже.

Послѣ этого Пименъ прочелъ изъ своей книжки многое множество молитвъ и самыхъ разнообразныхъ для семейной жизни наставленій. Отрываясь иногда отъ чтенія, Пименъ начиналъ импровизировать по поводу прочитаннаго, потомъ опять заглядывалъ въ книжку и, розыскавъ при помощи указательнаго перста мѣсто, гдѣ остановился, продолжалъ читать. Наконецъ онъ закрылъ книгу окончательно, спряталъ ее за пазуху и громко произнесъ:

«Повяжите ее *женою*!» И онъ указалъ кивкомъ головы на новобрачную. Тотчасъ подошла подруга новобрачной. Темное покрывало сняли съ головы невѣсты, изъ-подъ него вытащили новый свѣтлый шелковый платокъ, сложили косынкой и обмотали голову раскраснѣвшейся невѣсты. Не поднимая глазъ, она тотчасъ стала рядомъ съ своимъ молодымъ мужемъ, также упорно смотрѣвшимъ въ полъ.

Обрядъ былъ конченъ и *законный* бракъ совершенъ. Толпа хлынула на дворъ. Тамъ на минуту всѣ пріостановились, выстроились въ ряды, окружили новобрачныхъ и, двинувшись за ворота, стройно запѣли:

Сей день вамъ праздникъ данъ
То бо есть знакъ свѣтлый!
То бо есть знакъ милый!
Избытки, великіе прибытки...
Нетлѣнный вѣнчается
Богомъ величается!
Мало горевати!
Пойте, воспойте!
Хвалите превозносите!
Богу—Богомъ, Царю царемъ
Господеви Господомъ
Единому премудрому,
Нетлѣнному превѣчному,

Невидиму Богу нашему
Спасителю Вседержителю,
Нашему главному управителю,
Паствы нашей предводителю
Честь и слава во вѣки вѣковъ.
Аминь...

Подъ звуки этого самодѣльнаго гимна толпа медленно шествовала по улицамъ селенія въ домъ новобрачнаго, гдѣ уже былъ накрытъ столъ и все приготовлено для такъ-называемой *жертвы*.

Новобрачные принадлежали къ сектѣ прыгуновъ, а по прыгунскому катехизису *жертва* понимается весьма широко. Относительно того, что именно слѣдуетъ называть жертвой, можно найти разсужденія въ такъ-называемомъ «Обрядѣ»—особой книжицѣ, мѣстами очень темной, а мѣстами и очень странной. Объ этой жертвѣ также говорятъ и заповѣди, разумѣется, въ прыгунскомъ ихъ изложеніи, и вопросъ о жертвѣ часто служитъ темой для бесѣдъ, какъ во время самыхъ жертвъ, такъ и послѣ нихъ, т. е., проще говоря, и до и послѣ сытнаго, длиннаго, жирнаго и изобильнаго обѣда или ужина. Ухитрившись простой ѣдѣ придать названіе *жертвы Богу*, прыгуны, уже послѣдовательно, не считаютъ никакого *общаго* обѣда простымъ обѣдомъ, а ужина—простымъ ужиномъ, а все величаютъ жертвами и жертвоприношеніями.

Въ ходячемъ по рукамъ прыгуновъ сочиненіи «Душевное зеркало» сдѣлано даже довольно точное росписаніе всѣхъ тѣхъ случаевъ, когда требуется приносить жертвы. «Жертвы, или *обѣды*, сказано въ этомъ «Зеркалѣ», бываютъ *отъ радости, о благополучіи, о здравіи, о избавленіи отъ какихъ-либо бѣдъ, объ умершемъ, о согрѣшившемъ*» и т. п. По наставленію «Зеркала», жертвѣ всегда долженъ предшествовать *постъ для очищенія*, самая же жертва непремѣнно должна начинаться напоминаніемъ всѣмъ присутствующимъ о томъ событіи, которое послужило поводомъ для жертвы, и затѣмъ, если жертва прино-

сится о согрѣшившемъ, то самъ грѣшникъ, или лица заинтересованныя въ прощеніи его грѣховъ, просятъ всѣхъ собравшихся братьевъ и сестрицъ молиться о согрѣшившемъ, послѣ чего уже приступаютъ къ ѣдѣ. Если обѣдъ «отъ радости», то испытавшіе эту радость торжественно благодарятъ Бога за радость и опять обращаются къ братцамъ и сестрицамъ съ просьбою присоединиться и къ радости, и къ благодарности за эту радость, а затѣмъ уже начинается, въ установленномъ порядкѣ, съ промежуточными пѣснями и бесѣдами, обѣдъ, который длится 2, 3, 4 и болѣе часовъ.

Въ толкованіяхъ, приложенныхъ къ десяти заповѣдямъ въ особой прыгунской ихъ редакціи, приводится также взглядъ о важности и серьезности этихъ жертвоприношеній. При разъясненіи, напр., четвертой заповѣди говорится, что очистительная жертва должна быть принесена: «если ты только тѣмъ отличалъ седьмой день, что старался поскорѣе напечь да наварить сладкаго, да нарядиться какъ можно лучше, да наѣсться хорошей пищи, да походить по улицамъ, да повидаться съ милыми». А въ другомъ мѣстѣ требуется также очистительная жертва: «если кто ходилъ на обѣды ѣсть жертву Господню только для насыщенія чрева, а не со страхомъ умѣренности, ради Бога, для очищенія грѣховъ и своихъ, и *собирающаго* обѣды».

Такъ понимаютъ прыгуны *жертву* въ дѣйствительности; въ «Обрядѣ» же и другихъ книжкахъ, кромѣ того, разъяснено: «Жертву разумѣемъ, по свидѣтельству Давида,—Богу духъ сокрушенный, сердце сокрушенно и смиренно». Въ другомъ же мѣстѣ говорится, что жертва уже не есть Богу духъ сокрушенный, а есть только *милостыня*. «И грѣхи твои милостынями искупи, и неправды твоя щедротами о убогихъ, — посему разумѣемъ вмѣсто приношенія жертвы—*милостыню*».

II.

Такимъ образомъ, если вѣрно, что прыгунская жертва всегда сопровождается ѣдой, и притомъ ѣдой обильной, то изъ всѣхъ прыгунскихъ разсужденій на счетъ значенія этой ѣды все-таки никакъ нельзя вывести ничего болѣе или менѣе яснаго о томъ, что̀ такое по ихъ понятіямъ *жертва*. Въ своихъ радѣніяхъ они представляются не иначе, какъ съ сокрушеннымъ духомъ и смиреннымъ сердцемъ; но что́ касается до подачи милостыни, ни молокане, ни прыгуны, ни другіе сектанты щедростью не отличаются. Свойственная вообще русскому человѣку готовность творить милостыню нисколько не привилась къ закавказскому сектанту и забредшему въ сектантское селеніе нищему—армянину или татарину (русскихъ почти не встрѣчается) отъ всѣхъ щедротъ отпускается въ котомку, самое большое, что кусокъ черстваго хлѣба или далеко неполная пригоршня пшеницы.

Въ домѣ новобрачныхъ жертвенный столъ былъ уже вполнѣ снаряженъ, когда свадебная процессія вступила съ пѣніемъ во дворъ, съ пѣніемъ вошла въ хату и, все продолжая пѣніе, размѣстилась за нѣсколькими накрытыми столами. Сказатель и старики усѣлись въ дальній отъ входа. Молодые сѣли рядомъ, противъ нихъ; остальные размѣстились какъ попало. Комната оказалась набитою биткомъ; сидѣли вплотную, плечомъ къ плечу, и многіе сейчасъ же освободились отъ полушубковъ и кушаковъ, не говоря уже про шапки, которыя были въ кучу свалены въ сѣнцахъ. Полушубки и кушаки тотчасъ же свалили на печь, откуда торчало съ полдюжины дѣтскихъ головъ и свѣтились любопытствующіе глаза ребятишекъ.

Длинный жертвенный столъ былъ покрытъ довольно чистыми столешниками (скатертями). Кое-гдѣ лежали рушники (полотенца) для вытиранія рукъ. По столу были разставлены деревянныя и металлическія тарелки и большія росписанныя

чашки. Деревянныя ложки самой разнообразной конструкціи были свалены кучей. Въ одномъ мѣстѣ на столѣ лежало нѣсколько изувѣченныхъ ножей и вилокъ. Глиняныя кружки съ квасомъ были разставлены по всему столу.

Усѣвшись за столъ и пропѣвъ, уже сидя, еще два-три стиха, вдругъ всѣ разомъ смолкли и тогда настала полная тишина. Тутъ же сейчасъ появились бабы и дѣвки съ чашками горячей похлебки. Онѣ молча разставили ихъ по столамъ; всѣ молча принялись хлебать, черпая по два и по три изъ одной чашки. Послѣ похлебки, тотчасъ же внесли на деревянныхъ плоскихъ блюдахъ жирную говядину. Говядина была разрѣзана на большіе куски и отъ большихъ кусковъ малые уже отдѣлялись собственными перстами трапезующихъ.

Пока царило полное безмолвіе. Старики хлебали и жевали особенно сосредоточенно. Только въ томъ углу, гдѣ размѣстилась молодежь, слышны были сдержанные разговоры, да на печкѣ, время отъ времени, ребята поднимали возню и вызывали сердитые родительскіе взгляды.

За говядиной, на тѣхъ же деревянныхъ лоткахъ, былъ поданъ картофель «безъ мундира». За картофелемъ слѣдовало *жарковье*—баранина и къ нему огурцы. За жарковьемъ шли пироги, за пирогами появился кисель.

Только самые короткіе разговоры слышались между прислуживавшими бабами и дѣвками,—всѣ прочіе ѣли молча. Казалось уже, что молча наѣвшись всѣ молча разойдутся. Разойдутся, какъ и сошлись, безъ разговоровъ и не для разговоровъ. Но послѣ *жарковья* самъ домохозяинъ Рыбкинъ снялъ съ полки почернѣвшую библію въ деревянномъ обтертомъ переплетѣ съ желѣзными крючками и вручилъ ее сидѣвшему около сказателя старичку, котораго всѣ знали, какъ «Семеновскаго гостя».

Этотъ старичекъ, пріѣхавшій на свадьбу изъ деревни Семеновки, почти за 60 верстъ, былъ необыкновенно суровъ и

все время смотрѣлъ или въ блюдо, или въ чашку, или себѣ на ноги, ни разу даже не удостоивъ взглянуть по сторонамъ. Онъ уже былъ далеко не молодъ, очень худъ и блѣденъ, съ совершенно провалившимися большими черными глазами.

Принявъ изъ рукъ хозяина библію, Семеновскій гость разложилъ ее предъ собою, какъ-бы нехотя перевернулъ нѣсколько совсѣмъ сѣрыхъ листовъ, остановился, пробѣжалъ глазами, опять перевернулъ нѣсколько страницъ, опять пробѣжалъ глазами нѣсколько строкъ... молча закрылъ библію и, отодвинувъ ее въ сторону, сталъ снова смотрѣть себѣ на ноги.

Всѣ ожидали чтенія и полагали, что именно Семеновскій гость положитъ начало жертвенной бесѣдѣ, но когда онъ захлопнулъ библію и заложилъ двѣ огромныхъ крючкообразныхъ застежки, то обманутыя ожиданія возобновились вновь при ненарушимомъ однако всѣхъ гостей молчаніи.

Однако Семеновскій гость, выждавъ нѣсколько секундъ, вытащилъ изъ собственной пазухи маленькую книжку, также съ крючьями вмѣсто застежекъ, солидно разложилъ ее предъ собою, разгладилъ, бросилъ взглядъ на сидѣвшихъ поодаль отъ него *молодыхъ* и вдругъ брякнулъ:

«Не прелюбо сотвори!—произнесъ онъ отчетливо и звонко.— Такъ говоритъ седьмая заповѣдь сіонскихъ скрижалей, такъ повелѣлъ Богъ чрезъ пророка Моисея, такъ заповѣдалъ онъ и намъ, духовнымъ христіанамъ! А что такое значитъ это самое слово «не прелюбо сотвори?!»

Семеновскій гость сначала какъ будто-бы ни къ кому даже не обращался, а разсуждалъ самъ съ собой, но вдругъ онъ вопросительно вскинулъ глаза на недалеко отъ него сидѣвшаго «читальника» Новикова и, повидимому, ждалъ отъ него отвѣта.

Новиковъ слылъ за добродѣтельнѣйшаго мужа во всѣмъ прыгунскомъ мірѣ. Онъ пропитывался кузнечествомъ и потому съ его добраго, красиваго лица почти никогда не сходила свой-

ственная этому ремеслу сажа и копоть. Новиковъ только и зналъ два дѣла: онъ то ворочалъ въ своей кузнѣ молотомъ, то зачитывался до галлюцинацій «священнымъ». Покончивъ съ кузней, онъ тотчасъ переходилъ къ библіи; отъ библіи онъ возвращался къ своимъ подковамъ, шинамъ и ободьямъ. Сохраняя всегда одинъ и тотъ же чрезвычайно благочестивый и смиренный видъ, онъ въ кузницѣ орудовалъ своими мускулистыми руками, а являясь въ собранія—изумлялъ всѣхъ своею начитанностью.

Новиковъ такъ и понялъ, что вопросъ Семеновскаго гостя относится къ нему, а потому, подумавъ, заговорилъ.

«Это сказывается... на счетъ, значитъ... законной жены, чтобы ежели кто... законну жену броситъ, а другую возьметъ... или съ идолопоклонницей свяжется... или... значитъ, во снѣ отъ воображенія аггела сатаны разжигаться будетъ... или въ неповелѣнное естество... строго Богъ воспрещаетъ, и никто не долженъ... Вотъ это самое... сказано...»

Новиковъ видимо затруднялся, какое дать еще объясненіе словамъ «не прелюбо сотвори»—и, не находя въ ту минуту болѣе подходящихъ комментарій, замолчалъ.

Семеновскій гость обвелъ глазами всѣхъ сидящихъ и, остановивъ взглядъ на томъ концѣ стола, гдѣ сидѣла молодежь, онъ усилилъ голосъ и въ тонѣ угрозы продолжалъ:

«Или пьянствовали... или пили водку али вино... али что пьяное... или свинью ѣли, или зайцевъ, или другихъ скотовъ нечистыхъ... или севрюгу, или сомину, или дудаковъ, лебедей и прочихъ нечистыхъ ѣли и тѣмъ оскверняли свою душу».

Семеновскій гость вдохновился еще болѣе и продолжалъ:

«Или жрали чеснокъ или лукъ, или табакъ нюхали, или трубку курили, или... или гдѣ идоламъ жертвы приносятъ, а вы тамъ ѣли... или ѣли что такое чтó съ кровью дѣлается,— вотъ хоть сахаръ,—пояснилъ гость,—или жертвенную кровь не зарывали въ землю, а псамъ отдавали. Все это грѣхъ про-

тивъ седьмой заповѣди и безъ наказанія не останется», докончилъ онъ.

Семеновскій гость почувствовалъ себя исчерпаннымъ въ перечисленіи грѣховъ, караемыхъ седьмою заповѣдью, и смолкъ. Нѣсколько минутъ всѣ молчали, какъ бы раздумывая надъ тѣмъ, какъ легко нарушать седьмую заповѣдь. Но въ это время бабы внесли кисель и нить мыслей о томъ, что обнимаетъ собою столь краткое изреченіе какъ «не прелюбо сотвори», сама собой порвалась.

Обѣдъ однако продолжался болѣе часа. Прошло уже пять перемѣнъ. Три раза пропѣли псалмы. Были уже съѣдены жарковье и послѣ него блины. Нѣсколько разъ уже наполнялись и опорожнялись кружки съ квасомъ, а жертвоприношеніе все еще продолжалось. Многихъ уже клонилъ сонъ; но пока жертва не была окончена—не позволялось и намекать на какія-либо житейскія темы и вопросы, а потому оставшееся до конца жертвы время посвятили разсужденіямъ «о седьмомъ днѣ».

Съ нѣкотораго времени въ тѣсномъ прыгунскомъ міркѣ вопросъ о седьмомъ днѣ рѣшительно вытѣснилъ всѣ прочіе спорные вопросы, волновавшіе мѣстныхъ пророковъ, и не проходило ни собранія, ни жертвы, чтобы не возобновлялись разговоры «о седьмомъ днѣ».

Значительному усугубленію всеобщаго интереса относительно седьмого дня не мало способствовало и то, что въ послѣдніе дни случилось событіе, которое поставило такъ-сказать ребромъ вопросъ о томъ, какой день слѣдуетъ праздновать, и требовало немедленнаго и категорическаго разъясненія всѣхъ связанныхъ съ этимъ вопросомъ сомнѣній и колебаній. Дѣло было въ томъ, что сосѣди, Еленовскіе іудействующіе, успѣли переманить на свою сторону нѣсколькихъ прыгуновъ, которые хотя и не оставили свой «сехтъ» и продолжали чтить Христа, Богородицу, евангеліе, а въ особенности св. Духа, однако пере-

стали праздновать воскресенье и «перешли на субботу», чѣмъ ужасно смутили своихъ единовѣрцевъ.

Что̀ правильнѣй праздновать — субботу или воскресенье, какой изъ этихъ двухъ дней угоднѣе Богу, что̀ вѣрно и что̀ невѣрно томительно вопрошали другъ друга прыгуны и, нигдѣ не находя отвѣта на этотъ вопросъ, все ожидали, что и на этотъ разъ, какъ нерѣдко въ подобныхъ же случаяхъ бывало прежде разрѣшить вопросъ поможетъ св. Духъ Съ надеждой и увѣренностью всѣ посматривали по этому случаю на мѣстныхъ пророковъ: не выскажется-ли кто-нибудь изъ нихъ *по духу* на счетъ седьмого дня, не объявится-ли на этотъ предметъ божья воля чрезъ пророческія уста какого-нибудь духодѣя. Даже на удачу написали письмо бывшему коноводу прыгунства, а нынѣ *Соловецкому мученику* Максиму Рудометкину, въ надеждѣ, не придетъ-ли выручка изъ Соловецкой тюрьмы. Но на пророковъ не сходило никакого вдохновенія. Въ Писаніи не оказывалось такихъ «хвактовъ», которые бы разрѣшали сомнѣнія въ самомъ такъ-сказать корнѣ. Соловецкій мученикъ не отзывался и неразрѣшенный вопросъ о седьмомъ днѣ продолжалъ всѣхъ томить и волновать.

III.

На этотъ разъ больное это мѣсто затронулъ кузнецъ Петръ Новиковъ, по благочестію своему особенно терзавшійся сомнѣніями на счетъ седьмого дня.

«Вотъ, Дорофей Пахомычъ только-что говорилъ о грѣхахъ,— началъ Новиковъ своимъ мягкимъ голосомъ, обратясь къ Семеновскому гостю.—А можетъ быть, мы-то всѣ значитъ, духовные, дѣлаемъ страшный грѣхъ каждую недѣлю, что не въ тотъ день празднуемъ! Вѣдь кажется ужъ и въ Писаніи иска-

ли, и людей спрашивали, и Богу молились, и седьмицы *) выдерживали, и къ нашему батюшкѣ **) въ заточеніи его писали, а все оно сумнительно. Ну, ка́къ оно не такъ у насъ, какъ-бы слѣдываетъ?!»

Новиковъ какъ-бы вопросительно и вмѣстѣ съ тѣмъ безнадежно взглянулъ на всѣхъ и, не получая ни отъ кого отвѣта, добавилъ: «что́ станешь дѣлать?!» и развелъ руками.

«Чего сумнѣніе?! Мало, что сумнѣніе! Изноешь, совсѣмъ изведешься, какъ на дню-то разъ можетъ быть сотню спросишь себя: такъ-ли? вѣрно-ли? Не творимъ-ли грѣха-то?—прибавилъ отъ себя Дорофей.—А впрочемъ,—успокоительно заключилъ онъ,—на все Богъ и его святая воля!»

«Теперь оно, въ Обрядѣ-то сказано,—вступилъ въ рѣчь самъ Федоръ Рыбкинъ,—седьмой день разумѣемъ по свидѣтельству Моисея,—такъ, вишь ты, въ двадцатой-то главѣ у Моисея и сказано: «помни вишь день седьмой, субботній, и еже святите его, то есть покой». А у Исая пророка опять же писано: «не воздвигнете ноги своя на дѣло, ни-же возглаголаше словесе изъ устъ твоихъ». Такъ вотъ оно и выходитъ, что въ субботу слѣдовало-бы, а мы, вонъ, шабашимъ по воскресеньямъ».

Всѣ давно знали тѣ мѣста св. Писанія, на которыя указывалъ Рыбкинъ, давно уже и не разъ обсудили эти мѣста и, не взирая на то, всетаки продолжали праздновать воскресенье, но при воспоминаніяхъ объ этихъ мѣстахъ Писанія сомнѣнія каждый разъ усугублялись и каждый разъ являлась попытка какъ-нибудь примирить и согласовать встрѣчаемыя противорѣчія.

«Такъ-то оно такъ!—заговорилъ Новиковъ;—все такъ и сказано, да вѣдь вонъ-же въ пятой-то главѣ у Луки евангелиста

*) Самый строгій постъ въ теченіи семи дней.

**) Къ Максиму Рудометкину, въ Соловецкій монастырь.

опять же сказано, что воскресъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ седьмой день, онъ же именуется *вторая суббота*,—такъ вотъ оно и выходитъ, что эта вторая суббота и есть самое воскресенье, кой день мы и почитаемъ. Значитъ, оно, тово, по Евангелію выходитъ правильно, а съ Моисеемъ какъ-будто не сходится».

Поговорили еще нѣсколько времени на эту тему, но вопросъ о седьмомъ днѣ и на этотъ разъ остался неразрѣшеннымъ и вновь, конечно, послужитъ на будущее время источникомъ все тѣхъ же неразрѣшимыхъ сомнѣній. Желая примирить ветхозавѣтную субботу съ воскресеньемъ по Евангелію, пытаясь остаться вѣрными субботѣ и въ то же время держаться воскресенья, прыгуны успокоиваются пока на томъ, что величаютъ воскресенье *второй субботой* и тѣмъ примиряютъ Библію съ Евангеліемъ, разумѣется, сами хорошо понимая, что примиреніемъ этимъ нисколько не разрѣшается томящій ихъ вопросъ.

Бесѣда о субботѣ и седьмомъ днѣ сама собою скоро прервалась. На столахъ въ то время уже ничего не оставалось ни отъ пироговъ, ни отъ блиновъ, ни отъ поданнаго въ большихъ деревянныхъ чашкахъ послѣ блиновъ киселя, но жертвенная трапеза еще не была окончена, хотя видимо всѣ не только насытились, но уже и пресытились и замолчали, пыхтя, отдуваясь и безцеремонно предоставляя душѣ бесѣдовать съ Богомъ. Оставалось еще доѣсть арбусы, печеные яблоки и орѣхи и этимъ завершить это жертвоприношеніе «отъ радости» по случаю вступленія въ законный бракъ Ѳедора Рыбкина и Катерины Бочкиной. Въ ожиданіи десерта наѣвшіеся до-сыта жертвователи стали припоминать всѣ болѣе или менѣе замѣтныя *жертвы*, принесенныя въ послѣднее время.

Оказалось, что за послѣднее время было много жертвъ, выдающихся и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи. По воспоминаніямъ выяснилось, что рѣдкое жертвоприношеніе ограничивалось истребленіемъ одной скотины, а всѣ съѣдали

по два и по три быка, кромѣ разумѣется всего прочаго, безъ чего жертвы не обходятся. Выпитыя ведра квасу исчислялись цѣлыми десятками, пшеница, употребленная на жертвенные блины и хлѣбы, считалась въ двухъ случаяхъ халварами *), а въ остальныхъ доходила до халвара. Яйца истреблялись сотнями.

Какъ однако ни былъ внушителенъ перечень крупныхъ жертвъ за послѣднее время, нашлись между трапезующими и такіе, которые не только не находили ничего достойнаго похвалы въ послѣднихъ жертвахъ, но, припоминая первые дни прыгунства, полагали, что и рвеніе къ жертвамъ, и размѣры ихъ за послѣднее время значительно умалились.

«Прежде-то, — раздумывалъ какой-то довольно моложавый старецъ,—это ужъ бѣдно-бѣдно коли ежели съѣдятъ одну скотину, а то все больше по двѣ, по три, а то и по пяти случалось. У Еленовскаго Панфила такъ и по шести, случалось, за разъ рѣзали. Почитай что по трое сутокъ просиживали за жертвой-то. Съ утра, бывало, соберемся, перепоемъ бывало съ десятокъ аль болѣе разовъ, да раза три, какъ слѣдываетъ, помолимся, съ колѣнопреклоненіемъ, да со слезами, да такъ къ другому утру и встанемъ со стола. Вонъ оно прежде-то какъ было».

«Бога больше прежде любили... покаяніе было... грѣха опасались,—добавилъ другой старецъ.—Теперь, вонъ чтой-то и не слыхать, а въ тѣ поры *общія* жертвы у насъ приносились. Цѣлой обществой, аль цѣлой селеніей, а то и по нѣсколько селеніевъ складывались, для жертвы, значитъ... Вы, чай, помните, Дорофей Пахомычъ?» обратился онъ къ Семеновскому гостю.

«Ка́къ не помнить! -- отозвался Семеновскій гость.—На нашей памяти было, какъ тогда, какъ Ермилова сына въ крѣ-

---

*) Халваръ—мѣра въ 30 пудовъ.

пость сажали... или какъ наши мученики изъ заточенія ворочались, —большія жертвы были сдѣланы въ тѣ поры. А ужъ какъ ежели сказать на счетъ великой жертвы... такъ это ужъ не къ примѣру. Такой не было, да должно и не будетъ. Съ десяти селеніевъ тогда народъ пособрался. Пятнадцать скотинъ за однимъ разомъ зарѣзали, да потомъ еще три. Три халвара одной крупы съѣли. Двадцать пудовъ кишмишу пошло, да триста ведеръ квасу выпили. Ну, да такая жертва и тогда была въ рѣдкость. Вѣдь чуть не тысяча человѣкъ собралось. По рублю съ каждаго собрали.

Семеновскій гость не вралъ, а сообщалъ исторически вѣрный фактъ. Это было еще въ тѣ времена, когда въ прыгунскомъ мірѣ безраздѣльно царилъ и властвовалъ тогда еще простой Никитинскій мужикъ, а нынѣ *батюшка, Соловецкій мученикъ* Максимъ Рудометкинъ. Зачинщикъ всякихъ сборищъ, гдѣ ему представлялся удобный случай поперевенствовать, попророчествовать и посидѣть *на первомъ мѣстѣ*, Рудометкинъ затѣялъ тогда что-то небывалое и возвѣстилъ о полученномъ имъ отъ *духа* приказаніи принести *великую* жертву. Мѣстомъ жертвоприношенія было избрано сел. Семеновка, какъ наиболѣе центральное, и вотъ туда-то стеклось, какъ говорятъ не только прыгунскія преданія, но и полицейскія свѣдѣнія, почти тысяча человѣкъ.

Днемъ великой жертвы Рудометкинъ назначилъ Духовъ день, а поводомъ къ жертвѣ послужило, какъ объявилъ Рудометкинъ, *признаніе* мѣстными властями и даже самимъ правительствомъ прыгунскаго ученія, что будто-бы выказалось въ томъ, что власти возвратили прыгунамъ нѣкоторыя отобранныя у нихъ книги. И дѣйствительно, власти какъ разъ около того времени возвратили кое-какія прыгунскія сочиненія, найдя ихъ не только безвредными, но даже и безсмысленными, а Рудометкинъ этимъ воспользовался.

По подпискѣ, обошедшей тогда три сосѣднія губерніи, собрали на эту великую жертву тысячу рублей. Заготовленные въ

огромномъ количествѣ всякіе припасы поѣдали въ теченіи трехъ дней подъ-рядъ, но не въ самомъ селеніи, а на одной изъ прилегающихъ къ Семеновкѣ вершинъ; поѣдали, однако, не просто, а распѣвая духовные псалмы и Рудометкинскія пѣсни и, какъ водится, сопровождая эту колоссальную трапезу самыми туманными разсужденіями о вѣрѣ, царствѣ небесномъ и въ особенности о грядущемъ «царствѣ духовныхъ христіанъ», т. е. прыгуновъ. О томъ, что жертва есть также и *милостыня*, на этотъ разъ совершенно забыли.

Предаваясь такому обжорству подъ предлогомъ жертвоприношеній, прыгуны только иногда, но однако весьма рѣдко, вспоминаютъ, что по ихъ же собственному ученію жертва есть *милостыня*. Поднимая въ такихъ случаяхъ вопросъ даже о раздѣлѣ всего своего имущества съ нищей братіей и чувствительно разсуждая на эту тему, они на дѣлѣ для осуществленія этого раздѣла ничего не предпринимаютъ и все кончается бесѣдой, вздохами и соболѣзнованіями.

Въ одномъ изъ прыгунскихъ собраній мнѣ довелось услышать такую бесѣду о *милостынѣ*. Только-что было прочтено, что съ бѣдными слѣдуетъ-де дѣлиться своимъ достояніемъ и откладывать въ ихъ пользу *нѣкую десятину*.

Всѣ призадумались. На лицахъ нѣкоторыхъ изъ собесѣдниковъ блуждала какая-то неопредѣленная улыбка. Указаніе св. Писанія было на этотъ разъ совершенно ясно, сомнѣнія возбудить было очень трудно, но всѣ молчали, какъ-бы раздумывая—какъ это выйдти изъ такого положенія. Наконецъ, молчаніе было прервано.

«Вотъ оно какъ написано-то! — замѣтилъ нѣкто Павелъ Меньшовъ, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ прыгуновъ, давно уже находящійся во власти «духа», мужикъ большой, плечистый, но съ кроткимъ видомъ и флегматическою рѣчью.—Вонъ какъ сказано-то!—продолжалъ онъ, какъ-бы самому себѣ въ назиданіе, и при этомъ мотнулъ головою въ сторону чтеца.— А

что, небось, дѣлаетъ изъ насъ кто такъ-то, какъ тамъ указано?! Куда-те?! Какъ хлѣбъ-то, значитъ, еще не уродился... такъ и Бога просимъ и обѣщиваемся... а готовъ... такъ соберемъ хлѣбецъ-то, значитъ, въ анбары... да и помалкиваемъ себѣ...» Павелъ тяжело вздохнулъ.

«Бога, значитъ, мы надуваемъ!» протянулъ онъ среди всеобщаго безмолвія и, понуривъ голову, вздохнулъ еще глубже.

Вопросъ былъ щекотливый, непріятный, и притомъ требовавшій немедленнаго разрѣшенія. Съ одной стороны встрѣтилось безусловно ясное указаніе св. Писанія на счетъ нѣкой десятины въ пользу бѣдныхъ, съ другой стороны не было желанія послѣдовать этому ясному указанію и выдѣлить эту десятину. Замѣчаніе Павла на счетъ надувательства Бога всѣхъ какъ будто задѣло, но нисколько не расположило къ щедрости и торжественно изобличаемое въ надувательствѣ собраніе, какъ-бы сговорившись, молчало. Никто не хотѣлъ высказаться. Наконецъ «молитвенникъ» Пименъ понялъ, что однимъ молчаніемъ вопросъ этотъ не разрѣшится. Въ большомъ раздумьи онъ произнесъ:

«Это точно... Богъ приказываетъ откладывать бѣднымъ десятину!..»

«А ну-ка, Пименъ Терентьичъ, — тотчасъ отозвался оживившійся Павелъ,—вотъ вы у насъ, какъ, значитъ, первый... значитъ, уваженіе къ вамъ... завсегда... Отсыпьте-ка пшенички-то пудовъ десять аль двадцать... для бѣдныхъ-то... Оно и для другихъ прочихъ... тово... было-бы...»

«Да, ничего-бы и вамъ, Павелъ Семеновичъ, также... изъ достаточковъ-то... отпустить... на нищую, значитъ, братію...» чуть не огрызнулся Пименъ.

«И за нами дѣло не станетъ, — отвѣтилъ съ ироніей Павелъ,—а вамъ-то, ничаво-бы... нужно бы... какъ вы у насъ побогатѣе... да первый вы у насъ на всякъ часъ...»

«Ну... побогатѣй... гдѣ... какое?» слабо возразилъ Пименъ и прекратилъ дальнѣйшіе разговоры.

Вновь водворилось молчаніе. Видимо, далѣе никто не хотѣлъ затрогивать щекотливаго вопроса о нѣкой десятинѣ. Видно было, что каждый мысленно взвѣшивалъ, насколько это будетъ ему выгодно отдавать нищей братіи слѣдуемую часть *достаточковъ*, и всеобщее тягостное молчаніе лучше всего доказывало, къ чему склонялось мнѣніе не только большинства, но и всѣхъ безъ исключенія. Всѣ болѣе или менѣе тяжело вздыхали, отдувались и нерѣшительно посматривали другъ на друга. Каждый крѣпко держался за свои достаточки, охотно предоставляя бѣдныхъ на попеченіе Бога и на сей разъ твердо памятуя изреченіе о небесныхъ птицахъ, хотя и не жнущихъ, но все-таки питаемыхъ.

«Хорошо-бы это было! -- наконецъ заговорилъ одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ мужиковъ,—хорошо-бы отдавать бѣднымъ-то... что въ Писаніи сказано... законную, значитъ, часть... А то вѣдь вонъ они какіе... бѣдные-то... Вишь ходятъ-то съ мѣшками, да съ котомками... не больно, вѣдь, сладко... Одёженка-то дырявая... лохмотьишки-то болтаются... да и тѣ псы наровятъ оторвать... Жалко, вѣдь ихъ, бѣдныхъ-то... Иной еще и не зрячій, аль безногій, аль безрукій-какой...»

Но и на это призваніе никто не отозвался. Только-что нарисованная картина слѣпыхъ, хромыхъ и безрукихъ нищихъ въ лохмотьяхъ, обрываемыхъ псами, рѣшительно никого не растрогала и вопросъ о нѣкой десятинѣ кончился ничѣмъ и на этотъ разъ, какъ кончался не разъ и прежде».

Можно впрочемъ навѣрно сказать, что и впереди этотъ вопросъ ожидаетъ та же участь. По-прежнему, всѣ будутъ выпрашивать у Бога обильные урожаи съ обѣщаніями, какъ сказалъ Павелъ, выдѣлить часть въ пользу бѣдныхъ, а по сборѣ урожаевъ, при встрѣчѣ съ вопросомъ о нѣкой десятинѣ, всѣ по-прежнему будутъ *помалкивать* и надувать Бога.

Жертвоприношеніе въ домѣ новобрачныхъ между тѣмъ приходило къ концу. Всѣ лѣниво дожевывали послѣднюю перемѣну, разминая уставшія спины и громко позѣвывая. Остатки жертвенной трапезы незамѣтно прибрали со столовъ; самые столы вытерли; но всѣ продолжали еще сидѣть и никто не поднимался. Прочли еще одну главу изъ Библіи, и только тогда сказатель нашелъ, что настало время приступить къ финалу, т. е. молитвамъ и духовнымъ пѣснямъ, такъ-какъ до сихъ поръ пѣлись или псалмы, или мѣста изъ св. Писанія. Сказатель всталъ, всѣ поднялись за нимъ, столы были прибраны и вынесены и всѣ стали на молитву.

Черезъ четверть часа въ хатѣ новобрачныхъ уже стоялъ дымъ столбомъ. Подъ звуки духовной пѣсни: «Нову пѣсню мы поемъ, путемъ истиннымъ идемъ»—все кружилось, вертѣлось, притоптывало, взвизгивало, гукало, грохалось объ полъ, поднималось, шлепалось вновь и опять пускалось кружиться, притоптывать. Начали этотъ обычный духовный плясъ, которымъ непремѣнно заканчивается всякій жертвенный пиръ, тѣ, которые обыкновенно его начинали, т. е. одаренные духомъ, но они покружились не болѣе минуты, какъ нисшедшій на нихъ духъ сообщился уже ихъ сосѣдямъ; тѣ тоже и въ свою очередь закружились, прикосновеніемъ и дуновеніемъ передали «духъ» своимъ сосѣдямъ и т. д. Чрезъ пять минутъ кружились всѣ и всѣ прыгали. Прыгали даже бабы съ грудными ребятами, прыгали дѣвки, ребята и даже дѣти; прыгалъ на своихъ костыляхъ даже калѣка Ѳеклистъ, лишенный ноги и вмѣсто лѣвой руки имѣвшій какой-то неопредѣленный наростъ въ четверть аршина длины.

Наступили сумерки. Духовный плясъ только-что окончился, «Нову пѣсню» пропѣли разъ тридцать сряду. Нѣкоторые намаялись и проголодались, такъ что могли бы вновь одолѣть такой же обѣдъ-жертву, какъ только-что оконченный.

Поздно вечеромъ, по обыкновенію съ трудомъ розыскавъ

свои шапки и полушубки, всѣ гости молча разошлись по домамъ и молодые остались одни.

Такими же жертвоприношеніями и такимъ же духовнымъ плясомъ кончаются вообще обряды крещенія и похоронъ. Родится ли новый прыгунъ, умретъ ли кто изъ стариковъ, въ обоихъ случаяхъ является поводъ собраться, попѣть псалмы и духовныя пѣсни, побесѣдовать за жертвой о духовныхъ дѣлахъ и все закончить болѣе или менѣе усерднымъ и продолжительнымъ прыганьемъ.

Въ дѣлѣ обрядной стороны всѣ русскіе сектанты, считая здѣсь, кромѣ прыгуновъ, еще молоканъ, духоборовъ и даже жидовствующихъ, примѣрно кратки и просты. Они пускаются въ безконечныя разсужденія, почему именно св. Писаніе повелѣваетъ ѣсть только рыбу, покрытую чешуей и запрещаетъ употреблять рыбу безъ чешуи; они стараются проникнуть въ смыслъ запрещенія употреблять въ пищу зайцевъ и проч., и вмѣстѣ съ тѣмъ они не установили никакихъ обрядовъ и церемоній при рожденіи, погребеніи и пр.

Относительно напр. крещенія, въ прыгунскихъ обрядныхъ книгахъ сказано: «Чрезъ восемь дней по рожденіи, родители ребенка собираютъ *служителей церкви* (т. е. всѣхъ) и приносятъ жертву съ колѣнопреклоненіемъ. Сродники, помолившись Богу, нарекаютъ имя». Вотъ и весь обрядъ крещенія, усложняемый лишь нерѣдко десятичасовымъ сидѣньемъ за жертвеннымъ столомъ.

Также простъ обрядъ погребенія. «Аще кто умретъ,—преподаетъ прыгунскій (а также молоканскій) обрядъ,—то сродники, посреди собранной церкви (т. е. всѣхъ), становятся на колѣна и просятъ Бога: прости ему всѣ грѣхи и пріими его въ царствіе небесное,—а вы, братцы и сестрицы, помолитеся съ нами о немъ. Всѣ приносятъ по сему жертву и усердно молятся Богу». Тѣмъ и кончаются всѣ правила погребенія, хотя и здѣсь

неизбѣжная жертва удлинняетъ и усложняетъ простую процедуру самаго погребенія.

Такая простота самыхъ обрядовъ не мѣшаетъ, однако, ни прыгунамъ, ни молоканамъ значительно затемнять дѣло, такъ-сказать, разными околичностями и толкованіями, которыя они придаютъ хотя бы самому акту крещенія, почерпая матеріалы для этихъ толкованій въ разныхъ мѣстахъ разныхъ непонятныхъ для самихъ толкующихъ книгъ.

Можно бы, казалось, изъ подобныхъ толкованій вывести заключеніе, что прыгуны, во-первыхъ, обрѣзываютъ своихъ дѣтей, а во-вторыхъ, руководствуются святцами и даютъ имена соотвѣтственно тѣмъ числамъ, въ которыя родятся ихъ дѣти,— но на дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ.

Правильность и обязательность обрѣзанія прыгуны признаютъ лишь, такъ-сказать, теоретически, такъ-какъ на дѣлѣ обрядъ этотъ, уже фактически существующій у субботниковъ, пока прыгунами не исполняется. Въ этомъ отношеніи нельзя не отмѣтить тѣхъ безъисходныхъ сомнѣній и колебаній, въ которыя повергъ прыгуновъ вопросъ о субботѣ и обрѣзаніи. Безчисленныя ихъ по этому предмету разсужденія не имѣли до сихъ поръ рѣшительно ни малѣйшихъ послѣдствій. При всемъ ихъ глубочайшемъ уваженіи къ библейскимъ преданіямъ и постановленіямъ, они не хотятъ *перейти на субботу* и также не хотятъ обрѣзываться и, какъ кажется, не хотятъ этого единственно потому, что боятся слиться съ субботниками и отстать отъ Христа.

«Эфтимъ мы, точно, виноваты,—говорилъ мнѣ одинъ прыгунскій коноводъ,—что вотъ не переходимъ на субботу, да не обрѣзываемся. Сами знаемъ, что противъ Бога согрѣшаемъ... Слѣдоваетъ оно... точно, слѣдоваетъ... да вотъ, Богъ дастъ, скоро начнемъ обрѣзываться... и будемъ субботничать...»

«Ну и сдѣлаетесь тогда жидами!?» *).

*) Прыгуны и молокане называютъ субботствующихъ жидами.

«За-а-чѣмъ сдѣлаться! Богъ дастъ, сохранимся въ своей вѣрѣ... Зачѣмъ! У насъ свой сехтъ, у нихъ—опять свой! Мы—*духовные христіане*, а они—жиды... У насъ Евангеліе, у нихъ—Талмудъ... Нѣтъ, зачѣмъ намъ въ жиды идти! Мы *духовность* нашу не оставимъ, а только будемъ обрѣзываться, да субботы справлять».

Однако, и до сихъ поръ рѣшительнаго шага въ этомъ направленіи не сдѣлано, и прыгуны, какъ по-прежнему, обходятся безъ обрѣзанія и продолжаютъ праздновать воскресенье.

Такъ же продолжаются по-прежнему и описанныя выше жертвоприношенія, хотя рвеніе къ принесенію жертвъ годъ отъ году замѣтно ослабѣваетъ и жертвенное мясо давно уже не считается числомъ скотинъ, а лишь числомъ фунтовъ или числомъ барановъ. И теперь свадьба, крещеніе, погребеніе служатъ у сектантовъ поводомъ, какъ впрочемъ во всемъ православномъ мірѣ, съѣсть и выпить лишнее, хотя здѣсь выпивается одинъ квасъ и на всемъ хмѣльномъ лежитъ строгій запретъ. Собираютъ по поводу всякаго подобнаго случая «обѣдецъ», называютъ этотъ обѣдецъ громкимъ именемъ жертвоприношенія; сзываютъ «всю обществу», являются, такъ-сказать, должностныя лица, «сказатель», «молитвенникъ», и при этомъ пророки болѣе или менѣе любезно предсказываютъ или просто говорятъ особеннымъ, ни для кого, а въ томъ числѣ и для нихъ самихъ непонятнымъ, тарабарскимъ языкомъ. Весь «соборъ» при этомъ поетъ, молится и въ то же время прилежно поѣдаетъ все подносимое и подаваемое и, наконецъ, все заканчивается общимъ духодѣйствіемъ, т. е. по-просту общей пляской.

Такъ безхитростно разрѣшается прыгунами вопросъ о жертвоприношеніяхъ. Эти безкровныя жертвы, преисполненныя добродушія, трезвости, набожности, но только неумѣренности, даютъ имъ возможность лишній разъ посидѣть въ компаніи и поговорить о дѣлахъ вѣры, вращаясь при этомъ въ заколдован-

номъ кругу собственнаго невѣжества и безплодныхъ попытокъ отыскать *истинную* вѣру. И конечно, не въ этихъ жертвенныхъ трапезахъ можно усмотрѣть какія-либо проявленія вредныхъ или особенно вредныхъ элементовъ, которые давно отысканы въ ученіи духовныхъ христіанъ. Къ тому же, надо по справедливости замѣтить, трапезы устраивались по такимъ поводамъ, которые наилучшимъ образомъ говорятъ о благонамѣренности чувствъ, питаемыхъ духовными христіанами къ властямъ и къ правительству. Они, напримѣръ, устраивали каждый разъ торжественное жертвоприношеніе по случаю благополучнаго избавленія покойнаго Государя отъ покушенія на его жизнь и уже этимъ доказали, вопреки офиціальныхъ свѣдѣній о томъ, что они будто бы не признаютъ царской власти и не молятся за царя, что они признаютъ и царскую власть, и молятся за царя Они доказали, что не только воздаютъ «Кесарю кесареви», но что они и молятся-то за царя по собственному побужденію.

X.

Пророкъ Емельянъ Телѣгинъ.

I.

Въ одномъ изъ безчисленныхъ заливовъ Гокчинскаго озера было заброшено сектаторское селеніе Александровка. Александровцы почти всѣ были сюда высланы по суду и происходили преимущественно изъ внутреннихъ губерній. Они строили особенныя, по наружному виду довольно безобразныя, но быстрыя на ходу лодки, сѣтями ловили славившуюся вкусомъ гокчинскую рыбу, приготовляли ее для себя въ прокъ, поѣдали также и въ свѣжемъ видѣ и, главное, усердно молились, пребывая почти постоянно подъ дѣйствіемъ сходившаго на нихъ «духа».

Полиція почти никогда въ Александровку не ѣздила и не производила тамъ преслѣдованій ни за «оказательства», ни вообще за какія-либо дѣйствія, «соблазнительныя для православныхъ». Отъ скромныхъ, бѣдныхъ и какъ будто пришибленныхъ александровцевъ никакой опасности ни для православныхъ, ни для кого бы то ни было не предвидѣлось, потому-то и въ самую Александровку, несмотря на то, что она была всего въ семи верстахъ отъ шоссе, не только полиція, но никто и никогда не заглядывалъ.

Александровскія бабы съ утра до вечера возились съ ребя-

тишками и рыболовными сѣтями. Онѣ были замѣчательны лишь тѣмъ, что менѣе чѣмъ въ другихъ сектаторскихъ поселеніяхъ упражнялись въ молитвѣ и особенно въ духодѣйствіи. Вся порода александровцевъ отличалась крайнею бѣлобрысостью, приземистостью и какою-то особенною дряблостью и хилостью и, кажется, именно за свою неказистую наружность александровцы прослыли между всѣми окрестными сектантами за чувашей и за мордву, хотя между ними было только нѣсколько человѣкъ этого племени, а всѣ прочіе происходили оттуда же, откуда и ближайшіе ихъ сосѣди—еленовцы, ахтинцы и константиновцы, т. е. были несомнѣнно великороссійскаго происхожденія.

Зимою Александровку съ ея обитателями почти совсѣмъ заносило снѣгомъ. Прилегающій къ селенію заливъ Гокчинскаго озера обыкновенно замерзалъ на далекое пространство и александровцы, отправляясь по своимъ надобностямъ въ сосѣднія деревни, пускались въ путь или на лыжахъ, или на крохотныхъ салазкахъ въ одну лошадь, пробивая себѣ дорогу напрямикъ. Случалось нерѣдко, что на этихъ *короткихъ путяхъ* александровцы, какъ тамъ говорили, «ухаживались», т. е. попросту гибли въ гокчинскихъ полыньяхъ и зажорахъ, но отъ такихъ случаевъ они нисколько не унимались и все-таки ежегодно продолжали отыскивать *короткіе пути* и на этихъ поискахъ теряли то одного, то двухъ и болѣе изъ своихъ бѣлобрысыхъ сочленовъ. Жестоко и не разъ уже проученые опытомъ, александровцы, обозрѣвая безконечно раскинувшуюся передъ ними пелену снѣга, никакъ не хотѣли взять въ толкъ, что Гокча, даже при самыхъ сильныхъ морозахъ, замерзала только съ береговъ, а середина ея всегда сохраняла свой синечернильный цвѣтъ и круглый годъ бушевала, волнуемая несшимися изъ всѣхъ ущелій вѣтрами.

Довольно грязныя и жалкія лачуги александровцевъ на зиму превращались окончательно во вмѣстилище всякой нечисти.

Въ этихъ лачугахъ зимою ютились и куры, и гуси; туда втаскивались телята и жеребята. Изъ сострадания къ животнымъ душныя хаты александровцевъ наполнялись всякимъ домашнимъ звѣрьемъ и всю зиму, и такъ уже худосочный и захирѣвшій, александровскій рыболовъ существовалъ при самыхъ антигигіеническихъ условіяхъ. Зато ужъ лѣтомъ и ребята, и взрослые съ утра до вечера полоскались въ синихъ Гокчинскихъ волнахъ. Съ наслажденіемъ купавшіеся вываливались на тепломъ пескѣ широкой отмели, прилегавшей къ деревнѣ, вновь лѣзли въ воду и вновь укладывались на пескѣ и такимъ путемъ скоро очищались отъ грязной коры, нароставшей за зиму.

Въ Александровкѣ жили только молокане да прыгуны и вовсе не было жидовствующихъ. Одолѣвавшая александровцевъ бѣдность заставляла ихъ нерѣдко прибѣгать къ тяжелымъ денежнымъ и инымъ займамъ, а такъ-какъ займами преимущественно занимались сосѣди ихъ—еленовскіе жидовствующіе, и драли съ нихъ немилосердные проценты, то отсюда получался источникъ ненависти и зависти къ этой сектѣ. Содрать съ своего же брата-мужика десять процентовъ въ мѣсяцъ считалось у еленовцевъ самымъ обыкновеннымъ дѣломъ и, неся послѣдніе гроши для расплаты съ своими жестокими кредиторами, александровцы понятно возъимѣли великую злобу къ *русскимъ жидамъ*, а затѣмъ и къ ихъ жидовской вѣрѣ, и потому во всей Александровкѣ не было ни одного жидовствующаго.

Зато, подъ вліяніемъ житейскихъ невзгодъ, въ особенности подъ гнётомъ повальнаго безденежья, въ Александровкѣ съ теченіемъ времени развилась и расплодилась одна изъ самыхъ азартныхъ разновидностей прыгунскаго толка и хилые, бѣлобрысые александровскіе духодѣи дивили всѣхъ своею неутомимостью въ прыганьи и въ моленьи. Всѣ окрестныя прыгунскія общества изумлялись обильному проявленію въ алексан-

дровцахъ *пророческаго лика*. Въ иныхъ селеніяхъ, гдѣ заводились прыгуны, бывало всегда по одному, да по два пророка; случалось, что временно не бывало даже ни одного, въ Александровкѣ же ихъ всегда было по нѣсколько разомъ. Предсказанія тамъ такъ и сыпались; одно пророчество слѣдовало за другимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ александровцы, въ качествѣ особыхъ ревнителей прыгунской вѣры, а также не безъ цѣли поѣсть на чужой счетъ, уходили нерѣдко *въ гости* къ своимъ единовѣрцамъ разныхъ, часто отдаленныхъ, селеній, и проявляя въ тамошнихъ духовныхъ *собраніяхъ* чрезвычайное усердіе въ молитвѣ и прыганьи, завоевали себѣ репутацію людей особенно богоугодныхъ.

Духовная ревность александровскихъ прыгуновъ очень настраивала и воодушевляла александровскихъ молоканъ, не желавшихъ уступить прыгунамъ ни въ набожности, ни въ усердіи. По воскреснымъ днямъ въ Александровкѣ и прыгуны и молокане цѣлыми утрами просиживали въ своихъ собраніяхъ, соревнуя въ продолжительности моленія и стремясь пересидѣть другъ друга. Только къ вечеру единственная александровская улица оживлялась появленіемъ народа, и тогда на узкихъ заваленкахъ покосившихся александровскихъ хатъ усаживались и старъ и младъ, и время до самой ночи проходило въ почти безмолвномъ созерцаніи синей равнины Гокчинскаго озера и мирномъ пощелкиваніи сѣмячекъ и орѣховъ.

Впрочемъ, не смотря на духовные таланты александровцевъ и обиліе между ними прорицателей будущаго, немногочисленные пророки прочихъ прыгунскихъ обществъ не особенно имъ завидовали и не заботились о помраченіи своей пророческой славы александровскими предсказателями. Если эти пророки и заѣзжали иногда въ Александровку, будто-бы въ *гости*, а собственно присмотрѣться къ тому, что̀ тамъ дѣлается и ка́къ ведется моленіе, то дѣлали это крайне рѣдко, отчасти потому, что знали, что александровцамъ и самимъ нечего ѣсть, не только

чествовать гостей, а отчасти потому, что пророки эти больше хлопотали о сближеніи съ представителями другихъ болѣе богатыхъ прыгунскихъ обществъ и на александровцевъ смотрѣли свысока.

Изобиліе александровскихъ пророковъ безпокоило лишь воскресенскаго (изъ с. Воскресенки) пророка Емельяна Телѣгина, признаваемаго въ послѣднее время не только за главнаго и особенно одареннаго духомъ пророка, но многими считаемаго даже за единственнаго и безспорнаго намѣстника перваго прыгунскаго духовнаго царя Максима Рудометкина, уже давно сосланнаго въ Соловецкую обитель. Ревниво относясь къ своему первенству въ прыгунскомъ мірѣ, воскресенскій пророкъ находилъ нужнымъ время отъ времени объѣзжать свою прыгунскую паству, а также считалъ полезнымъ изрѣдка заглядывать и въ Александровское захолустье.

Какъ и во всѣ другія деревни Телѣгинъ обыкновенно пріѣзжалъ въ Александровку съ двоякою цѣлью. Во-первыхъ, онъ непремѣнно предсѣдательствовалъ въ экстренномъ, нарочно для него устроенномъ, собраніи и тутъ же разрѣшалъ всѣ возникшіе религіозные споры и сомнѣнія, а также, смотря по расположенію духа, пророчествовалъ или только солидно прислушивался къ пророчествамъ другихъ; а во-вторыхъ, Телѣгинъ всегда привозилъ съ собой для распродажи красный товаръ, которымъ пророкъ уже давно торговалъ, развозя и продавая товаръ этотъ по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ и не платя никакихъ торговыхъ пошлинъ.

Въ массивной телѣгѣ великороссійскаго образца, съ широкимъ передомъ и узкимъ задомъ, запряженной парою сытыхъ лохматыхъ лошадей въ пристяжку, ѣздилъ Емельянъ по деревнямъ и торговалъ, можно сказать, не безъ успѣха. Съ собой онъ всегда возилъ библію, псалмы пророка Давида, прыгунское сочиненіе, называющееся «Душевное зеркало», другое сочиненіе, извѣстное подъ названіемъ «Обрядъ истинныхъ духовныхъ

христіанъ» и разныя другія исключительно рукописныя книги и сочиненія. Едва пророкъ появлялся въ концѣ какой-нибудь сектаторской деревни, на знакомой всѣмъ парѣ мохнатыхъ коней, какъ всѣ принадлежащіе къ прыгунству на-перерывъ зазывали его къ себѣ, считая за особую честь принять у себя Емельяна Лукича, но Емельянъ Лукичъ удостоивалъ останавливаться только у одаренныхъ духомъ и, слѣдовательно, наиболѣе вліятельныхъ людей.

Въ томъ же дворѣ, гдѣ останавливался воскресенскій пророкъ, обыкновенно открывалась и торговля красными товарами. Спокойный, замѣчательно ровный, вообще неразговорчивый, Телѣгинъ назначалъ за свои товары рѣшительныя цѣны, торговаться не любилъ, въ бесѣды съ покупателями не вступалъ, не жадничалъ и не запрашивалъ лишняго. Онъ довольствовался самымъ ничтожнымъ процентомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ни у кого изъ окрестныхъ армянъ-лавочниковъ не было такого выбора всякихъ нужныхъ деревнѣ матерій, какъ у Емельяна. Но въ особенности своимъ обхожденіемъ онъ вселилъ повсюду къ себѣ такое довѣріе и уваженіе, что и покупатели въ торгъ съ нимъ не входили, товары разбирали, вносили деньги и безъ лишнихъ разговоровъ уходили.

«Емельянъ Лукичъ!—говорила иная баба, держась за приглянувшійся ей пестрѣйшій платокъ, на которомъ яркими красками была изображена скачущая пожарная команда или что-нибудь въ этомъ родѣ,—подожди чуточку съ деньгами-то! Дай маленько управиться съ пшеницей да со льномъ! Какъ въ другорядь пріѣдешь,—отдамъ, вѣрно слово, отдамъ!»

«Бери,—говоритъ спокойно Емельянъ,—да не божись! И такъ вѣрю!» А по-прыгунски сказать «вѣрно слово», значитъ уже побожиться, потому что никакой другой божбы не употребляется, да и «вѣрно слово» стараются произносить какъ можно рѣже.

«Емельянъ Лукичъ!—проситъ, бывало, бѣдный, плохо одѣ-

тый мужичекъ,—не откажи, дай два аршина ситчику до лѣта, тогда отдадимъ; дѣвчонкѣ, вотъ, на платье... не въ чемъ ходить». И мужикъ съ сомнѣніемъ ожидалъ рѣшенія пророка.

«Возьми,—также спокойно говоритъ Емельянъ,—да за тобой уже тутъ есть; чего набирать-то, коли не изъ-чего отдавать-то!»

И Емельянъ берется за книгу долговъ, также всегда при немъ находящуюся, гдѣ дѣйствительно въ числѣ должниковъ записанъ и мужичекъ, просящій два аршина ситчику, но Емельянъ вѣритъ этому мужику и два аршина ситца ему все-таки отпускаетъ; а мужикъ, хоть и съ трудомъ, долгъ отдаетъ, и довѣріемъ не злоупотребляетъ.

За торговлю Емельянъ принимался не иначе какъ основательно, т. е. очень долго помолившись, и не измѣнялъ этого порядка нигдѣ и никогда. Напрасно, бывало, бабы и дѣвки, большія охотницы до цвѣтнаго тряпья, прослышавъ о пріѣздѣ Емельяна Лукича, прохаживались вокругъ Емельяновой повозки, стараясь мысленно проникнуть подъ толстое рядно, которымъ была покрыта телѣга, и мысленно кроя себѣ разноцвѣтные передники и сарафаны,—Емельянъ не скоро показывался изъ хаты и не торопился распаковывать привезенный грузъ. Только обыкновенно къ вечеру начиналась торговля, а утро неизмѣнно проводилось въ собраніи и за молитвой.

Емельяну было около сорока лѣтъ. Красивое, смуглое лицо его съ мягкими, задумчивыми глазами, носило выраженіе спокойствія и безстрастія. Онъ былъ характера тихаго, мечтательнаго и даже нѣсколько вялаго. Его безобидность смущала самыхъ дерзкихъ деревенскихъ нахаловъ, преимущественно изъ молоканъ и жидовствующихъ, не упускавшихъ случаевъ задѣть всегда задумчиваго и погруженнаго въ мечтанія прыгунскаго пророка и въ особенности глумившихся надъ тѣмъ процессомъ прыгунскаго духодѣйствія, который заключался въ прыганьи и скаканьи и, правду сказать, въ самомъ нелѣпомъ кривляньи. Семейная жизнь воскресенскаго пророка была образцомъ тишины,

мира, согласія и незлобивости. Красивая его жена, Варвара, безупречная въ нравственномъ отношеніи, представляла олицетвореніе кротости и доброты. Заботы о мужѣ и трехъ дѣтяхъ наполняли всю ея жизнь и она не сомнѣвалась, что можетъ быть недалекое будущее сулитъ ей вмѣстѣ съ мужемъ всѣ радости, обѣщанныя только однимъ праведникамъ, да святымъ.

Телѣгинъ крѣпко вѣровалъ въ несомнѣнное и скорое торжество прыгунскаго ученія надъ всѣми прочими сектантскими толками; онъ всею душею также вѣрилъ въ наступленіе прыгунскаго царства, но пока сохранялъ полное спокойствіе и только среди своихъ слушателей-единовѣрцевъ, лишь изрѣдка, вдавался въ мечтанія о тѣхъ будущихъ удобствахъ и счастьи и о тѣхъ благахъ, которыя прольются надъ прыгунствомъ, когда наступитъ желанное главенство ихъ надъ всѣми.

«Теперь, вишь, тутъ какія горы-то наставлены, — указывалъ онъ на окружающіе хребты,—ни проходу нѣтъ, ни проѣзду,—только птица перелетитъ,—а *тогда-то* земля-то вся будетъ ровная да гладкая, вотъ какъ-бы къ примѣру полъ али столъ. На сто верстъ будетъ видать дорогу-то; хоть двѣсти, хоть триста пудовъ клади на повозку—свезетъ тогда лошадь; хоть день цѣлый иди по ровному да по гладкому—не уморишься, не то что какъ теперь».

Емельянъ самъ призадумывался надъ нарисованной картиной.

«Одежды-то,—продолжалъ онъ мечтать, — будутъ тогда все нетлѣнныя. Не обносишься, не обтреплешься; ни ситцу, ни сукну, ни холсту, ни, значитъ, сапогамъ износу не будетъ... Благодать Господа Духа нашего святаго будетъ завсегда съ нами... Ни трудовъ, ни печалей, ни воздыханій... Соберемся мы, этакъ-то, всѣ вмѣстѣ, сядутъ промежъ насъ архангелы, да ангелы святые, польются изъ глазъ умиленныя слезы и таково-то это станетъ легко, что точно и земли-то вовсе нѣтъ».

«А крылья будутъ?» спрашиваетъ, бывало, кто либо изъ слушателей размечтавшагося пророка.

«Ну, одно слово, наравнѣ съ ангелами небесными», отвѣчаетъ Телѣгинъ.

Мечтая о нетлѣнныхъ одеждахъ и гладкихъ дорогахъ, прыгунскій пророкъ однако не первый уже годъ колесилъ по закавказскому бездорожью и пока утѣшался тѣмъ, что не безвыгодно для себя торговалъ матеріями тлѣнными, которыя и обнашивались, и обтрепывались, и требовали постояннаго возобновленія. Однако Телѣгинъ былъ одинъ изъ тѣхъ очень немногихъ прыгуновъ, которые не теряли вѣры и надежды на наступленіе этого блаженнаго времени и даже порой Телѣгину искренно чудилось, что желанный часъ уже недалеко.

Привыкнувъ говорить предъ народомъ преимущественно на библейскія и евангельскія темы и постоянно заглядывая въ разныя книжки, распространенныя между закавказскими сектантами, Телѣгинъ выработалъ себѣ своеобразную рѣчь, очень красивую и картинную, производившую на слушателей всегда сильное впечатлѣніе. Непріятная особенность этой рѣчи, впрочемъ не для простонароднаго вкуса, заключалась лишь въ томъ, что Телѣгинъ, по примѣру большинства закавказскихъ переселенцевъ, вовсе не признавалъ словъ средняго рода и безъ церемоніи обращалъ всѣ подобныя слова въ женскій родъ: «Одна общество», «плохая колесо», «одна перо» и проч. и проч.—въ такомъ видѣ употреблялъ Телѣгинъ слова средняго рода и въ такомъ же видѣ ихъ вообще употребляютъ поселенные въ Закавказскомъ краѣ русскіе.

Въ послѣднее время Емельянъ Телѣгинъ, какъ уже сказано, былъ нѣсколько обезпокоенъ дошедшими до него вѣстями объ энергическихъ предсказаніяхъ александровскихъ пророковъ и въ особенности нѣкоего Акима Упырева. Слухи удостовѣряли, что этотъ самый Акимъ уже неоднократно, и притомъ съ большимъ успѣхомъ, предсказалъ разныя событія не только изъ деревенской жизни, а также и изъ сферъ, деревни не касающихся. Онъ безошибочно предсказалъ бурю на Гокчѣ и поги-

бель лодки Ивана Дергунова; онъ также нисколько не промахнулся, предсказавъ большой уловъ снастямъ Акима Симова; потомъ, неизвѣстно уже по какимъ соображеніямъ, но совершенно точно онъ предрекъ предстоящую перемѣну губернатора, что дѣйствительно вскорѣ случилось, и проч. и проч.

Но, самое главное, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предсказалъ свое будущее первенство въ прыгунскомъ мірѣ и будто-бы даже намекнулъ, что Телѣгинъ очень ошибается, разсчитывая занять это первое мѣсто, и что ему придется, пожалуй, *потѣсниться,* чтобы уступить это мѣсто другому, болѣе достойному. Изъ всѣхъ пророчествъ Упырева только послѣднее еще не исполнилось, а потому Емельянъ Телѣгинъ порѣшилъ нѣсколько поторопиться съ совершаемымъ ежегодно осеннимъ объѣздомъ деревень, а вмѣстѣ съ тѣмъ далъ себѣ слово непремѣнно заглянуть въ Александровку и помѣряться пророческими силами съ Упыревымъ.

II.

Стоялъ на дворѣ октябрь. Осенній холодный вѣтеръ гналъ низко надъ землею темно-сѣрыя, почти черныя, тучи. Земля была еще совсѣмъ сухая, насквозь промерзлая, словно окоченѣлая, но казалось, что вотъ-вотъ разразится или дождь, или снѣжная мятель. Всегда синія волны прилегающаго къ Александровкѣ залива Гокчи потемнѣли еще болѣе. Волны съ ропотомъ налетали на песчаную отмель Александровки и, набѣжавъ, тотчасъ уходили. На Гокчѣ кругомъ, насколько хваталъ глазъ, не было видно ни души; на горизонтѣ не бѣлѣло ни одного паруса, не темнѣло ни одного неуклюжаго грузнаго корпуса огромныхъ рыбачьихъ лодокъ и дрожь пробирала при одной мысли объ участи тѣхъ, кого такое волненіе застало бы на озерѣ.

Въ такую погоду Телѣгинъ не торопясь шагомъ ѣхалъ

по узкой дорогѣ, вытянувшейся вдоль по берегу Гокчи и, прислушиваясь къ гулу вѣтра и реву волнъ разсвирѣпѣвшей стихіи, умилялся при мысли, что скоро и этого препятствія не будетъ, что сгладятся не только всѣ горы, но и усмирятся всѣ моря и рѣки и что онъ, Телѣгинъ, тогда будетъ безъ всякихъ затрудненій проѣзжать даже на другую сторону озера, въ деревушку Шуржу, куда прямо черезъ Гокчу хоть всего 30 верстъ, да мудрено проѣхать вслѣдствіе постояннаго волненія на озерѣ, а въ объѣздъ не менѣе полутораста верстъ.

Послѣ полудня, въ самомъ концѣ единственной александровской улицы, показалась пара емельяновскихъ лошадей, но едва Телѣгинъ успѣлъ въѣхать въ деревню, какъ изъ третьей съ краю избы вышелъ съ поклонами и приглашеніями прыгунскій молитвенникъ или сказатель Семенъ Наждакинъ и, послѣ самыхъ краткихъ переговоровъ, Емельянъ повернулъ лошадей и въѣхалъ въ широкій дворъ Наждакина. Онъ не спѣша слѣзъ съ телѣги, отпрягъ лошадей, самъ отвелъ ихъ подъ навѣсъ, задалъ сѣна и неторопливо вошелъ въ избу. Вся семья Наждакина, а также и многіе посторонніе, уже узнавшіе о пріѣздѣ Телѣгина, были въ хатѣ и встрѣтили пророка низкими поклонами, пѣніемъ, рукопожатіями и братскимъ лобзаніемъ. Все это продѣлывалось очень серьезно и чинно. Отдѣльные вопросы, обращенные къ пророку, касались только здоровья разныхъ лицъ и затѣмъ за каждымъ вопросомъ слѣдовала длинная пауза. Когда обо всѣхъ было спрошено и вопросы истощились, то отвѣсивъ пророку по низкому поклону, почти всѣ разомъ вышли изъ хаты и Телѣгинъ съ Наждакинымъ остались вдвоемъ. Тутъ бесѣда пошла гораздо живѣе, но Телѣгинъ болѣе спрашивалъ, а Наждакинъ болѣе отвѣчалъ. Хозяйка, жена Наждакина, долго стояла молча, прислонившись къ печкѣ и, подперевъ ладонью подбородокъ, глядѣла на пророка съ какимъ-то восхищеніемъ и радостью, а потомъ даже рискнула сѣсть на кончикъ скамьи поодаль отъ собесѣдниковъ, и продолжая любо-

ваться пророкомъ, ни однимъ словомъ не нарушила своего безмолвія. Отъ Наждакина Телѣгинъ узналъ всѣ подробности объ Акимѣ Упыревѣ; узналъ, между прочимъ, что Акимъ не далѣе какъ три дня назадъ высказывался, что ему слѣдуетъ быть на *первомъ мѣстѣ* и что онъ ссадитъ съ этого мѣста Емельяна. Перебирая въ умѣ все разсказанное про Упырева, Телѣгинъ крѣпко задумался и порѣшилъ не медлить.

День былъ субботній и вечеромъ же, по обыкновенію, должно было состояться собраніе, на которое по наступленіи сумерокъ отправились всѣ прыгуны, а также Наждакинъ и его гость.

О пріѣздѣ воскресенскаго пророка уже всѣмъ было извѣстно и въ собраніи ему было отведено почетное мѣсто около молитвенника и четырехъ наличныхъ александровскихъ пророковъ, сидѣвшихъ въ рядъ съ Телѣгинымъ. На видъ всѣ александровскіе пророки были чрезвычайно мизерны и плюгавы, но въ отношеніи плюгавости рѣшительно первенствовалъ Акимъ Упыревъ.

Бѣлобрысый до совершенной безцвѣтности, какой-то корявый, тощій, подслѣповатый, съ клочкообразною рѣденькой бородкой, мужиченко въ высшей степени тщедушный и въ довершеніе всего съ перебитой переносицей, Акимъ Упыревъ всею своею персоною наглядно свидѣтельствовалъ, что въ немощномъ тѣлѣ можетъ вмѣщаться весьма крѣпкій духъ. Маленькій, хилый, съ лицомъ собравшимся въ комочекъ, съ вдавленными челюстями, впалою грудью и самою поразительною костлявостью, Акимъ Упыревъ поражалъ всѣхъ своею неутомимостью въ прыганьи и ревностью въ моленьи вообще. Онъ ухитрялся простаивать съ поднятыми кверху руками по столько времени, что другіе по два и по три раза опускали руки для отдыха. Онъ такъ умѣлъ выбрасывать ноги и вверхъ, и въ стороны, что даже молящіеся, при всемъ ихъ благоговѣйномъ настроеніи, нерѣдко явно изумлялись. Во время общаго прыганья, кото-

рымъ обыкновенно собраніе заканчивалось, онъ одинъ испускалъ такіе вопли и взвизгиванія, онъ такъ топалъ ногами и такъ пронзительно вскрикивалъ, что покрывалъ всѣ голоса и рѣзко между ними выдѣлялся. Онъ такъ хлопалъ себя въ грудь, такъ колотился головой то объ полъ, то объ стѣны, что всѣ столько же дивились его религіозному рвенію, сколько крѣпости лба. Но кончалось моленье и прыганье и къ Упыреву немедленно возвращался его мизерный видъ и ему одному присущая плюгавость.

«Ужъ поганый же онъ, такой поганый, что въ рѣдкость, — говорили про него односельцы - молокане, а поди-жъ ты, первый у нихъ пророкъ! И нутро-то у него словно погнило, и голосенокъ-то у него какъ у курицы, и вѣтромъ-то его того и гляди перешибетъ, а ужъ въ прыганьи первый мастеръ».

Прочіе александровскіе пророки значительно уступали Упыреву и въ пророческомъ дарѣ, и въ особенности въ мизерности и плюгавости, хотя и они, въ свою очередь, выдавались между всѣми своими единовѣрцами своимъ обтрепаннымъ и унылымъ видомъ. Это были какъ нарочно самые жалкіе изъ всѣхъ и такъ ужъ жалкихъ александровцевъ. Бѣднѣе другихъ въ хозяйствѣ, они всѣ были къ тому же многосемейные и, угнетаемые вѣчными заботами о хлѣбѣ насущномъ, представляли типъ самаго горькаго нищенства.

Въ собраніи они всегда размѣщались рядомъ, но пророчили бо́льшею частью по одиночкѣ и пока одинъ пророчилъ, прочіе или утвердительно покачивали головами, или инымъ способомъ выражали свое одобреніе и удовольствіе. Въ своихъ пророчествахъ они не стѣснялись говорить самую безпардонную чушь. Они несли буквально все, что́ взбредетъ имъ на умъ и то поражали своихъ слушателей какой-нибудь чепушистой фразой необыкновенной длины, которую ухитрялись произносить залпомъ, не переводя духа, то цѣлыми часами говорили риѳ-

мами, также не особенно заботясь о смыслѣ и разсчитывая лишь поразить и изумить своимъ искусствомъ.

Пророки и все собраніе были уже на своихъ мѣстахъ, когда появился Телѣгинъ. При его входѣ всѣ встали, съ минуту простояли, нагнувъ головы какъ-бы для молитвы и поклона единовременно, и затѣмъ молча сѣли, а вмѣстѣ съ тѣмъ занялъ свое мѣсто и Телѣгинъ. Послѣ нѣкотораго молчанія, не заводя, что случается обыкновенно, на этотъ разъ никакихъ разговоровъ о частныхъ предметахъ, не справляясь ни о здоровьѣ другъ друга, ни о разной *домашности*,—прямо приступили къ чтенію св. Писанія.

Телѣгинъ былъ по обыкновенію задумчивъ и ни къ какой иной бесѣдѣ, кромѣ духовной, расположенія не чувствовалъ. Его настроеніе сообщилось всѣмъ и потому, вопреки обычая, тотчасъ приступили къ дѣлу.

Началось чтеніе. Всѣ пророки, а въ томъ числѣ и Емельянъ, сидѣли низко опустивъ головы. Только изрѣдка Емельянъ искоса взглядывалъ въ сторону пророковъ и въ особенности посматривалъ на Упырева. Онъ видимо былъ взволнованъ и съ какимъ-то нетерпѣніемъ откашливался и ерзалъ на мѣстѣ, точно чего-либо ожидая. Онъ и дѣйствительно ожидалъ случая сразиться съ мѣстными пророками вообще и особенно съ Упыревымъ; онъ хотѣлъ притомъ сразиться такъ, чтобы всѣ сразу поняли, какая разница между имъ, Емельяномъ, и ихъ александровскими пророками, и чтобы видѣли, кому должно принадлежать духовное первенство въ средѣ прыгуновъ,—и случай этотъ онъ скоро нашелъ.

Только-что прочли какую-то главу изъ апокалипсиса и, по обыкновенію, не долго останавливаясь надъ непонятными мѣстами, хотѣли перейти къ слѣдующей главѣ, какъ Упыревъ видимыми знаками проявилъ, что чувствуетъ приближеніе духа. Онъ впрочемъ и ранѣе, еще во время чтенія, давалъ понять, что тайное общеніе съ духомъ уже начинается. Имен-

но во время чтенія онъ вдругъ вскочилъ на скамейку, поднялъ правую руку, подогнулъ лѣвую ногу на манеръ болотной птицы, крикнулъ: «Богъ! Духъ!» и тотчасъ замеръ въ такомъ положеніи. Чтеніе, на минуту прерванное этимъ восклицаніемъ, вновь продолжалось, а онъ все стоялъ въ томъ же положеніи, какое принялъ; чтеніе кончилось, а онъ все стоялъ, не опуская руки и не разгибая ноги, но пока читальникъ, перелистывая библію, отыскивалъ чтò-бы еще прочитать, Упыревъ вдругъ соскочилъ съ лавки, прошелся по собранію какимъ-то пѣтушинымъ шагомъ, помоталъ своей нечесаной головой и остановился предъ однимъ мужичкомъ среднихъ лѣтъ съ плутоватыми глазами и короткой окладистой бородой.

Читальникъ пересталъ перелистывать библію. Телѣгинъ искоса взглянулъ на Упырева,—всѣ ждали. Мужичекъ, къ которому Упыревъ подошелъ, поднялъ глаза и попробовалъ взглянуть на него, но тотчасъ опять опустилъ ихъ внизъ. Упыревъ все смотрѣлъ на мужичка и все молчалъ; потомъ онъ зашелъ съ боку, опять посмотрѣлъ на мужичка, и опять ни слова. Вдругъ Упыревъ запрыгалъ на одномъ мѣстѣ и на-распѣвъ заговорилъ:

Ой, Анфимъ поберегись
Богу крѣпче помолись,
Не забудь ты Бога ради
Господь сказалъ: не укради!

Мужичекъ, который назывался именно Анфимомъ, крѣпко сконфузился, но видимо бодрясь все-таки старался посмотрѣть въ глаза Упыреву, а тотъ подпрыгивая то передъ нимъ, то сбоку, то сзади, напѣвалъ: «Ой, не укради! Право, не укради! Ой, не укради, право, не укради!»

Оставивъ Анфима, Упыревъ вдругъ какъ-то круто остановился передъ другимъ мужичкомъ, повертѣлся на одной ногѣ, погладилъ его по бородѣ, а мужичекъ, какъ-бы что-то ожидая узнать отъ Упырева, давно ловилъ его взглядами и очень ожи-

вился, когда Упыревъ подошелъ къ нему совсѣмъ вплотную, обнялъ, дунулъ на него два раза и, прыгая на одной ногѣ, заговорилъ также риѳмами:

Скорымъ шагомъ побѣги,
Къ Богу очи возведи,—
Много тебѣ люди врали,
А кобылу-то украли!

Всѣ, кромѣ пророковъ, переглянулись; пророки еще ниже понурили головы и, по выраженіямъ ихъ физіономій, нельзя было распознать, сочувствуютъ-ли они прорицаніямъ Упырева или нѣтъ, но въ собраніи все оживилось, произошло какое-то волненіе и легкій гулъ; нѣкоторые какъ-бы откашлялись, желая что-то сказать, другіе вздохнули, точно освободились отъ гнета или тяжести.

Тайный смыслъ Упыревскаго откровенія былъ, впрочемъ, для всѣхъ понятенъ. Была у Карпа кобыла, хоть и не важная, а все-таки годная и крѣпкая. Ходила кобыла по задворкамъ, пощипывая крохотную, совсѣмъ почти выбитую за лѣто травку, а на досугѣ обгладывала заборы и пожелтѣвшіе придорожные кусты, и вдругъ кобыла пропала при самыхъ, можно сказать, необыкновенныхъ обстоятельствахъ. Только-что видѣла кобылу Василиса, жена Карпа, и замѣтила даже, что кобыла чесалась объ заборы, но отвернувшись пошла въ избу, чтобы выгнать затесавшагося туда годовалаго теленка, какъ кобыла сгинула и словно сквозь землю провалилась. Думали тогда на многихъ, подозрѣвали и своихъ и чужихъ, но «хвактовъ» ни противъ кого не оказывалось, жаловаться было не на кого, а потому, поговоривъ, такъ и оставили это дѣло. Больше всего предполагали, что пропавшая лошадь какъ-нибудь пристала къ проходившимъ татарамъ - кочевникамъ, и хоть Василиса увѣряла, что татары въ тотъ день не проходили и что «вотъ-вотъ только-что кобылу видѣла», а потомъ кобыла

чуть-что не на глазахъ у нея пропала, но Василисѣ почему-то плохо вѣрили и думали, что она просто прозѣвала. Теперь явственный намекъ Упырева на нарушеніе Анфимомъ заповѣди «не укради», а вслѣдъ затѣмъ обращеніе Упырева къ хозяину лошади—что она де-вовсе не пропала, а ее украли, сами собою заставили присутствовавшихъ сопоставить эти два предсказанія и сдѣлать изъ нихъ какъ разъ тѣ выводы, которые впрочемъ въ нѣкоторыхъ головахъ сдѣланы были и ранѣе.

Вышла продолжительная, но нѣмая сцена, очень тягостная для изобличеннаго Анфима. Карпъ, хозяинъ лошади, молча, но выразительно взглядывалъ на Анфима, тотъ конфузливо обводилъ глазами всѣхъ собравшихся, но больше глядѣлъ себѣ на ноги и видимо томился. Всѣ молчали.

Между тѣмъ Упыревъ все еще не кончилъ съ своими пророчествами. Онъ опять, все тѣмъ же пѣтушинымъ шагомъ, походилъ по комнатѣ и подошелъ къ одному бѣлобородому, скромнаго вида мужичку. Погладивъ его по затылку и по спинѣ, такъ, какъ гладятъ лошадей, онъ запѣлъ, сопровождая пѣніе приплясываніемъ:

Далъ Господь тебѣ жену едину,
Не купить такой жены и за полтину,
Свекровь плохо бабу стерегла,
Коль съ нечистымъ убѣгла.

Это было ужъ совсѣмъ даже не предсказаніе, а просто-напросто напоминаніе объ одной непріятности, не такъ давно постигшей того мужичка, къ которому относились яко бы пророческія слова Упырева. Все дѣло заключалось въ томъ, что жена этого мужичка, наскучившая бѣдностью, грязью и всякими недостатками и захотѣвшая, взамѣнъ штопанья рыболовныхъ сѣтей и лохмотьевъ мужа, пожить вольною жизнью свободнаго человѣка, ушла отъ него съ какимъ-то отставнымъ унтеромъ. Эта, въ своемъ родѣ довольно рѣдкая въ сектаторскомъ мірѣ,

исторія въ свое время произвела въ мѣстномъ околоткѣ сильное впечатлѣніе, но затѣмъ она уже порядкомъ поистрепалась и новаго ничего не представляла. Самъ пострадавшій отъ нея уже попривыкъ къ постигшей его невзгодѣ и Упыревъ кажется только потому и возвратился къ этой исторіи, что подвернулись подходящія риѳмы.

Въ такомъ родѣ продолжались прорицанія Упырева. Какъ нарочно на этотъ разъ всѣ предсказанія были мрачныя. Предрекались на зиму голодъ и лютая стужа; на весну опять голодъ и бури на Гокчѣ; вообще предсказывалось уменьшеніе вѣры, семейные раздоры и распри, утѣсненіе бѣдныхъ и проч. и проч. Одному изъ присутствовавшихъ, слегка занимавшемуся ростовщичествомъ, Упыревъ просто отрѣзалъ: «Пустилъ ты душу въ адъ, скоро будешь богатъ». По мѣрѣ того, какъ сыпались эти предсказанія и изреченія, александровскій пророкъ приходилъ все въ бо̀льшій азартъ. Подъ конецъ ѳнъ до того расходился, что пересталъ уже говорить, а началъ просто выкрикивать и, наконецъ, покончивъ съ отдѣльными предсказаніями, Упыревъ сталъ благимъ матомъ кричать ко всѣмъ вообще и къ каждому по одиночкѣ:

«Горе вамъ! Горе! Охъ, горе вамъ! Горе тебѣ, братъ! Горе тебѣ, сестрица! Горе всѣмъ намъ! Горе! горе».

Онъ еще разъ обошелъ собраніе все тѣмъ же пѣтушинымъ шагомъ, попрыгалъ на одномъ мѣстѣ, немножко покобенился и вдругъ, тяжело рухнувшись на полъ, истерически зарыдалъ. Многіе поблѣднѣли; наступила глубокая тишина.

III.

Настала очередь Телѣгина. Выждавъ, пока всѣ немного успокоились, онъ съ разстановкой началъ:

«Да, горе! Горе всѣмъ! Горе всему свѣту! Скоро, скоро настанетъ плачевная, ужасная бѣдствія. Скоро станутъ опро-

вергать всѣ упованія нашей сехты и супротивники наши превознесутся паче всякаго Бога и чтилища. Все будетъ, скоро будетъ!.. Смерть, казни, заразныя болѣзни, гладъ, ужасная кровопролитія,—даже не умилосердится человѣкъ ко искреннему своему... Сдѣлаются бури, вихри такіе жестокіе, огненныя тучи со стрѣлами, провалы, землятресенія, трескъ ея будетъ раздаваться во всю землю... Господи милосердный, что будетъ!..»

Телѣгинъ точно преобразился, и отбросивъ свой смиренный видъ и мечтательные взоры, онъ быстро всталъ, обвелъ всѣхъ горящими глазами и, что было силы, возопилъ:

«Сами смерти захотимъ тогда, да и смерть убѣжитъ отъ насъ, истаютъ плоти наша на ногахъ стояща... Горе всему свѣту, горе!»

Телѣгинъ какъ-бы разомъ обезсилѣлъ и, склонивъ голову на бокъ, легонько приплясывая и притоптывая, заговорилъ нараспѣвъ, какъ-бы декламируя:

Нонѣ къ тому приготовляйтеся,
Въ волю божію повергайтеся,
Предъ всѣми униженно смиряйтеся,
Духу святу покоряйтеся,
На своей правости не полагайтеся,
За то будете спасены
Отъ великихъ бѣдъ унесены,
И словно вознесены....

Телѣгинъ поднялъ руки кверху, влѣзъ на скамью, оттуда на столъ и, ка̀къ-бы желая наглядно показать, ка̀къ будетъ сдѣланъ первый шагъ ожидаемаго путешествія къ небесамъ, подскочилъ нѣсколько разъ на столѣ и, глядя на его съ мольбою возведенные глаза, на выраженіе благоговѣйно молящаго ожиданія, можно было подумать, что онъ чуть-ли не въ самомъ дѣлѣ разсчитывалъ, что будетъ тотчасъ же вознесенъ на небо.

Успокоивъ всѣхъ тѣмъ, что въ концѣ-концовъ прыгуновъ ожидаетъ не иное что, какъ «славное вознесеніе», и самъ отчасти

на томъ успокоившись, Телѣгинъ слѣзъ со стола, вытеръ клѣтчатымъ платкомъ потъ и повелъ рѣчь уже гораздо спокойнѣе.

Онъ пространно изобразилъ, что должно предшествовать этому славному вознесенію. Послѣ всякихъ бурь, вихрей, землетрясеній и проч. явится гора Сіонъ, «непоборимая во всемъ свѣтѣ», а затѣмъ придетъ «мучительный монархъ» и съ великою яростью проявитъ свою «мучительную влас ть», «власть неограниченную».

«Вѣдь вонъ, — разсуждалъ Телѣгинъ въ поясненіе только-что высказанныхъ мыслей,—вѣдь вонъ, сколько теперь идоловъ и золотыхъ, и серебрянныхъ, и каменныхъ, и мѣдныхъ, и деревянныхъ! Всѣ народы оставили упованія своихъ отцовъ, кои, вишь ты, будто почитали—не знали кого и служили, вишь, тому, котораго нѣтъ нигдѣ... Теперь,—иронически добавилъ Телѣгинъ,—вишь, вонъ, какъ говорятъ, что значитъ и гдѣ-то есть ктой-то, называемый Богъ, а намъ, молъ, значитъ, не видать гдѣ онъ, такъ, вишь, и нѣтъ его—значитъ. Ну такъ вотъ надоть, стало, чтобы было его видать, ну и обтесали какую попало деревяшку, замѣсто Бога-то, да и поклоняются».

Тутъ Телѣгинъ вновь погрузился въ свои думы. Безмолвно просидѣвъ нѣсколько секундъ, онъ вдругъ снова возвелъ глаза къ небу и поднялъ къ верху руки; потомъ онъ сталъ дышать громче, и громче, чаще и чаще; на лицѣ появилась замѣтная блѣдность, губы у него посинѣли и, раскачиваясь во всѣ стороны, пророкъ вдругъ повернулся къ окну и громко закричалъ, какъ-бы къ кому-то обращаясь и кому-то грозя:

«О нечувственный отступникъ! По-что утомляешь отъ начала любезное созданіе отца моего, который толико временъ милостиво ожидалъ твоего обращенія, и знай ты, что нынѣ совершилась твоя мучительная мѣра беззаконія!»

Телѣгинъ грозилъ въ окно то пальцемъ, то кулакомъ и, какъ-бы усматривая какого-то врага, приходилъ все въ большій и большій азартъ. Постепенно повышая голосъ, онъ скоро при-

шелъ въ состояніе какого-то бѣснованія и совершенно надорваннымъ теноромъ выкричалъ:

Теперь ты болѣ не мудрись,
А вспять возвратись!
Совсѣмъ истребись!
И со всѣми сообщниками
Въ геенское мученіе опредѣлись!

«Разступись земля!» заоралъ наконецъ Телѣгинъ во всю мочь и, по примѣру Упырева, повалился на землю и прильнулъ къ ней.

Земля хотя и не разступилась, но стѣны собранія дѣйствительно были потрясены дружнымъ воплемъ, который вслѣдъ за восклицаніемъ пророка вырвался единовременно изъ цѣлой сотни здоровенныхъ мужицкихъ грудей. Лежавшій во все время Телѣгинскихъ прорицаній Акимъ Упыревъ гаркнулъ громче всѣхъ. Со стороны было легко подумать, что земля въ самомъ дѣлѣ разступилась и погибающая толпа людей издаетъ вопли о спасеніи. И дѣйствительно, въ эту минуту всѣ участники собранія уже такъ наэлектризовались, что въ самомъ дѣлѣ ожидали увидѣть что-либо сверхъестественное. Мужики колотили себя кулаками въ грудь, бабы хныкали и вздыхали съ какимъ-то присвистомъ.

«Господи, помилуй насъ! Господи, умилосердись надъ нами», шептали въ разныхъ углахъ.

«Окаянные мы, грѣшники мы недостойные», слышались голоса кающихся.

Всѣ четыре пророка бились лбами объ землю и рвали на себѣ волосы. Въ избѣ минутъ десять стоялъ невообразимый гамъ. Но мало-по-малу дикіе вопли и возгласы стали ослабѣвать; нытье и стоны мужиковъ и бабьи взвизгиванія замѣнились все болѣе и болѣе затихающимъ плачемъ и прошло не болѣе четверти часа, какъ все и всѣ окончательно успокоились и вновь чинно расѣлись по своимъ мѣстамъ.

Телѣгинъ стихъ раньше всѣхъ. Пророкъ, наружно совершенно преображенный, съ сладостной улыбкой и мягкимъ умиленнымъ голосомъ сталъ повѣствовать о томъ, ка̀къ Господь воцарится среди Сіона, который за то и Сіономъ называется, *что лучи его сіяютъ во весь свѣтъ*; ка̀къ они, прыгуны, облекутся и будутъ стоять *въ свѣтущихъ ризахъ*; ка́къ всѣ члены Сіона *обратятся въ чувство иное*, такое чувство, котораго нынѣ *никто и вообразить не можетъ*; ка̀къ они потомъ заплачутъ *радоносными слезами*; какъ гласъ радости (прыгунской) раздастся во всѣхъ странахъ свѣта и отъ гласа этого содрогнется *вся основанія земли* и какъ тогда будетъ во всѣхъ любовь и умиленіе... «даже во всѣхъ животныхъ», добавилъ Телѣгинъ съ увѣренностью.

Пророкъ говорилъ долго и много, все пуще и пуще растрогиваясь и смягчаясь.

«И намъ,—закончилъ онъ, обращаясь къ собранію,—и намъ всѣмъ дорогіе, благословенные чада, за постоянную нашу пребыванію въ вѣрѣ объявится отъ Бога всякая удовольствія. Вѣрно это, любезные братцы и сестрицы! Сто̀итъ труда подумать о такой блаженствѣ!»

Не успѣли еще слушатели пораздумать надъ вопросомъ «о всякой удовольствіи» и въ особенности надъ вопросомъ объ окончаніи заѣдающей ихъ бѣдности, какъ Телѣгинъ, чтобы еще болѣе вселить увѣренность въ близость вѣчнаго блаженства, завелъ рѣчь о томъ, что какъ ветхозавѣтные пророки время отъ времени *возрождаются въ нынѣшнихъ простыхъ людяхъ, духомъ осѣненныхъ*, такъ и прочія ветхозавѣтныя сказанія по временамъ повторяются и теперь. Для примѣра Телѣгинъ тутъ же указалъ на делижанскаго *) жителя Давыда Іесѣева, съ которымъ, какъ завѣрялъ Телѣгинъ, случилось какъ-разъ то самое, что̀ было съ Іоной, попавшимъ во чрево китово:

*) С. Делижанъ Казанскаго уѣзда.

«И онъ,—говорилъ Телѣгинъ про Іесѣева,—также точно, какъ праведный Іона, попалъ во чрево большой рыбины, когда ѣхалъ по Гокчѣ; также точно какъ Іона, онъ жилъ въ утробѣ этой рыбины нѣсколько времени, но невидимая десница исхитила его изъ моря и бросила на сушу. И повелѣлъ тогда Господь такъ, что Давыда никто не узнаетъ и даже онъ самъ не узнаетъ себя. Верхъ плоти его сдѣлался подобенъ морскимъ щудамъ,—ну не узнать никакъ! Собрались люди, взираютъ на него робкимъ, *слезавымъ взоромъ*, яко на новорожденнаго, но Господь оживилъ его душу, и возблагодарилъ же тогда Давыдъ за то, что Богъ хранилъ его въ разныхъ обращеніяхъ прошедшей жизни и за то, что вывелъ его изъ глубины преисподняго тартара, невредима, вратами смертныя пропасти...»

«И ка́къ не возблагодарить,—добавилъ къ разсказу кто-то изъ собесѣдниковъ, — этакое чудесное дѣло! Въ рыбьемъ-то брюхѣ столько-то дёнъ находился и здоровешенекъ... и ничаво... Все, значитъ, отъ Бога...»

Никто не сомнѣвался въ достовѣрности исторіи съ Давыдомъ Іесѣевымъ. Всѣ послѣдователи прыгунскаго толка вѣрятъ искренно, что случай такой не только возможенъ, но что онъ былъ на самомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что самъ Іесѣевъ, нынѣ уже древній старикъ, за девяносто лѣтъ, неутомимо повѣствуетъ всѣмъ о бывшемъ съ нимъ приключеніи и даже написалъ объ этомъ особую книжицу, ходящую между прыгунами.

Между тѣмъ собраніе длилось уже болѣе трехъ часовъ. Всѣ, особенно же прыгавшіе, порядкомъ умаялись и раскисли. Хозяйка той избы, гдѣ шло собраніе, улучивъ минуту, когда становилось поспокойнѣе, уже раза три заглядывала въ печку, находившуюся какъ разъ у самаго входа въ хату и, не стѣсняясь происходившимъ духодѣйствіемъ, перестанавливала ухватомъ свои горшки и затѣмъ, закрывъ печь заслонкой, вновь присоединялась къ молившимся. Духодѣйствіе очевидно никому не мѣшало помышлять о земныхъ потребностяхъ: бабы не забывали

кормить своихъ грудныхъ ребятъ и уносили ихъ изъ собранія, если тамъ не могли успокоить ихъ рева; мужики почесывались и приводили въ порядокъ свои свиты; дѣвки поправляли ленты, вплетенныя въ косы, и обдергивали фартухи и сарафаны.

Всѣ давно уже ждали, что Телѣгинъ наконецъ встанетъ и пригласитъ къ заключительному моленію и братскому лобзанію, но Телѣгинъ какъ будто бы объ этомъ еще и не думалъ и, вмѣсто приглашенія къ моленію и лобзанію, не торопясь вытащилъ изъ-за пазухи истрепанную книжицу съ округлившимися углами рукописныхъ листовъ, носившихъ явные слѣды засусленныхъ грязныхъ пальцевъ.

Развернувъ книжку почти на половинѣ, Телѣгинъ остановился на страницѣ, испещренной красными письменами. На этой страницѣ было нарисовано какое-то многовѣтвистое и донельзя безобразное дерево, а вокругъ него затѣйливыми славянскими буквами было изображено:

«Выписка изъ священной премудрости».

Откашлявшись, Телѣгинъ принялся на-распѣвъ читать:

1856 года въ сентябрѣ мѣсяцѣ *)
Въ бѣломъ свѣтѣ открылась
Новая ужасная явленія
Всему свѣту на удивленіе!
Градъ Іерусалимъ объявляется
Служители рукотвореннаго истребляются
Конецъ свѣту приходитъ.
Власть рукотвореннаго отходитъ!
Огонь въ свѣтѣ воздымается,
Всякъ царь гнѣвно подымается,
Древній змій появляется,
Въ полной силѣ прославляется!
Восплачетъ горько весь свѣтъ
Отъ его великихъ и ужасныхъ бѣдъ,
Въ лютое то время
Явится всѣмъ Божье сѣмя

*) Въ 1856 году прыгунская секта окончательно образовалась.

«Да, явится, безпремѣнно явится!—замѣтилъ одинъ изъ слушателей,—того и ждемъ, на то и надѣемся!»

Телѣгинъ, повысивъ голосъ, продолжалъ:

Гора Сіонъ всѣмъ явится *)
Во убѣжище мѣста отправится,
А неуправныя сердца опечалятся,
Во власти звѣря останутся.
И горько они тогда закричали,
Что прежде Бога не величали!

«Ка̀къ не закричать!—замѣтилъ тотъ же слушатель;—закричишь, когда мученья претерпишь!»

«Да кричать-то ужъ поздно будетъ!» добавилъ другой.

Еще повысивъ голосъ, Телѣгинъ читалъ далѣе:

Они прежде жили
О своихъ грѣхахъ не тужили
Горьку участь себѣ заслужили!
Звѣрь весь свѣтъ покоряетъ,
Себя Богомъ поставляетъ,
На Сіонъ гнѣвно взираетъ!
Въ сатанинскую ярость приходитъ
Со всего свѣта войско приводитъ.
Сіонъ того не устрашается
Пусть Божій судъ совершается!
Сіонъ звѣрю не покоряется
А звѣрь все болѣе воспаляется,
Гордо предъ Сіономъ мудрится,
Но скоро съ земли истребится!

Тутъ Телѣгинъ вдругъ усилилъ голосъ почти до крика и продолжалъ:

Царь Царей Іисусъ Христосъ является!
Звѣрь повсюду истребляется!
Скрозь землю въ езиро огненно опредѣляется
Христосъ воцаряется!

---

*) Подъ горой Сіонъ прыгуны разумѣютъ не гору, а общество духовныхъ христіанъ.

«Такъ! такъ! — возгласили всѣ разомъ. — Вѣрно! Вѣрно! Воцаряется! Воцаряется!»

Всѣ лица словно прояснились. Валявшійся на полу Упыревъ вскочилъ на ноги и вновь принялъ позу болотной птицы. Пророки закатили глаза и, осклабившись какъ-бы отъ пріятнаго ощущенія, блаженно вздохнули. Бабы зашептали и опять зашевелились. Всѣ сіяли, глубоко вздыхали и по собранію пронеслось какимъ-то стономъ: «Ахъ, кабы сподобиться! Ахъ, кабы сподобиться! Господи! Господи милостивый!»

И вдругъ безъ всякихъ приготовленій, какъ-бы по чьему-то знаку, разомъ какъ одинъ человѣкъ, все сборище грянуло хоромъ на совершенно солдатскій мотивъ:

Вотъ мы сѣли,
Сладку пѣсню спѣли,
Истинную, не лѳжную,
До Сіона подорожную!
А вы въ библію глядите,
Вѣрно всѣ по ней идите!
По писанію замѣчайте
Гордо намъ не отвѣчайте!

Каждый стихъ повторялся по два раза. Бабы звонко заливались; мужчины старались не отставать; тенора побагровѣли, надрываясь во всю глотку и стараясь заглушить бабій визгъ.

Пѣсня длилась минутъ десять и кончилась такъ:

Ахъ, царю ты мой, царю,
Какъ тебя благодарю!
Ты насъ всѣхъ такъ возлюбилъ,
Мѣсто намъ опредѣлилъ;
Ты насъ кровью очищалъ,
И сіе намъ возвѣщалъ!
Пѣсню мы тебѣ поемъ,
Скоро всѣ къ тебѣ придемъ!

Повидимому, эта достаточно сумбурная пѣсня подѣйствовала на всѣхъ совершенно успокоительно и оживившіяся лица смо-

трѣли весело и свѣтло. Какъ только пѣсня была допѣта и разомъ, по-солдатски, оборвалась послѣдняя нота звонкихъ бабьихъ голосовъ, въ собраніи водворилась глубокая тишина.

Всѣ отдыхали, да и было отчего. Ровно пять часовъ длилось это моленіе и даже на совершенно плюгавой, неизмѣнно грязно-сѣраго цвѣта, физіономіи Упырева появилось нѣчто въ родѣ утомленія. Всѣ остальные изображали картину всеобщей и полнѣйшей осоловѣлости. Всѣ ждали призыва къ послѣдней молитвѣ и къ послѣднему лобзанію, но Телѣгинъ вовсе не для того сворачивалъ съ большой дороги въ Александровское захолустье, чтобы обнаруживать утомленіе отъ какого-нибудь пятичасоваго сидѣнья въ собраніи. Ему случалось высиживать и вдвое, ему случалось проводить въ молитвѣ на-пролетъ цѣлыя ночи и не даромъ же онъ слылъ по цѣлымъ двумъ губерніямъ первымъ пророкомъ не только за даръ предсказывать, но и за неутомимость въ собесѣдованіи. Онъ чувствовалъ, что уже теперь всѣхъ пересидѣлъ, что ему нѣтъ соперниковъ въ неутомимости, что это первенство за нимъ останется и на будущее время,— но чтобы окончательно превзойти всѣхъ и убѣдить александровцевъ въ немощности ихъ представителей, онъ, передъ окончаніемъ собранія, прочелъ еще длинную предлинную молитву собственнаго сочиненія, сопровождая чтеніе колѣнопреклоненіями, слезами и новыми колѣнопреклоненіями, и опять слезами, и воздѣваніемъ рукъ горѣ, и затѣмъ уже приступилъ къ братскому лобзанію, перецѣловавшись съ каждымъ и каждой по три раза и выждавъ, пока это же продѣлали всѣ прочіе присутствовавшіе.

Обезсиленные александровцы еле-еле дослушали молитву до конца и, кое-какъ облобызавшись, совсѣмъ истощенные и ослабѣвшіе, стали расходиться по домамъ. Александровскіе пророки страшно утомились; Упыревъ едва волочилъ ноги; всѣ прочіе плелись къ своимъ хатамъ разбитые и изнеможенные и, наскоро перекусивъ, завалились спать.

На другой день, въ воскресенье, Телѣгинъ, распродавъ много ситцу и платковъ, уѣхалъ, провожаемый всѣмъ прыгунскимъ обществомъ, а Александровскій поселокъ, вмѣстѣ съ своими пророками и Упыревымъ во главѣ, принялся за прежнюю жизнь, слегка потревоженную наѣздомъ Телѣгина.

Ревность къ вѣрѣ вообще и duходѣйствію въ частности послѣ отъѣзда Телѣгина даже усилилась въ Александровкѣ. Пророки рѣшительно надрывались, подражая Телѣгину, а Упыревъ надрывался больше всѣхъ. Однако, произведенное Телѣгинымъ впечатлѣніе было такъ сильно, что Упыревъ, хотя и засѣлъ опять на первое мѣсто въ собраніи, но только много времени спустя успѣлъ вытѣснить изъ памяти своихъ односельцевъ имя пророка Емельяна Лукича, но и послѣ того александровцы, при всякомъ удобномъ случаѣ, не забывали о знаменательномъ для нихъ пріѣздѣ Лукича и не переставали сравнивать спокойнаго, ровнаго, тихаго, благообразнаго, а главное рѣшительно неутомимаго Телѣгина съ своимъ корявымъ, порывистымъ, неблагообразнымъ Акимомъ Упыревымъ, по-прежнему сохранившимъ всю свою плюгавость.

Пріѣздъ воскресенскаго пророка имѣлъ и еще одно послѣдствіе. Въ самой Александровкѣ число пророковъ увеличилось и къ прежнимъ четыремъ прибавилось еще столько же, да кромѣ того пророческій даръ обнаружился у двухъ вдовыхъ старухъ, да у одной пятнадцатилѣтней дѣвочки. По обыкновенію, новые пророки и пророчицы были изъ числа бѣднѣйшихъ и нуждающихся.

Упражненія въ пророчествахъ довели Акима Упырева почти до нищенства и между тѣмъ какъ онъ все бѣднѣлъ и бѣднѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастала его нищета и плюгавость, пророкъ Емельянъ Телѣгинъ съ прежнимъ успѣхомъ разъѣзжалъ по окрестнымъ деревнямъ, продавалъ красный товаръ и, занимая первыя мѣста во всѣхъ прыгунскихъ собраніяхъ, авторитетно разрѣшалъ всѣ возникавшіе вопросы и сомнѣнія. Раз-

сказывали даже, что самъ Максимъ Рудометкинъ писалъ своей паствѣ изъ Соловецкаго заточенія и, жалуясь въ письмѣ на притѣсненія и попытки какого-то приставленнаго къ нему архимандрита *совратить его изъ вѣры православной и сбить съ пути истины*, на которомъ онъ установился тверже чѣмъ когда-либо, высказывалъ надежду, что все-таки онъ скоро возвратится въ свое *духовное царство*, а пока назначалъ своимъ замѣстителемъ Емельяна Телѣгина. Неизвѣстно, согласился ли воскресенскій пророкъ быть замѣстителемъ Рудометкина и облечься властью прыгунскаго «духовнаго царя», но званіе перваго прыгунскаго пророка за нимъ упрочилось окончательно и, разъѣзжая по закавказскимъ захолустьямъ, онъ и нынѣ терпѣливо ждетъ, когда сгладятся горы и успокоятся воды; ждетъ, когда устранятся всѣ дорожныя и иныя препятствія и когда онъ заведетъ себѣ вмѣсто тлѣнныхъ одежды нетлѣнныя и займетъ въ Сіонскомъ царствѣ принадлежащее ему по праву мѣсто.

И странно,—чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе и крѣпче растетъ надежда, почти увѣренность, воскресенскаго пророка; тѣмъ болѣе и болѣе онъ проникается убѣжденіемъ, что *все это* будетъ непремѣнно, будетъ очень скоро, и мысль о несбыточности этихъ мечтаній никогда не западаетъ въ его вѣрующую душу и убѣжденное сердце.

XI.

Домна-пророчица.

I.

Приближалась осень. Вся Гокчинская возвышенность покончила съ жатвой и молотьбой и настало время всеобщаго отдыха. Изъ русскихъ деревень потянулись въ разныя стороны фургоны,—одни съ кладью, другіе искать клади. Обычные осенью транспорты съ пшеницей, на арбахъ, повозкахъ и вьюкахъ двинулись къ Тифлису.

Чудесный, бодрящій воздухъ, ясное темно-синее небо, манящая прохлада звали всѣхъ изъ хатъ. И русскія избы, и приплюснутыя къ землѣ, плоскія, коробкообразныя, сѣрыя постройки туземцевъ на нѣкоторое время совсѣмъ опустѣли. Всѣ отъ мала до велика проводили дни на воздухѣ. Матери принесли туда люльки своихъ грудныхъ ребятъ; глубокіе старики покинули свои печи и полати. Только къ вечеру, когда съ окрестныхъ горъ, кое-гдѣ уже побѣленныхъ снѣгомъ, потягивало прохладой, всѣ прятались по домамъ.

По задворкамъ почти всѣхъ сектантскихъ избъ бабы готовили себѣ на зиму пряжу и трепали и чесали собственнаго посѣва ленъ. Натрепавшись до устали, бабы усаживались на своихъ заваленкахъ и, грѣясь на солнышкѣ, чесали собствен-

ные языки. Мѣстныя ткачихи, а такія были почти въ каждой избѣ, и тѣ постарались вытащить на прохладу свои громоздкіе самодѣльные станки и цѣлые дни работали на дворѣ.

Однимъ словомъ, всѣ жили на воздухѣ. Ежегодно этотъ сезонъ продолжался не далѣе половины октября, когда холодный вѣтеръ какъ-то разомъ собиралъ тяжелыя лучи; бирюзовое небо тогда превращалось въ свинцовое и косой пронизывающій дождь быстро всѣхъ водворялъ по хатамъ. Это считалось началомъ зимы. Въ сектантскихъ избахъ тогда накалялись громадныя печи и угорали обыкновеннымъ всероссійскимъ способомъ. Въ туземныхъ сакляхъ въ то же время угорали по мѣстному способу отъ дымящихъ и коптящихъ мангаловъ и жаровень и цѣлые дни ходили съ одурѣлыми отъ кизяковаго чада головами.

Въ это же время въ сектантскихъ деревняхъ появились аробщики съ виноградомъ, предлагая, по установившемуся обычаю, обмѣнъ винограда на пшеницу. По обыкновенію, отцы семействъ, какъ противники всякой роскоши, пытались было удовлетворить своихъ безчисленныхъ Ванюшекъ и Аксютокъ нѣсколькими кистями винограда, — но молодежь, и въ томъ числѣ молодыя бабы и дѣвки, также по обыкновенію успѣли усыпить родительскую бдительность и перетаскали изъ отцовскихъ запасовъ преизрядное количество пшеницы въ обмѣнъ на виноградъ. Дѣлается это обыкновенно такъ, что подъ фартухами, подъ платьями, въ платкахъ и мѣшкахъ бабы и дѣвки усердно тащатъ пшеницу и ячмень къ арбѣ гдѣ-нибудь за селеніемъ остановившагося ловкаго продавца-армянина и тамъ же поѣдаютъ полученный за пшеницу и ячмень виноградъ, пока родители, спохватившись, не приберутъ ключи къ рукамъ и какъ-нибудь не выживутъ изъ деревни соблазнителя-виноградчика.

Осенью-же, по обилію у всѣхъ, незанятыхъ извозомъ, рус-

скихъ сектантовъ свободнаго времени, начинаются между одновѣрцами разныхъ деревень особенныя, чисто религіознаго характера, взаимныя посѣщенія, съ цѣлью сближенія и установленія единства во взглядахъ на разные религіозные вопросы.

Дѣло это считается серьезнымъ и важнымъ. По-двое, по-трое, а то и по нѣсколько человѣкъ разомъ собираются охотники такихъ визитовъ въ болѣе или менѣе дальній путь, не страшась ни опасностей, ни бездорожья. Путешествуютъ по необходимости верхомъ. Своихъ мохнатыхъ, толстоногихъ, долгохвостыхъ упряжныхъ Васекъ и Мишекъ на это время превращаютъ въ верховыхъ лошадей. Неуклюжихъ, тяжелыхъ, но смирныхъ и добронравныхъ бурыхъ, чалыхъ, сивыхъ и пѣгихъ мереньевъ осѣдлываютъ азіятскими сѣдлами; для мягкости, подвязываютъ на сидѣнье какой-нибудь старый полушубокъ или растрепанный, набитый сѣномъ мѣшокъ; сами путешественники облачаются въ 2—3 свиты, надѣваемыя одна на другую, припасаютъ «на всякъ случай» шубу, приторачиваютъ къ сѣдлу разные мѣшки и хурджины съ ѣдой, берутъ съ собой, также «на всякъ случай», ружья и пистолеты и послѣ усердной молитвы пускаются въ дальній путь.

Гуськомъ тянется гдѣ-нибудь глухимъ проселкомъ этотъ караванъ мохнатыхъ всадниковъ на мохнатыхъ лошадяхъ. Короткими путями, по горнымъ тропинкамъ и ущельямъ, плетутся они сутки или двое, а часто и болѣе, и съ приключеніями или безъ приключеній, но добираются наконецъ до желаннаго пункта и располагаются у своихъ единовѣрцевъ. А на другой же день ужъ непремѣнно устраивается особенно торжественное собраніе и «жертва отъ радости».

Въ этихъ путешествіяхъ нерѣдко принимаютъ участіе и женщины. Это непремѣнно или горькія вдовицы, «осѣненныя духомъ», или такъ-называемыя «дѣвки сидѣлыя», т. е. дѣвки, потерявшія всякую надежду на замужество и предавшіеся,

наравнѣ съ мѣстными пророками и духодѣями, исканію путей къ истинной вѣрѣ и вѣчному блаженству. Эти невѣсты христовы большею частью хорошо грамотны, весьма начитаны въ св. писаніи, а потому пребойко разсуждаютъ, чуть дѣло коснется такъ-называемыхъ вопросовъ. Ихъ слушаютъ съ уваженіемъ, сажаютъ на переднія скамьи, охотно вѣрятъ въ ихъ пророческую силу и почетъ, имъ оказываемый, раздѣляютъ развѣ только тѣ молодыя вдовы, которыя, не успѣвъ вторично выйдти замужъ, почувствовали въ себѣ пророческій даръ, да кромѣ того, тѣмъ же уваженіемъ пользуются всѣми признанные духодѣи и пророки.

Въ селеніи Нижніе Ахты также отдыхали. Нѣсколько аробщиковъ успѣли съ полнымъ успѣхомъ совершить обмѣнъ винограда на пшеницу и уѣхали съ грузомъ болѣе цѣннымъ и тяжелымъ, чѣмъ привезли. Общее настроеніе было самое довольное, въ особенности по случаю хорошаго урожая. Одинъ мѣстный пророкъ съ изумительною проницательностью предсказалъ, что мѣстная почтовая станція будетъ безпремѣнно отдана въ содержаніе двумъ ревностнымъ прыгунамъ, что дѣйствительно и оправдалось. По воскресеньямъ деревня пестрѣла сарафанами, платками, жилетами и шейными повязками всѣхъ цвѣтовъ радуги. Прыгунскіе коноводы пошли въ этомъ году болѣе рѣшительными шагами къ признанію субботы вмѣсто воскресенья.

Послѣ долгаго обсужденія было даже рѣшено праздновать еврейскія кучки, что и было выполнено въ половинѣ сентября. Родившихся въ томъ году въ прыгунскихъ семьяхъ ребятишекъ всѣхъ безъ исключенія окрестили еврейскими именами и русскія избы наполнились Саррами, Ревекками, Рахилями, Самуилами и Давидами. Одинъ сорокалѣтній прыгунъ даже рискнулъ совершить надъ собою обрѣзаніе, но чуть не умеръ послѣ этой операціи и этимъ очень подѣйствовалъ на всѣхъ собиравшихся послѣдовать его примѣру. Однако, къ празднованію субботы все-таки не перешли и порѣшили еще повременить и еще поис-

кать «хвактовъ». Общее радостное настроеніе отразилось даже на вѣчно скорбящемъ о человѣческихъ грѣхахъ читальникѣ и кузнецѣ Новиковѣ, и на его всегда печальномъ и всегда запачканномъ сажею лицѣ свѣтилось что-то довольное и радостное.

Всеобщая гармонія душъ нарушалась лишь однимъ непріятнымъ пассажемъ. Одинъ изъ сидѣвшихъ на первой лавкѣ собранія, первый запѣвало и признанный пророкъ Дмитрій Путовъ, въ послѣднее время слишкомъ зазнался и сталъ предъ другими кичиться своимъ первенствомъ и пророческимъ даромъ. Въ то же время обнаружилось, что Путовъ, а также и жена его Варвара, наинеутомимѣйшая прыгунка, не только не подаютъ добраго примѣра другимъ, но сами ведутъ неодобрительный образъ жизни. Оба, оказывалось, завели знакомство съ духанщикомъ-армяниномъ и, поддерживая съ нимъ знакомство, поощряли и духанную торговлю. Прочіе пророки съ ужасомъ открыли, что Путовъ, хотя и тайно, но выпиваетъ. Это вызвало негодованіе и безпокойство. Негодованіе—потому что осквернялась вѣра и строгость нравовъ; безпокойство — потому что опасались злоязычія молоканъ, для которыхъ всякій такой случай былъ очень на-руку, чтобы попрекнуть кичившихся строгостью своихъ нравовъ прыгуновъ.

Это открытіе тѣмъ болѣе волновало пророковъ, что со дня на день ожидался пріѣздъ гостей изъ другихъ деревень и нужно было во что бы то ни стало скрыть отъ нихъ этотъ непріятный и конфузный казусъ. Три главныхъ пророка: Новиковъ, Лубинъ и Додоновъ даже впали въ уныніе, раздумывая какъ поправить это дѣло. Самъ Новиковъ долго молился по этому случаю и наконецъ разсудилъ, что не прибѣгая пока къ тѣмъ рѣшительнымъ мѣрамъ исправленія, къ которымъ прибѣгали прежде относительно заблудшихся членовъ общества, слѣдуетъ попытаться сначала усовѣстить Путова личнымъ вліяніемъ.

Выбравъ удобное время, Новиковъ пошелъ къ Путову. Какъ

на грѣхъ Путовъ только-что какъ-бы случайно заходилъ «по дѣлу» къ духанщику и на самой физіономіи Путова ясно читалось, какое именно дѣло призывало его въ духанъ. Понятно, что уже одно состояніе Путова не позволяло ему отнестись съ должнымъ почтеніемъ къ внушеніямъ, намекамъ и наконецъ прямымъ укорамъ Новикова, и добродѣтельный кузнецъ ушелъ отъ Путова съ глубокимъ огорченіемъ и глубокою увѣренностью, что заблудшагося придется «поучить цѣлой обществой».

Систему такого обученія преподалъ еще Максимъ Рудометкинъ; она просто заключалась въ жестокомъ избіеніи отъ руки всѣхъ праведныхъ, при возможно торжественной обстановкѣ собранія и при стройномъ пѣніи полсотни голосовъ. Максимъ Рудометкинъ обыкновенно самъ наносилъ первый ударъ, для чего употреблялъ свернутое жгутомъ полотенце; за нимъ слѣдовали другіе и по нѣсколькимъ опытамъ было извѣстно, что поученіе всегда кончалось полнымъ раскаяніемъ и поучаемый, распростертый на полу, обыкновенно кончалъ тѣмъ, что вопіялъ: «Каюсь, согрѣшилъ! Каюсь! Простите, братцы и сестрицы». По опытамъ было также извѣстно, что поученіе оставляло по себѣ долгій слѣдъ и въ памяти, и на тѣлѣ поучаемаго.

Пріѣздъ гостей пріостановилъ, однако, задуманное для Путова поученіе «цѣлой обществой». Въ началѣ октября, подъ вечеръ, къ селенію Нижніе Ахты приближался караванъ самыхъ разнообразныхъ всадниковъ. Въ воздухѣ было изрядно свѣжо, свинцовыя тучи почти сливались съ черною землею. Гости ѣхали медленно. Ихъ пѣгіе и саврасые невзнузданные кони широко шагали, низко опустивъ свои мохнатыя головы. Сѣдоки были въ овчинныхъ тулупахъ и сѣдла ихъ были покрыты запасными тулупами, вывернутыми мѣхомъ въ наружу. У двухъ было за спинами по ружью.

Сзади всѣхъ плелась верхомъ женская фигура, сидѣвшая однако по-мужски. Жиденькая кобылка, на которой тряслась эта фигура, не поспѣвала за шагистыми конями спутниковъ и время

отъ времени женская фигура принималась усиленно дергать за уздечку и ерзать на сѣдлѣ, чтобы принудить свою лошаденку идти рысью, чего и достигала визгливымъ понуканьемъ и толчками въ ввалившіеся бока клячи.

Всѣхъ гостей было семь человѣкъ и въ числѣ ихъ одна женщина. Это, впрочемъ, была не женщина, а одна изъ тѣхъ сидѣлыхъ дѣвокъ, о которыхъ говорилось ранѣе. Ее звали Домной. Она была великая начетчица и знатокъ Библіи и Евангелія, знала наизусть и сама переписывала разныя рукописныя прыгунскія сочиненія и, сверхъ того, была несомнѣнная и всѣми признанная пророчка. Изъ шести мужчинъ одинъ былъ совсѣмъ бѣлый старикъ, со впалыми, строгими, хотя и мутноватыми глазами, а остальные были въ томъ возрастѣ, между 40 и 50 годами, который опредѣляется у крестьянъ очень трудно, но даетъ право на званіе *старика*.

Всѣ они ѣхали издалека. Это были жители сосѣдней Елисаветпольской губерніи, селенія Шуржи или Борисовки. Третій уже день они дѣлали по 40 верстъ и предприняли столь дальнее путешествіе съ единственною цѣлью поддержать сношеніе съ единовѣрцами и «собча» помолиться и сладостно побесѣдовать.

Молча въѣхали они въ селеніе и, тотчасъ раздѣлившись по два, поѣхали къ знакомымъ единовѣрцамъ. Всѣ они остановились у первыхъ прыгунскихъ дѣятелей. Домна одна направилась къ одной вдовѣ, жившей въ концѣ деревни, въ одиночествѣ, тѣснотѣ и бѣдности. Дѣвица и вдова прежде никогда не видывались, но по слухамъ знали другъ друга и взаимное ихъ сиротство уже связывало ихъ взаимными симпатіями. Связывало ихъ также и то, что обѣ пророчествовали и обѣ прыгали. Наконецъ, обѣ были даже почти однихъ лѣтъ и великая между ними разница заключалась лишь въ томъ, что дѣвица была грамотна, а вдова до этой премудрости не дошла.

Гости были повсюду приняты съ чрезвычайнымъ радушіемъ. Низко другъ другу кланяясь, гости и хозяева называли другъ

друга братцами и сестрицами и отъ удовольствія состоявшагося свиданія пришли въ умиленное настроеніе. Справлялись другъ у друга «на счетъ пристава», похваливали новые «не гораздо утѣснительные порядки», причемъ тутъ же припоминали недавнее прошлое и со вздохами пускались въ гаданіе о темномъ будущемъ.

«Спокойнѣе-то оно спокойнѣе!—говорилось при этихъ воспоминаніяхъ. —Какъ можно... Далеко спокойнѣе... Да вѣдь какъ оно далѣ-то будетъ... вѣдь, вотъ оно что! А то спокойнѣе, кто говоритъ? Какъ можно... Ну да потомъ видно будетъ—коли Богъ доведетъ увидѣть,—прибавляли успокоительно.— Ничего что-то не слыхать... чтобы какой указъ на счетъ, значитъ, свободы вѣры... аль что... Не слышно ничего... Наши, вонъ, недавно, въ Тихлисѣ ѣздили... Навѣдывались... Ничего вишь нѣту...»

«Да ужъ, обнаковенно... коли, ежели что... сейчасъ пошли-бы слухи... Ну да... потомъ... не безъ того, чтобы объявлено должно быть приставомъ, значитъ...»

«Какъ-же! Такъ вотъ тебѣ и объявятъ, — отзывался иной бывалый человѣкъ.—Такъ онъ тебѣ и объявитъ! А какъ онъ тебѣ объявитъ-то черезъ годъ. Не хочешь-ли этакъ ты?! Кто его нудить-то будетъ! А можетъ, и больше году помолчитъ!»

«Ну этого нельзя! за это въ отвѣтѣ будетъ».

«Какой съ него отвѣтъ? Вонъ Леонтьевна, два аль три года какъ сказывала, что подѣлить приказано мельницу съ товарищемъ, -- а объявленіе-то пришло и трехъ мѣсяцевъ не будетъ».

Всѣ однако были расположены надѣяться скорѣе на лучшее, чѣмъ на дурное. Во-первыхъ, всѣ соглашались, что «стало спокойнѣе» и отсюда поспѣшали заключить, что не замедлитъ послѣдовать офиціальное признаніе «правости духовныхъ христіанъ». Съ другой стороны, надежда не покидала сектантовъ никогда. Она ихъ не оставляла даже тогда, когда ихъ удер-

живали полицейскимъ порядкомъ на пути истины и когда, по собственному ихъ увѣренію, били ихъ «смертельнымъ боемъ», чтобы заставить отказаться отъ правой вѣры. Теперь, во времена сравнительно спокойныя, надежда эта не только окрѣпла, но и окрылилась.

II.

Пріѣздъ гостей и въ особенности дѣвы-пророчицы послужилъ поводомъ къ экстренному собранію въ домѣ Новикова. Въ тѣсную хату «читальника» собрались всѣ, не исключая и тѣхъ, которымъ «по молодости» еще разрѣшалось манкировать этими посѣщеніями. Сбѣжались даже дѣти и продолжали свою возню, когда уже началось собесѣдованіе, пока родительскіе подзатыльники не возстановили тишины.

Шуржинскіе гости сидѣли всѣ рядомъ. Лица ихъ изображали самое благоговѣйное настроеніе. Дѣвица Домна помѣстилась около Новикова, а сбоку сидѣла злополучная вдовица. Обѣ были умилены не менѣе чѣмъ всѣ пріѣзжіе гости.

Дѣвѣ-пророчицѣ оказывался замѣтный почетъ. Добровольное дѣвство, почти не встрѣчающееся въ средѣ крестьянства, особенно рѣдко въ Закавказьи, и здѣсь дѣвка не вышедшая замужъ составляетъ весьма рѣдкое исключеніе. Въ крестьянскомъ быту спросъ на женъ, какъ извѣстно, такъ великъ, что въ дѣвкахъ засиживаются лишь немногія. Разбираютъ въ замужество поголовно всѣхъ: дурныя, хорошія, красивыя, уродливыя, умныя, глупыя... всѣ находятъ себѣ мужей. Въ бабѣ усматривается прежде всего рабочая сила, готовый механизмъ для домашней стряпни. «Ситцы-то всякіе бываютъ,—да разбираютъ», говорятъ мужики про дѣвокъ, и правда, что всякая vilaine находитъ своего vilain.

Рѣдкій случай сохраненія дѣвственности до старости объясняется въ крестьянской средѣ, или особою ревностью къ

вѣрѣ, которую въ самомъ дѣлѣ проявляла Домна съ самыхъ малыхъ лѣтъ, или какими-нибудь совсѣмъ особыми препятствіями къ браку. Относительно Домны было, впрочемъ, такое общее мнѣніе, что она хоть и дѣвкой зовется, но въ дѣйствительности совсѣмъ не дѣвка. «Она у насъ двустнастная, — передавали мужики по секрету,—не то, чтобъ дѣвка и не такъ чтобы мужикомъ можно было назвать... Одно слово, двустнастная... Такъ ужъ ей видно поставлено отъ Бога».

Вдова, сидѣвшая рядомъ съ Домной, состояла также на особомъ положеніи. Она вдовствовала уже давно и отказалась еще въ молодые годы отъ вторичнаго замужества. Этотъ отказъ, въ связи съ обнаруженнымъ ею усердіемъ къ вѣрѣ и пророческимъ даромъ, дали ей право на особый почетъ и уваженіе. Ее величали божьей вдовицей. Ея строгое, правильное лицо, театральные жесты и голосъ, толковость рѣчи и безупречное поведеніе имѣли для всѣхъ нѣчто внушительное. Справляясь съ библіей, прыгуны нашли, что у древнихъ евреевъ попеченіе о вдовахъ лежало на обязанности всего общества и что вдовы вообще пользовались нѣкоторыми преимуществами (Исх. Второз. XXII—22, XXVII—19). По еврейскимъ законамъ, вдовѣ предоставлялись снопы, забытые въ полѣ, въ ея пользу поступали остатки виноградниковъ въ садахъ; одежда ея освобождалась отъ заклада и т. п. На этотъ разъ общество почло своимъ долгомъ выполнить требованіе библіи, и хотя не особенно регулярно, но все-таки по временамъ дѣлало сборы въ пользу своихъ, впрочемъ, весьма немногочисленныхъ вдовъ, избавляя ихъ этимъ только отъ крайней нищеты, но никакъ не отъ бѣдности, ихъ неразлучнаго спутника.

Таковы были дѣва-пророчица и божія вдовица.

Только-что въ собраніи установилась приличная торжеству тишина, какъ Новиковъ всталъ, а за нимъ встали всѣ.

«Благодаримъ! Душою благодаримъ, — началъ онъ, обра-

щаясь къ пріѣзжимъ, — что потрудились, пріѣхали къ нам. И Господа Бога благодаримъ также за радостное свиданіе».

Новиковъ отвѣсилъ низкій поклонъ; то же самое сдѣлало все общество. Гости отвѣтили тѣмъ же.

«Сподобилъ Богъ свидѣться для добраго дѣла, — отвѣчалъ старѣйшій изъ нихъ.—За то благодаримъ милосердаго Создателя на всякъ часъ».

Всѣ усѣлись и тотчасъ началось «собраніе». Въ началѣ все шло обыкновеннымъ порядкомъ. Читали разныя мѣста изъ библіи, тутъ же принимались толковать прочтенное; потомъ пѣли, потомъ опять читали и т. д. часа два безъ перерыва. Въ это время, воспользовавшись наступившей тишиной, дѣвица и вдовица, словно сговорившись, разомъ вскочили съ своихъ мѣстъ, выпрямились, потомъ поломались, изгибаясь корпусомъ во всѣ стороны и невозможно закатывая глаза, и послѣ того стали полегоньку прыгать, слѣдуя гуськомъ одна за другой. Ходили онѣ такимъ образомъ долго одна за другой, но на этотъ разъ обошлось безъ пророчествъ, безъ которыхъ почти не обходилось ни одно собраніе, въ которомъ участвовала Домна. Обыкновенно она или пророчила, или еще чаще просто говорила «непонятными языками», а публика напряженно прислушивалась къ ея рѣчамъ, безуспѣшно стараясь проникнуть въ ихъ темный смыслъ.

Только-что Домна и вдовица пошли по собранію, легонько подпрыгивая и слегка подбоченясь, какъ хоръ, т. е. все собраніе, тотчасъ же запѣлъ особую пѣснь, посвященную дѣвицамъ и вдовицамъ. Пѣснь эта была слѣдующая:

Возлюбленная душа Богомъ и нами,
Ты словно евангельская Анна
Будь яко небесная манна!
Вы-жъ, безбрачныя дѣвицы и вдовицы
Паче всѣхъ посягшихъ возсіяютъ ваши лица.
Безбрачная душа сіяй дѣвической чистотой,

Въ будущемъ возсіяешь небесной красотой..
Самъ Богъ святымъ духомъ глаголетъ вамъ:
За твою за чистоту приду къ тебѣ въ душу самъ!
Азъ буду твоя утѣшенія и радость
Непрестанная сердечная веселія и сладость.
Тоску плоти смирю,
Тѣло духу покорю.
Твою душу восхвалю,
Хотѣніе плоти утолю.

На этомъ мѣстѣ пѣснь прервалась. Къ прыгавшимъ пророчицамъ присоединились еще двѣ бабы и одинъ мужикъ. Хожденіе гуськомъ и скаканье пріостановились и начались топтаніе на мѣстѣ и всевозможныя выворачиванія корпусомъ, ногами, глазами. Точно всѣ потягивались послѣ сладкаго сна, хотя было ясно видно, что обѣ пророчицы просто на просто жестоко умаялись и устроили себѣ въ этомъ ломаньи маленькую передышку.

Въ просторныхъ сѣняхъ, примыкавшихъ къ собранію, стояла толпа, не попавшая сюда за тѣснотой. Тамъ, не въ примѣръ собранію, гдѣ соблюдался полный порядокъ и никакихъ частныхъ разговоровъ не велось, шелъ оживленный шопотъ. Ближе стоявшіе къ дверямъ собранія напряженно прислушивались, чтò скажетъ пророчица.

«Чтó, чтò сказала?» спрашивали тѣ, которымъ приходилось стоять у самыхъ наружныхъ дверей.

«Да ничаво еще не сказала,— отвѣчали тѣ, которые были ближе. — Что сказала?.. Развѣ ей прикажешь... сказать-то! «Въ духѣ» будетъ и скажетъ... а такъ нельзя».

Но вдругъ хоръ разомъ грянулъ и обѣ пророчицы запрыгали снова. Хоръ продолжалъ чествовать дѣвицъ и вдовицъ. То учащая, то замедляя тактъ какого-то замысловатаго мотива, собраніе выпѣвало слѣдующее:

Глаголетъ Господь: повелѣвая тебѣ
Любить всѣхъ боящихся *мене*

Коихъ люблю я.
Они будутъ утѣшеніе твоя!
Мало кого въ святость избираю
За то паче всѣхъ прославляю!
Сколь велика сія дѣло,
Какъ душа свята и тѣло!
Мало о томъ умомъ постигаютъ
Про тѣхъ, что живутъ чисто и не посягаютъ.
Господи! Мы сіе со удивленіемъ зримъ
Безбрачныхъ душъ честнѣй себя творимъ,
Мы ихъ любимъ чистосердечно
И желаемъ свято быть вѣчно...

Все собраніе встало. Всѣ повернулись лицомъ къ пророчицамъ, тѣ также повернулись къ собранію и затѣмъ, протяжно съ поклонами, все общество обратилось къ пророчицамъ съ такими словами:

Того дѣла вы не оставляйте
Всѣ силы ко Христу преклоняйте,
Душу святою любовью воспламеняйте
Всѣхъ духомъ святымъ возлюбляйте,
Богомъ данные дары возбудите
Ходящихъ вслѣдъ дьяволу не любите.
Являйся мила божьему духу
То будешь пріятна всякому слуху
И да будутъ дѣла ваши примѣромъ
Нашей и всѣмъ прочимъ вѣрамъ.

Всѣ опять поклонились пророчицамъ, тѣ также отвѣсили по три низкихъ поклона и затѣмъ всѣ сѣли и чествованіе пророчицъ кончилось. Домна такъ и не пришла «въ духъ» и стоявшіе въ сѣняхъ напрасно справлялись «чаво она сказала». Имъ отвѣчали, что не сказала ничаво, но Богъ дастъ еще скажетъ, безпремѣнно скажетъ.

Но если «духъ» не посѣтилъ въ этотъ разъ дѣву-пророчицу Домну, то чрезвычайно воодушевился пророкъ Новиковъ и подъ впечатлѣніемъ проявленныхъ пророкомъ Путовымъ соблазни-

тельныхъ поступковъ наэлектризовалъ все собраніе и потрясъ слушателей вдохновенными рѣчами.

III.

Прошло часа три отъ начала «собранія» и Новиковъ, наконецъ, рѣшился дѣйствовать. Онъ все приготовлялся говорить и ждалъ, что возстановится тишина, но только-что переставали прыгать пророчицы, какъ начинали скакать почти всѣ бабы; кончали онѣ,—начинали опять пророчицы, и т. д.

Наконецъ, уловивъ минуту, Новиковъ заговорилъ:

«Братцы и сестры! Вотъ теперь Господь сподобилъ насъ свидѣться съ гостями издалека. Благодаримъ за это Бога и за то благодаримъ, что духъ святой насъ не оставляетъ. Молимъ Бога, чтобы и на-предъ вотъ такъ-то не оставлялъ... своихъ избранныхъ. чтобы и насъ прочихъ не забылъ въ своихъ милостяхъ».

Новиковъ взглянулъ на грѣшника Путова и вдругъ воодушевился:

«Господи!—воскликнулъ онъ. — Отыми мысли неполезныя душѣ нашей. Воздвигни сердца наши непрестанно служить тебѣ чистою совѣстью. Позови насъ къ твоему сіятельному престолу. Не допусти насъ остаться безъ наставника нашего духа. Не дай намъ дойти до такого грѣха, чтобы не думали, что коль св. духъ съ нами, такъ мы ни съ кѣмъ и совѣтъ держать не должны, чтобы мы не думали, что можемъ, значитъ, творить свою волю».

Новиковъ вновь взглянулъ на Путова и туда же посмотрѣли многіе другіе. Было ясно для всѣхъ, противъ кого были направлены эти совсѣмъ не темные намеки. Онъ говорилъ какъ настоящій проповѣдникъ: съ убѣжденіемъ, горячностью, страстью. Точно въ немъ что-то клокотало: онъ то вставалъ, то

садился. Нѣсколько разъ онъ указывалъ на библію, на небеса, на преисподнюю. Онъ громилъ *горделивыхъ* и *кичливыхъ*. Онъ предостерегалъ всѣхъ одаренныхъ духомъ, чтобы они не зазнавались.

«И не почуете, — обращался онъ къ передней скамьѣ, гдѣ все сидѣли *одаренные* духомъ, —и не почуете, какъ святой духъ уйдетъ отъ васъ, и какъ скоро вознесетесь своимъ разумомъ, такъ скоро обнизитесь... даже до ада».

Новиковъ, впрочемъ, увѣрялъ своихъ слушателей, что такія проявленія со стороны одаренныхъ суть не иное что, какъ дѣйствіе сатаны, который наряжаетъ такого зазнавшагося духодѣя «въ красивыя и горделивыя перья» и затѣмъ влечетъ его въ преисподнюю, и потому Новиковъ рекомендовалъ братцамъ и сестрицамъ сугубое смиреніе,—ибо дьяволъ, какъ увѣрялъ онъ, обладаетъ различными способами уловлять людей и для этого всегда разставляетъ имъ свои «тонкія и бѣлыя сѣти».

Перейдя къ разбору дьявольскихъ соблазновъ, Новиковъ доказывалъ, что эти *бѣлыя и тонкія сѣти* представляютъ, главнымъ образомъ, слѣдующіе элементы: во 1-хъ, *возвышеніе*, во 2-хъ, *отчаяніе*, въ 3-хъ *страшливость* и наконецъ, *мучительное*. Всѣ эти элементы идутъ одинъ за другимъ въ надлежащей послѣдовательности. За *возвышеніемъ* слѣдуетъ *отчаяніе*. Возгордившійся человѣкъ, возмечтавшій о великой своей духовной способности, вдругъ падаетъ съ высоты своего величія, познаетъ свою грѣховную кичливость и попадается въ сѣти сатаны, внушающаго ему отчаяніе въ благость и милосердіе Божіе.

«И хладѣетъ въ немъ теплота духовная, — говорилъ Новиковъ,—и *вперяетъ* ему сатана страшныя мысли противъ Бога», и бывшій духодѣй, по словамъ Новикова, начинаетъ ругаться неподобно и противъ Бога, и противъ человѣка. Это-то и есть періодъ страшливости.

«А за страшливостью идетъ,—какъ доказывалъ Новиковъ,—

мучительное. Является это мучительное вслѣдствіе того, что сатана, видя страшливость, опять-таки вперяетъ мучительныя мысли разными образами, отнимаетъ сонъ или пріумножаетъ сонъ, отнимаетъ трезвость и охоту въ дѣлахъ рукъ и молитвы».

«Люди станутъ ему постылы,—убѣждалъ Новиковъ,—ни съ кѣмъ ему говорить не хочется; станетъ ему на свѣтѣ тошно жить, лучше согласенъ помереть».

Тутъ Новиковъ совсѣмъ обратился въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Путовъ, и прямо заговорилъ о *превозпесеніи* и *величаніи*.

«О, коль много падаетъ разумныхъ головъ, — патетически и вмѣстѣ съ тѣмъ иронически восклицалъ онъ,—думающихъ о себѣ, что я, молъ, имѣю духъ святый и силу божью и что, молъ, я не равенъ прочимъ грѣшникамъ, на которыхъ мнѣ, молъ, даже оченно трудно и оченно тяжело глядѣть. И думаетъ такой-то человѣкъ, что на немъ не взыщется и живетъ безъ заботы о своей душѣ, но болѣ все думаетъ, какъ-бы другихъ привести въ страхъ, чтобы раскаялись предъ Богомъ и не согрѣшили. И видитъ онъ, что народъ чрезъ него спасается, а самъ-то онъ теряетъ святое смиреніе, не покоряется мужамъ старшимъ себя, беретъ на себя больше самость да смѣлость, прилѣпляется къ разнымъ грѣхамъ и похотямъ и творитъ ихъ смѣло. А самъ-то думаетъ, кому мнѣ молиться? Во мнѣ, молъ, духъ святой! Онъ, молъ, есть Богъ и я, говоритъ, тоже Богъ. И думаетъ: это, молъ, не я говорю, а духъ во мнѣ говоритъ».

Новиковъ перевелъ духъ и укоризненно взглянулъ на Путова.

«Или опять иной,—продолжалъ онъ,—думаетъ: я, молъ, пророкъ аль пророчка; я, молъ, долженъ показать людямъ что-нибудь дивное, аль выдумать, аль сдѣлать какое-нибудь знаменіе, аль чудотвореніе на удивленіе и страхъ людямъ—руками, ногами, аль платкомъ, аль чѣмъ еще. А самъ-то думаетъ: если я буду смиренъ,—пожалуй, еще сочтутъ равнымъ себѣ».

Это былъ уже явный намекъ на Путова, который главнымъ образомъ тѣмъ и провинился предъ единовѣрцами, что отрицалъ свое равенство съ другими.

«А что̀-жъ съ эфтаго выходитъ, — продолжалъ иронизировать Новиковъ.—Сатана всѣмъ на такого-то пророка, аль пророчку указываетъ, да говоритъ... видите, какъ онъ грѣшитъ! Если бы въ немъ былъ духъ святой, развѣ онъ допустилъ бы его до такого грѣха! Обдумайтесь, молъ! Охолонитесь! Не вѣрьте, молъ, лживымъ пророкамъ... они, молъ, только стращаютъ васъ... Анъ-вона и выходитъ,—закончилъ Новиковъ,— что некрѣпкіе-то люди повѣрятъ сатанѣ и станутъ на свои прежнія, значитъ, хладныя мѣста, а сатана обращаетъ всѣ старанія, покаянія и милостыню и молитву въ хулу и противность св. духу».

Новиковъ смолкъ. Путовъ не поднималъ глазъ. Многіе на него взглядывали и ожидали, что онъ тутъ-же принесетъ покаяніе и въ кичливости, и въ отступленіи, и въ самости и смѣлости. Однако, тотъ не шевелился, хотя имѣлъ видъ подавленный и уничтоженный.

Новиковъ и самъ сообразилъ, что окончательно добивать Путова нѣтъ никакого разсчета. Онъ понялъ, что Путовъ, потерявъ свою репутацію духовнаго пророка, подорветъ репутацію и значеніе другихъ духодѣевъ, а потому, нѣсколько переждавъ, Новиковъ завелъ рѣчь о томъ, чтобы братцы и сестрицы все-таки не оставляли вѣры въ дѣйствіе духа, потому что и съ пророками-де бывали бѣды и отступленія.

«Возлюбленные братья и сестры,—убѣждалъ Новиковъ, — вы не удивляйтесь, если кѣмъ духъ дѣйствуетъ, а онъ впадаетъ въ грѣхи! То самъ Богъ отдаетъ всякому на волю».

«Не для грѣха, но для спасенія сотворены мы, братцы и сестрицы,—пояснилъ Новиковъ.—Не вините св. духа, коли кто грѣшитъ; не угашайте его святое дѣйствіе за худыя дѣла человѣка».

Такъ на этотъ разъ окончился урокъ нравственности, публично преподанный заблудшемуся пророку. Новиковъ глубоко задумался. Путовъ какъ нельзя болѣе былъ доволенъ, что обошлось безъ рудометкинскаго способа «поучить», и видимо оживился.

Когда, спустя нѣсколько минутъ, все собраніе грянуло «нову пѣсню», то всѣ семь человѣкъ гостей, да въ придачу пять собственныхъ пророковъ единовременно пустились скакать и прыгать подъ звуки все учащавшейся пѣсни. Минуты двѣ спустя запрыгало и все собраніе. Три свѣчи и одна сильно коптящая лампа были прибраны со стола и поставлены на печь. Пламя всѣхъ этихъ свѣтильниковъ задувало вихремъ вѣтра, поднятаго въ хатѣ. Лампа скоро погасла совсѣмъ. Три свѣчи тускло мерцали, то вспыхивая, то почти потухая, и освѣщали картину дикихъ скачковъ, пронзительныхъ взвизгиваній и самыхъ разнообразныхъ положеній.

Около полуночи собраніе окончательно опустѣло и хозяева хаты, потушивъ почти догорѣвшія свѣчи, залѣзли на печь.

Утромъ всѣ участники прыганья встали замѣтно помятые; однако, это не помѣшало ровно въ полдень всѣмъ засѣсть за жертвенный столъ, устроенный по случаю радости, и просидѣть за столомъ ровно три часа, а затѣмъ до поздняго вечера опять читать библію, псалмы, евангеліе и разныя книжки и потомъ все закончить общимъ прыганьемъ.

Второй день, прошелъ точно также какъ и предъидущій, а на третій день собраніе закончилось такою пѣсней:

Вотъ мы сѣли
Сладку пѣсню спѣли
Истинную, не ложную,
До самаго Сіона подорожную...
А вы въ Библію глядите

Вѣрно всѣ по ней идите
По писанью замѣчайте
Гордо намъ не отвѣчайте;
Умъ свой въ жизнь свою пущайте,
А себя-то очищайте,
Вѣрно все будетъ это
Въ опредѣленное лѣто.
Ахъ Царю ты мой Царю
Коль тебя благодарю!
Духа радостно встрѣчали,
Онъ избавилъ отъ печали
Радостно насъ возлюбилъ,
Всѣмъ мѣста опредѣлилъ;
Онъ сіе намъ возвѣщалъ
И насъ кровью очищалъ.
Пѣсню радостно поемъ,
Скоро всѣ къ нему пойдемъ!

Въ тотъ же день къ вечеру шуржинскіе гости уѣхали.

Передъ отъѣздомъ всѣ собрались къ Новикову. Гимнъ безбрачнымъ вдовицамъ и дѣвицамъ былъ повторенъ, но Домна, не сдѣлавшая ни одного пророчества въ теченіи трехъ сутокъ, не пророчила и передъ отъѣздомъ.

Печальная вдовица также провожала свою гостью. Та звала ее къ себѣ Шуржу. Звали и всѣ прочіе гости и получили въ отвѣтъ, что не заставятъ себя ждать.

Послѣ отъѣзда шуржинскихъ гостей долго еще продолжалось особенно радостное и благочестивое расположеніе духа всѣхъ послѣдователей прыгунскаго толка. Когда въ одно изъ ближайшихъ послѣ отъѣзда воскресеній, самый мрачный изъ мѣстныхъ предсказателей, пророкъ Гаврило Жигаловъ, попавъ на свою любимую тему «о скончаніи вѣка», сталъ было доказывать, что «мы-де всемѣрно должны, восклоняться отъ земныхъ заботъ, утомляющихъ души наши», то не нашелъ на этотъ разъ большого сочувствія со стороны своихъ слушателей. Напрасно Жигаловъ ораторствовалъ, что «скоро поздно будетъ

просыпаться», что «низвращеніе подобно ужасной бури скоро придетъ» и что «люди дошли до той ужасной крайности, что небо скоро заключится» — никто не обнаруживалъ ни унынія, ни страха предъ грозящими бѣдами.

XII.

Жертвы религіознаго броженія.

I.

Мельница на Зангѣ.—Леонтьевна.

Не доѣзжая двухъ верстъ до Долины Цвѣтовъ, на полянкѣ, образуемой изгибомъ рѣки Занги, виднѣлась мельница, а недалеко отъ нея пчельникъ. Въ отличіе отъ цѣлой дюжины азіатскихъ мельницъ, также расположенныхъ на Зангѣ и изображавшихъ собою какія-то приплюснутыя къ землѣ коробочки сѣраго цвѣта безъ оконъ, безъ трубъ, съ плоскими крышами и единственною дверью,—мельница близъ Долины Цвѣтовъ была русская: просторная, деревянная, съ высокою крышею, разными пристройками и ровною поляною, на которой и располагались пріѣхавшіе на мельницу и ожидавшіе очереди перемалывать. Пчельникъ былъ также русскій и на сто верстъ въ окрестности не имѣлъ соперниковъ,—ни по числу ульевъ, ни по размѣрамъ самаго пчельника.

На пчельникѣ устроился мрачный, двѣнадцативершковый великанъ Григорій Меньшовъ съ *товаркой* своей Анной Горбатовой, а на мельницѣ проживала мельничиха Леонтьевна съ *товарищемъ* дядей Матвѣемъ. Сожительствуя вмѣстѣ, обѣ пары очень старались оградить себя отъ всякихъ подозрѣній и, всюду разглашая, что сожительство это вызывается только имуще-

ственными, а вовсе ни какими иными интересами, они заявляли, что хоть и живутъ совмѣстно, но ни въ какихъ плотскихъ связяхъ не состоятъ.

Обѣ эти пары явились, можно сказать, однимъ изъ первыхъ результатовъ того религіознаго броженія, которое распространилось между закавказскими сектаторами въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ. Это было тогда, когда въ отдаленномъ Закавказьѣ расколъ появился въ самомъ расколѣ и вызвалъ разныя подраздѣленія, создавъ между прочимъ и *немоляковъ* и *общихъ* и *акинфьевцевъ* и наконецъ *прыгуновъ*. Особенно послѣднія изъ этихъ ученій, разомъ распространившись во всѣхъ сектаторскихъ и, въ то время преимущественно, молоканскихъ семьяхъ, уничтожило, какъ уже было ранѣе говорено, не въ одной, а въ цѣлыхъ десяткахъ семей, домашнее спокойствіе, разстроило тишину и семейный миръ и поселило раздоръ, неурядицу, ссоры, драки, споры, раздѣлъ имуществъ и сверхъ того вызвало массу разводовъ.

Отвергнутыя ради «духовныхъ подругъ» молоканки попытались было отстоять свое прежнее положеніе и не хотѣли уступить «духовнымъ женамъ» насиженнаго мѣста, но изъ этихъ попытокъ толку вышло мало. Прежде всего разумѣется пошли по начальству, приносить на мужей жалобы.

«Такъ, молъ, и такъ,—заявляли устраненныя жены, — повыгнали насъ мужья изъ домовъ... Не знаемъ васъ, говорятъ, и дѣтей вашихъ не знаемъ... у насъ, говорятъ, плотское все кончилось,—все теперь по духовному... Прикажите, ваше высокородіе, вѣдь этакъ-то развѣ можно... жили, жили, а теперь за женъ не принимаютъ».

Къ числу устраненныхъ женъ принадлежала мельничиха Леонтьевна и пчельничиха Анна Горбатова. Изъ остальныхъ обитателей мельницы и пчельника дядя Матвѣй, перейдя самъ въ прыгунство, просто ушелъ изъ Еленовки, гдѣ жилъ прежде, и поселился на мельницѣ, куда его влекла нѣкая поэтическая

XII.

Жертвы религіознаго броженія.

I.

Мельница на Зангѣ.—Леонтьевна.

Не доѣзжая двухъ верстъ до Долины Цвѣтовъ, на полянкѣ, образуемой изгибомъ рѣки Занги, виднѣлась мельница, а недалеко отъ нея пчельникъ. Въ отличіе отъ цѣлой дюжины азіатскихъ мельницъ, также расположенныхъ на Зангѣ и изображавшихъ собою какія-то приплюснутыя къ землѣ коробочки сѣраго цвѣта безъ оконъ, безъ трубъ, съ плоскими крышами и единственною дверью,—мельница близъ Долины Цвѣтовъ была русская: просторная, деревянная, съ высокою крышею, разными пристройками и ровною поляною, на которой и располагались пріѣхавшіе на мельницу и ожидавшіе очереди перемалывать. Пчельникъ былъ также русскій и на сто верстъ въ окрестности не имѣлъ соперниковъ, – ни по числу ульевъ, ни по размѣрамъ самаго пчельника.

На пчельникѣ устроился мрачный, двѣнадцативершковый великанъ Григорій Меньшовъ съ *товаркой* своей Анной Горбатовой, а на мельницѣ проживала мельничиха Леонтьевна съ *товарищемъ* дядей Матвѣемъ. Сожительствуя вмѣстѣ, обѣ пары очень старались оградить себя отъ всякихъ подозрѣній и, всюду разглашая, что сожительство это вызывается только имуще-

оканчивался и каждый плясъ, и каждое пророчество и каждое моленіе вообще.

Духодѣйствіе Укола завербовало всѣхъ. Запрыгали въ Еленовкѣ старъ и младъ, запрыгала и Лукерья Меньшова.

Общая кутерьма, воцарившаяся въ Еленовкѣ съ появленіемъ прыгунства, отозвалась не на одномъ Меньшовѣ. Сосѣдъ его, чрезвычайно степенный мужикъ, Данило Кадушкинъ, каждый день резонился съ женой, убѣждая ее не дѣлать «глупостевъ»; другой его сосѣдъ, Гвоздилинъ, также возился съ своей бабой, переходя отъ словесныхъ увѣщаній къ дѣйствію возжами. Однимъ словомъ, сдѣлалась бѣда общая и потому Григорій Меньшовъ молча присматривался и ждалъ.

Однако всѣ разомъ замѣтили, что въ прыгунскомъ духодѣйствіи есть что-то неладное. Духовное лобзаніе стало повторяться все чаще и чаще и предпочиталось въ уединеніи, а не при всѣхъ.

Прошелъ мѣсяцъ и въ зимнюю пору, на широкой еленовской улицѣ, въ какихъ нибудь пятидесяти шагахъ отъ дома Меньшова, нашли трупъ Павла Рыбкина. На снѣгу виднѣлась огромная лужа крови; мѣховая шапка Павла, должно быть упавшая во время смертельнаго удара, валялась тутъ же. Черезъ прорѣзанный полушубокъ, жилетъ и рубаху, подъ самымъ сердцемъ, зіяла огромная рана. Могучій ударъ пронзилъ Рыбкина насквозь. На спинѣ, соотвѣтственно прорѣзу въ полушубкѣ, виднѣлась ранка не болѣе полувершка.

Григорій Меньшовъ не запирался.

«Мое дѣло», отозвался онъ прямо и затѣмъ никакихъ подробностей ни при слѣдствіи, ни на судѣ не раскрылъ.

«Разскажите, какъ было дѣло, — обращался слѣдователь къ Меньшову, — за что именно и по какимъ причинамъ вы совершили убійство односельца вашего Павла Рыбкина?»

«Мое дѣло,—коротко отвѣчалъ Меньшовъ,—я убилъ».

И слѣдователь болѣе ничего не узналъ отъ Меньшова.

«Признаю себя виновнымъ,—отвѣчалъ на судѣ Меньшовъ,—я убилъ», но отъ передачи подробностей убійства все-таки на-отрѣзъ отказался. Меньшова судили и сослали, не признавъ однако ни предумышленія, ни какихъ другихъ усложняющихъ вину обстоятельствъ.

Прошло десять лѣтъ и, попавъ подъ милостивый манифестъ, Григорій возвратился домой. Великанъ согнулся; въ густыхъ темнорусыхъ его волосахъ засѣла изрядная сѣдина, борода посѣдѣла на половину. Молчаливый и прежде, онъ теперь говорилъ только въ собраніяхъ и то рѣдко. Всегда набожный, онъ теперь еще больше ревновалъ о спасеніи своей души и, что всего чуднѣе, не смотря на всю бѣду, которую ему надѣлало прыгунство, превратился въ прыгуна, хотя и не доходившаго до духовнаго пляса.

Стремясь къ совершенному уединенію, онъ устроилъ себѣ въ укромномъ мѣстечкѣ пчельникъ и, окруживъ себя полдюжиной собакъ, зажилъ по своему вкусу: читая библію, мастеря колеса и посѣщая по воскресеньямъ сосѣднее ахтинское собраніе.

Скоро на пчельникѣ завелась женщина. Гонимая судьбою, въ лицѣ своего мужа, обратившагося изъ молоканства въ жидовство, еленовская крестьянка Анна Горбатова отъ большихъ огорченій предалась духодѣйствію и затѣмъ, также стремясь къ уединенію, согласилась на предложеніе Меньшова и поселилась съ нимъ на пчельникѣ.

Горбатова была женщина тихая, скромная, работящая.

На пчельникѣ царила вѣчная тишина. Тамъ даже какъ будто никого не было. Анна и Григорій молча занимались каждый своимъ дѣломъ. По воскресеньямъ они спокойно и чинно отправлялись въ сосѣднее собраніе въ Нижніе Ахты и, насладившись духовной бесѣдой и пѣніемъ псалмовъ, вновь возвращались на свой пчельникъ, чтобы за работой почти молча просидѣть тамъ до слѣдующаго воскресенья. Только иногда

напѣвали они вдвоемъ прыгунскія пѣсни, да изрѣдка Григорій брался за библію и медленно прочитывалъ главу или двѣ.

Совсѣмъ въ другомъ родѣ была пара сожителей, обитавшихъ на мельницѣ. Здѣсь ежедневныя домашнія бури сопровождались раскатами голосистой перебранки то женскихъ, то мужскихъ голосовъ, а то мужскихъ и женскихъ вмѣстѣ. Вѣтеръ разносилъ по окрестности и русскую, и армянскую, и татарскую ругань, и изъ многихъ голосовъ, принимавшихъ участіе въ этой перебранкѣ, раскатистѣе и звонче всѣхъ былъ голосъ мельничихи Леонтьевны.

Леонтьевна была ядовитая, сварливая, вздорная баба, полвѣка проспорившая съ мужемъ, а другую половину заканчивавшая въ распряхъ съ своимъ товарищемъ по мельницѣ, дядей Матвѣемъ Ѳерапонтовымъ.

Огрызаться, спорить, вздорить и язвить была насущная потребность для Леонтьевны. Предъ «начальниками» Леонтьевна умѣла цѣлыми часами проливать слезы и жаловаться на претерпѣваемыя ею отъ всѣхъ притѣсненія; въ своемъ же быту, она была сущимъ бичемъ для всѣхъ ее окружающихъ. Леонтьевна не пропускала ни одного «начальника», считая за начальника всякаго украшеннаго кокардой проѣзжающаго, чтобы не выплакать своего горя. У нея было одно безконечное «дѣло» съ мужемъ и въ подробности этого дѣла она давно, и притомъ по нѣсколько разъ, успѣла посвятить всѣ власти въ краѣ, все еще не теряя надежды, что власти войдутъ наконецъ въ ея положеніе и примутъ мѣры къ водворенію ея въ домѣ мужа въ качествѣ хозяйки, откуда она уже давнымъ давно была изгнана.

Уже раньше было сказано, что религіозное броженіе закавказскихъ сектаторовъ, разразившееся появленіемъ прыгуновъ и прыгунства, окончилось не безъ жертвъ. Но изъ этихъ жертвъ, одни безропотно подчинились своей долѣ, а другіе сильно озлобились на все, что такъ или иначе связывалось съ новымъ

ученіемъ. Къ числу особенно озлобившихся принадлежала и Леонтьевна.

Она жила на мельницѣ; мужъ, давно ее покинувшій, остался въ Еленовкѣ, обзаведясь тамъ новой семьей и совершенно отвергнувъ права Леонтьевны на сожительство съ нимъ. Леонтьевна однако смотрѣла на это иначе и не считала, не взирая на протекшія 20 лѣтъ, порванными свои брачныя узы съ своимъ прежнимъ мужемъ.

Въ Еленовку Леонтьевна навѣдывалась довольно часто, приходя туда только затѣмъ, чтобы поругаться съ прежнимъ мужемъ и попрекнуть его своимъ несчастіемъ. Бывшій мужъ обыкновенно брался за палку, гналъ отставную жену со двора и иногда при этомъ или успѣвалъ хватить ее палкой или поймать за косы. Тогда Леонтьевна устремлялась къ власти, приходила растрепанная, въ рукахъ приносила въ видѣ вещественнаго доказательства прядь своихъ волосъ, доказывала, что прядь эта какъ-разъ приходится къ остаткамъ жидкихъ ея косицъ, требовала суда и наказанія, негодовала, когда ее направляли по принадлежности къ сельской власти, и отводила себѣ душу продолжительными жалобами и причитаніями.

Въ одинъ изъ такихъ злополучныхъ для Леонтьевны дней я пріѣхалъ въ Еленовку. Наканунѣ, воспользовавшись случаемъ, Леонтьевна пріѣхала съ попутчикомъ въ Еленовку посмотрѣть на «своего-то дьявола», какъ выражалась она всегда, когда говорила о мужѣ. Не менѣе уже десяти разъ появлялась Леонтьевна въ Еленовку все съ тою же цѣлью, и каждый разъ была жестока избиваема, но все-таки не унималась. Она даже не каждый разъ жаловалась начальству и изукрасившись синяками отлеживалась у себя на мельницѣ, стонала, парилась въ банѣ и, оправившись, вновь ѣхала въ Еленовку къ своему «дьяволу-то». Она какъ будто не теряла надежды усовѣстить бывшаго своего мужа, не теряла надежды войти вновь хозяйкой въ его домъ, называла его *своимъ мужемъ,* а главное, странно,

все еще признавала за нимъ право себя бить и кажется изъ всѣхъ своихъ семейныхъ правъ только и пользовалась однимъ,—быть битой.

И жаловалась она больше только на то, что мужъ *на харчи не даетъ* и на свои синяки и опухоли только указывала, какъ на доказательство того, какъ мужъ встрѣтилъ, по ея мнѣнію, совершенно законныя требованія о харчахъ; наказанія же мужа за побои большею частію не добивалась.

По обыкновенію Леонтьевна, тотчасъ по пріѣздѣ, пошла къ знакомой хатѣ, а черезъ десять минутъ на дворѣ уже слышался отчаянный бабій визгъ, и прежній повелитель таскалъ свою отставную супругу по двору за косы, по нѣскольку разъ кряду ударяя ее объ земь и толкая каблуками въ спину.

Панфилъ работалъ у себя на дворѣ, когда предъ нимъ предстала Леонтьевна и ехидно улыбаясь произнесла:

«Здравствуй, Панфилъ Ѳедоровичъ!»

«Здравствуй! Зачѣмъ пришла?» грубо спросилъ Панфилъ, чуть поднявъ голову и вновь принявшись за подвязыванье оглобли къ санямъ.

«А все за тѣмъ же,—проговорила Леонтьевна.—Сами знаете зачѣмъ. Какъ, теперича, всякая законная супруга».

«Это все ты что-ль законная-то супруга?—повысилъ голосъ Панфилъ.—Ну и ступай себѣ законная супруга, откуда пришла».

«Куда же мнѣ идти, когда теперича, можно сказать, я нахожусь при своемъ собственномъ домѣ и даже во всякое время, можно сказать, хозяйка ваша, а вы ступай, да ступай! Куда же ступай-то?»

«Уходи откуда пришла».

«И это очень хорошо опять-таки уйти,—уйдемъ, да вотъ-бы на счетъ пшенички, да мучицы надо бы».

«Убирайся, пока цѣла», прикрикнулъ Панфилъ.

«Ай, бить хотите опять,—отозвалась Леонтьевна и прибли-

зилась вплотную къ Панфилу.—Царицъ-то позавели себѣ, для распутства одного, а женѣ колотушки, да тычки. Съ дѣвчонками-то валандаетесь, а жену за порогъ, да за ворота... сами-то лопаете, да развратничаете, а жена съ голоду помирай!»

Черезъ минуту все было кончено, и Леонтьевна отыскивала квартиру мирового судьи.

Услышавъ, разумѣется уже не въ первый разъ, что жаловаться ей слѣдуетъ въ сельскій, а не мировой судъ, Леонтьевна не поторопилась уйти. Спустя минуту, она уже бодро передавала, какъ постигло ее несчастіе, какъ она лишилась мужа, пріюта, дѣтей и осталась одна.

«Отъ прыгуновъ пошло все мое горе,—разсказывала Леонтьевна:—вѣдь откуда ихъ и принесло-то, такъ и по-сейчасъ не знаемъ. Позвольте высказать вашему благородію, съ чего все у насъ съ мужемъ пошло-то. Тутъ вотъ и проявился этотъ самый ихній сехтъ. Прежде-то, лѣтъ 15 или 16 тому назадъ, никто у насъ вѣдь ничего про духовныхъ-то и не зналъ. Явился разъ къ намъ въ домъ, значитъ, поздненько вечеромъ, такъ себѣ, какой-то бурлачишко, проситъ переночевать. Пустили мы его, накормили. Сидимъ мы послѣ ужина этакъ втроемъ, я, Панфилъ, да пришлый-то этотъ и вдругъ на него что-то нашло; затрясся онъ сначала, поблѣднѣлъ, больше да больше, помертвѣлъ онъ совсѣмъ и сталъ страшный-престрашный, глазами такъ и водитъ, самого-то такъ и трясетъ, такъ и коробитъ! Смотримъ мы съ Панфиломъ, дивуемся, да думаемъ, ничего отойдетъ... болѣзнь, значитъ, на немъ такая есть. Отошелъ мой странникъ черезъ небольшое время, пришелъ даже совсѣмъ въ свои чувства и говоритъ намъ, что это на него, вишь, сходитъ духъ... Ну вотъ живетъ у насъ странникъ-то недѣлю, другую,—духъ на него все сходитъ, началъ онъ говорить разное такое дивное, да страшное. Я, говоритъ, ровно пророкъ! Все, говоритъ, я знаю и все, говоритъ, высказать могу... Сталъ нашъ

Уколъ, — онъ Уколомъ прозывался, — ходить по мужикамъ. Мужики давай зазывать его къ себѣ. Ну вотъ въ тѣ поры уже стали у насъ въ Еленовкѣ и прыгать. Уколъ сталъ что ни на есть первымъ человѣкомъ во всей деревнѣ. Все больше у насъ провождалъ время. Мужа моего стали они тоже обращать въ ихъ сехтъ. Мудрили они надъ нимъ долго — все духъ, вишь, на него не сходилъ! Поставятъ его бывало средь комнаты, поднимаютъ ему руки, дуютъ на него, оплевываютъ, цѣлуютъ въ лицо-то... Ну и добились, испортили... И пошло у насъ съ тѣхъ самыхъ поръ все не людскимъ манеромъ. Заповѣдали они тѣмъ временемъ ѣсть мясо, — никто, значитъ, не моги ѣсть, — заповѣдали даже и къ женамъ прикасаться, — жены-то хоть сердились, да нечего дѣлать. Постъ у нихъ тогда пошелъ; все молятся, да прыгаютъ, а работать не работаютъ. Совсѣмъ работу побросали! Стали они, подъ-конецъ, ваше благородіе, собираться всей селеніей въ обѣтованную землю. По писанію такъ, вишь, выходило, что имъ туда надо податься. Все ожидали облака, которая ихъ туды поведетъ, значитъ. Все, говорятъ, будемъ идти на закатъ солнца и пребудемъ, говорятъ, къ Божьему престолу... Въ тѣ поры въ Никитинѣ собралъ всѣхъ прыгуновъ Комаровъ сынъ, Рудометкинымъ его прозывали. Писалъ онъ тогда письма ко всѣмъ, созывалъ въ Никитино всѣхъ, и мужей, и дѣвушекъ, и женъ. Сдѣлали они потомъ, ваше благородіе, рожонъ ни чуть ли въ 50 аршинъ длины, да привѣсили они къ рожну-то этому самому флаки... Рожонъ-то пребольшенный, два дерева, значитъ, одно въ другое вклещили, да желѣзными обручами и стянули. На флаки-то наши дѣвки сами вышили бисеромъ разныя письмена... Тутъ вышло у нихъ не такъ, какъ ладили-то. Рожонъ-то тотъ еще поставить-то не успѣли, какъ проѣхалъ губернаторъ да и приказалъ убрать его. Тутъ они всѣ, прыгуны-то значитъ, совсѣмъ уже объявили свою «духовность». Стали они больно и меня допекать. Извольте

спросить, в. в—іе, какого я поведенія! 75 человѣкъ мнѣ дали свидѣтельство, что за мной, значитъ, никакихъ глупостевъ не состоитъ, а они-то меня наровили въ свой-то домъ не пустить. Вѣдь что они дѣлали-то, в. в—іе! Панфилъ мой и отъ дому-то совсѣмъ отбился... Начнутъ ходить по ухватамъ. Мы, молъ, идемъ въ царствіе небесное! Потому это, значитъ, въ царствіе небесное, что ухватъ-то, она палочка тоненькая, пройти-то по ней трудно, ну, вотъ оно какъ будто путь въ царствіе небесное. Или возьмутся подъ руки, дворянскимъ, значитъ, маneромъ,—возьмутся и прыгаютъ по хатѣ-то. А одинъ такъ все собирался летѣть? Полечу, говоритъ, духъ, говоритъ, меня унесетъ! Взобрался онъ на верею-то воротную — лечу, говоритъ, да и въ правду полетѣлъ! Зашибся крѣпко... Заболѣлъ онъ, заболѣлъ послѣ того и съ тѣмъ пропалъ! А то запряглись четыре наши мужика въ сани, въ «духѣ», значитъ, были, да и давай по селу скакать! Стоятъ люди, да думаютъ, — ну славные, молъ, жеребчики... А то вотъ на дворѣ у насъ стояла большая кадушка. Напрыгавшись-то разъ, взяли наши мужики раздѣлись нагишами и взялись они бѣгать вокругъ кадушки-то. Побѣжатъ, да и гукнутъ туда, она-то отдастъ, а они, словно испугавшись, убѣжатъ. Бѣгали они это, бѣгали, гукали, да гукали до тѣхъ поръ, пока не пришелъ старшина. Какъ вытянетъ онъ одного хворостиной, тотъ подпрыгнулъ, да говоритъ: сигнулъ еси аки елень, аки серна!»...

Леонтьевна перевела духъ.

«И много разныхъ дѣловъ у насъ тогда было,—начала она опять.—Все этотъ Уколъ проклятый, всему онъ вина! Разорилъ онъ и мое счастіе! Мы вѣдь вашескородіе были прежде купцы 1-ой гильдіи, жили въ Новоузенскѣ. Братъ мой и теперь въ дворянской должности состоитъ, казначействомъ управляетъ. Были мы тогда старообрядцами въ часовнѣ вѣнчаны. Да вотъ, вѣдь, поди-жъ ты, всѣ наши всполошились—пойдемъ на Кавказъ. Ну, сначала поступили мы въ молоканскій сектъ, а по-

томъ мужъ-то перешелъ въ прыгуны! Вѣдь пошли у нихъ, слыханное ли это дѣло, духовные цари, да царицы. И теперь у нихъ въ Никитинѣ сидитъ царь Емельянъ, — вотъ что третьяго дня пріѣзжалъ на фургонѣ, — красный товаръ продавалъ! А то былъ у нихъ царемъ александровскій мужиченокъ и на видъ-то гадостный такой... испорченъ онъ былъ еще съ малости, а прозывался тоже царемъ духовнымъ».

И долго еще изливала Леонтьевна свои жалобы и честила ихъ.

Въ послѣднее время, не менѣе однако десяти лѣтъ кряду, у нея, кромѣ дѣла съ мужемъ, еще завелось дѣло съ товарищемъ по мельницѣ Ѳерапонтовымъ. Изгнанная изъ дома лѣтъ двадцать тому назадъ, она успѣла однако слезами и мольбами предъ «начальниками» устроить такъ, что начальство все-таки обязало мужа выдѣлить женѣ часть своего имущества и этотъ мужъ, волей-неволей, отдалъ Леонтьевнѣ половину своей мельницы, которую устроилъ съ Ѳерапонтовымъ сообща. — Леонтьевна временно, какъ-бы удовлетворилась, оставивъ мужа въ покоѣ, и поселилась на мельницѣ, но скоро, даже очень скоро, между ею и товарищемъ проявилась распря и ссора, а потому Леонтьевна, препираясь съ своимъ товарищемъ по мельницѣ, кстати возобновила дѣло и съ мужемъ и продолжала посвящать проѣзжающихъ «начальниковъ» во всѣ подробности своего горя.

Панфилъ Карягинъ въ свою очередь искренно ненавидѣлъ Леонтьевну и, давно не признавая ее за жену, періодически появлялся на мельницѣ, выслушивалъ жалобы Ѳерапонтова, попреки и укоры самой Леонтьевны, жестоко ее колотилъ и вновь уѣзжалъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Всѣ сношенія Леонтьевны съ прежнимъ мужемъ только этимъ и ограничивались. Повидимому старикъ Панфилъ только потому и появлялся на мельницѣ, что видѣлъ, что Леонтьевну «некому учить», а учить ее, по его разумѣнію, требовалось какъ можно чаще.

Дядя Матвѣй былъ уже совсѣмъ старикъ, имѣлъ въ Еленовкѣ и жену старуху вмѣстѣ съ кучей дѣтей, исповѣдывалъ прыгунство и болѣе всего терзался тѣмъ, что мельница на Зангѣ принадлежала не ему одному, а по-поламъ съ молоканкой Леонтьевной.

Дядя Матвѣй успѣлъ уже совсѣмъ посѣдѣть въ ежедневныхъ передрягахъ съ Леонтьевной и однако все-таки не успѣлъ склонить ее уступить ему свою часть мельницы. Не взирая ни на что, Леонтьевна предпочитала ежедневно грызться съ товарищемъ, ругаться и ссориться со всѣми живущими на мельницѣ,—предпочитала по нѣскольку разъ въ годъ обходить всѣхъ «начальниковъ» съ жалобами и слезами на чинимыя ей всѣми притѣсненія, но крѣпко держалась мельницы, не уступая никому своихъ правъ.

Исповѣдуя одну вѣру съ Григоріемъ Меньшовымъ, дядя Матвѣй изрѣдко заглядывалъ на пчельникъ и проводилъ въ сладостныхъ собесѣдываніяхъ съ Григоріемъ длинные вечера. Григорій всегда выходилъ далеко за пчельникъ, чтобы оборонить дядю Матвѣя отъ своихъ собакъ, и провожая его позднею ночью обратно на мельницу, бралъ большую дубину и доводилъ до самыхъ воротъ. На пчельникѣ въ такихъ случаяхъ занимались чтеніемъ св. писанія, но всему предпочитали апокалипсисъ или аполексисъ.

И старикъ дядя Матвѣй, и обездоленная Анна Горбатова и всегда мрачный Меньшовъ съ истиннымъ наслажденіемъ проводили такимъ образомъ время.

На пчельникѣ велись длинныя, но спокойныя бесѣды какого-то семейнаго характера. Споровъ, сомнѣній не было, возраженій ни отъ кого не слышалось. Крѣпкая вѣра въ свое будущее торжество, твердая надежда быть очевидцами тѣхъ «преславныхъ явленій», которыми будетъ сопровождаться наступленіе сіонскаго царствія, поддерживала пчельниковское тріо. Всѣ вѣрили, что «чудовищный звѣрь, исходящій изъ моря» и

«чудовищный звѣрь, исходящій изъ земли» скоро появятся и что скоро-скоро и дядя Матвѣй, и Меньшовъ, и Горбатова зачислятся въ число «144 т. запечатлѣнныхъ и избранныхъ на горѣ Сіонѣ» и что надъ нечестивыми не замедлятъ разразиться «семь фіаловъ ярости божіей».

Далеко за полночь обыкновенно велась на пчельникѣ зимняя бесѣда, и собесѣдники, растроганные и умиленные, поздно расходились по домамъ. Здѣсь они выкладывали души, взаимно дѣлились горемъ. Анна Горбатова безъ рыданій не могла вспомнить, какъ разомъ лишилась она своей семьи; какъ любимый мужъ забылъ домъ, забылъ ее и дѣтей, бросилъ свое хозяйство, ради Варьки; какъ все, нажитое долгимъ трудомъ, пошло прахомъ.

Дядя Матвѣй Ѳерапонтовъ былъ горячій защитникъ прыгунства и прыгунскихъ добродѣтелей. Больше всего онъ распространялся на счетъ еленовскихъ жидовъ или іудействующихъ, и призывалъ на нихъ гнѣвъ небесный, за ихъ жадность, за безсердечность, за безбожную наживу.

Даже Григорій Меньшовъ раскрывалъ свою, вѣчно удрученную, душу и предавался мечтамъ вслухъ. О своей десятилѣтней ссылкѣ онъ никогда не поминалъ, и объ убійствѣ Рыбкина отклонялъ всякіе разговоры, но разъ все-таки, хоть и нехотя, а разсказалъ.

«Ну, что разсказывать,—началъ онъ на настоятельные вопросы дяди Матвѣя.—Вышло такъ, и не хотѣлъ, да вышло... словно толкнулъ кто... Попугать вѣдь только хотѣлъ этого самого Рыбкина... вѣрно слово, попугать хотѣлъ... И сказать не знаю, съ чего это такъ случилось... Зачастилъ это онъ ко мнѣ въ домъ, Павелъ, значитъ... Ходитъ онъ, почитай что каждый день... Придешь утромъ—тамъ, придешь вечеромъ — сидитъ. Ну и Лукерья тожь, не то что бы отъ него, а вижу къ нему. Все однако по началу какъ бы добромъ. Сестра, молъ, сестра или братецъ... это, значитъ, зовутъ другъ дружку-то... Ну, по-

томъ Лукерья пошла уже въ ихъ *собраніе*, въ наше не ходитъ, —шабашъ, перестала. И мнѣ, значитъ, ужъ стала не жена. Не трожь, говоритъ, все земное скончилось»...

Миръ и тишина пчельника представляла полный контрастъ гвалту, царившему на мельницѣ и вокругъ мельницы. Леонтьевна успѣвала переругаться въ теченіи сутокъ со всѣми. Не было спуску ни жившимъ на мельницѣ, ни пріѣзжавшимъ туда для перемола. И лошадей-то своихъ они не туда ставятъ, и быковъ не туда пускаютъ, и очереди они не соблюдаютъ, и канаву портятъ.

Однимъ словомъ, Леонтьевна такъ всѣмъ надоѣдала, такъ ко всѣмъ приставала, что не будь тутъ-же умиротворяющаго вмѣшательства дяди Матвѣя,—давно-бы Зангинская мельница опустѣла и путь къ ней заглохъ бы.

Но мельницу любили и за уютность мѣстечка, и за удобный выпасъ для скота и за хорошій квасъ, который Леонтьевна приготовляла въ совершенствѣ. Ужъ ради кваса трудно было миновать мельницу, а слѣдовательно нельзя было миновать слезъ и жалобъ Леонтьевны.

Комната Леонтьевны была довольно уютная. Русская печь, столъ съ слѣдами поскребокъ, лавки по стѣнамъ, въ углу ухваты и кочерга, на полатяхъ шуба и полушубки, на полкахъ чайная посуда, самоваръ и початый хлѣбъ, прикрытый полотенцемъ. Все напоминало настоящую русскую избу,—не было только образовъ и суздальскихъ малеваній, но за то всѣ стѣны были залѣплены картинами воинственнаго характера. Къ этимъ картинамъ, по странной игрѣ случая, Леонтьевна, женщина всегда готовая на брань и ссору, имѣла какое-то особенное влеченіе.

Поднеся всѣмъ, какъ водится съ поклономъ, квасу, Леонтьевна обыкновенно послѣ помѣщалась у притолки и ждала удобнаго момента заговорить.

Удобный случай обыкновенно являлся сейчасъ же.

«Какъ идутъ дѣла?» обратится кто-нибудь къ Леонтьевнѣ. Леонтьевна тотчасъ вздохнетъ, подберетъ губы, подопретъ щеку рукою и еще разъ вздохнетъ.

«Плохи дѣла, вашескородіе, какія теперь дѣла!» отвѣтитъ Леонтьевна и тотчасъ поникнетъ головой.

«Чѣмъ же плохи? мельница полна народу, урожаи, кажись, хорошіе, мѣстечко просто благодать... чѣмъ же плохи?»

«Обижаютъ меня,—вдругъ ободряется Леонтьевна, — очень обижаютъ. Вотъ Солофеевъ сынъ, не знаю, какъ прозывается онъ,—мальчишка, совсѣмъ вѣдь еще мальчишка, всячески обзываетъ меня,—ты, говоритъ, сучка, сучка! Ваше превосходительство, вѣдь рази такъ можно!»

«Жалуйся!»

«И жаловалась... да вѣдь не нажалуешься ходить-то! Вонъ самъ-то Солофей все смѣется. Извѣстно вамъ, ваше превосходительство, мое несчастіе. Живу одна, съ товарищемъ ладовъ нѣту, и очень бы желала, какъ бы потише, да поладнѣй, да куды-те! — не хотитъ онъ этого совсѣмъ. Такъ у насъ все врозь, да врозь. Я за нимъ, а онъ за мной слѣдитъ, а дѣло-то у насъ никогда не сладится. И Солофеевъ-то сынъ, все вѣдь съ его науки-то меня такъ обзываетъ. Вчерась, или когда это? да вчерась, вчерась приходитъ на мельницу съ ружьемъ, — ходилъ, ходилъ, вертѣлся, вертѣлся, да какъ выпалитъ изъ ружья-то, да прямо въ сѣно. Прибѣжала я, зову работника,— пыжъ-то коло самого сѣна лежитъ, а онъ, пащенокъ-то Солофеевскій, хохочетъ, да грозится ружьемъ-то! Ваше благородіе! можно развѣ такія озорства дѣлать?!»

«Жалуйся!»

«Да кому жаловаться-то! Вотъ хоть бы опять съ товарищемъ—нельзя-ли, вашескородіе, раздѣлить насъ? Не подъ силу стало. Только-что и дѣла, что смотримъ другъ за другомъ. Переведу я, значитъ, телочка своего на лужокъ, на травку, значитъ,—глядь, а онъ-то, значитъ, уже взялъ его за веревочку,

да и тащитъ назадъ. Дѣвчонку, вишь, нарочно нанялъ, чтобы моего телочка не пущать.—Всѣхъ пущаютъ, всѣмъ можно, а мнѣ одной нельзя».

«Да что вы не ладите-то? Изъ-за чего?»

«Да все изъ-за того же, что съ мужемъ вотъ врозь живемъ. Вышло такое дѣло, прости Господи, двадцать годовъ жили вмѣстѣ,—десять дѣтей имѣли и вдругъ бросилъ онъ меня! И съ чего,—не знаю, вѣрно слово, не знаю! Извольте спросить, ваше превосходительство, вся общества, вся селенія про меня дурнаго слова не скажетъ. Да, вотъ добрые люди сдѣлали».

«Что сдѣлали-то?»

«Да, вотъ что сдѣлали! Жили мы съ мужемъ жили, однихъ сыновъ у насъ шесть было, и нельзя сказать, чтобы въ бѣдности. Вдругъ да захоти мой-то Панфилъ жениться. Женюсь, говоритъ, поѣду вотъ, говоритъ, въ Константиновку, да и женюсь! Обсѣдлалъ онъ это тихимъ манеромъ лошадь и поѣхалъ къ константиновскимъ мужикамъ. — И женился точно! Двухъ денъ, пожалуй, не прошло,—привелъ молодую жену. Убирайся ты, говоритъ, вонъ,—это ко мнѣ-то, значитъ! Стало мнѣ въ тѣ поры, значитъ, ваше благородіе, такое нестерпленіе,—пошла я жаловаться. Ужъ гдѣ-гдѣ я ни была, до самаго намѣстника доходила.—Да гдѣ же мнѣ! Знамо дѣло, женщина! Не знаю я никакихъ этихъ дѣловъ, не то что, какъ бы сказать, мужчина; сейчасъ я это затороплюсь, затороплюсь, заспѣшу, ну, да и скажешь иной разъ что лишнее, что ненужное, а мужчина-то все съ хитростями, да съ подвохами, и я этихъ смысловъ совсѣмъ не знаю!»

Леонтьевна задумалась. Можетъ быть она задумалась надъ одолѣвшими ее мужскими хитростями и подвохами, а можетъ быть передъ ней разомъ промелькнуло двадцатилѣтнее супружество, расторгнутое при первой блажи пятидесятилѣтняго мужа.

«Ну, вотъ женился онъ,—продолжала Леонтьевна, — пріѣхалъ домой, а меня, значитъ, и до воротъ не пущаетъ. Все и вышло то изъ за-того, что Панфилъ былъ достаточный. Какъ объявили эти прыгунишки-то свою *духовность*, ну вотъ тогда у нихъ все пошло и пошло. Работать-то побросали, стали постъ держать,—заповѣдали мясо и все такое. Мельница у насъ съ Панфиломъ была въ Еленовкѣ, такъ все коло мельницы этой они и терлись, объѣдали, значитъ, Панфила-то моего. Мельница-то почитай что на нихъ только и молола. Время-то тогда приспѣло военное, трудное, хлѣбъ продавали по шести рублей за пудъ, а они никто и работать-то не хотятъ. Одежу тащатъ на огонь, все жгутъ, скончанія вѣку, значитъ, дожидаютъ. Ну, вступилась я, говорю Панфилу: у насъ, молъ, есть свои дѣти! Вотъ прыгуны-то и взроптали на меня: «какая она, говорятъ Панфилу-то, тебѣ жена! На тебѣ, говорятъ, духъ, а на ней, значитъ, духу неоказывается,—возьми, говорятъ, себѣ съ духомъ». Вотъ затѣмъ-то онъ и женился. Сбили они его, совсѣмъ сбили. Сдѣлали они его въ тѣ поры своимъ *князькомъ*,—тогда у нихъ все князьки были, ну и онъ промежъ нихъ тоже за князя считался».

Леонтьевна помолчала и глубоко вздохнула; злая усмѣшка бродила по ея изрядно сморщенному лицу.

«Вотъ ужъ двадцать лѣтъ съ мужемъ вмѣстѣ не живемъ», добавила Леонтьевна.

«Такъ и не видѣла своего Панфила послѣ того?»

«Какъ не видѣть?! Много разъ видѣла,—хоть и бросилъ онъ меня, а все же мужемъ приходится. Какъ не видѣть! Еще прошлую осень пріѣзжалъ онъ сюда на мельницу, Панфилъ-то. Избилъ онъ тогда меня, смертельнымъ боемъ избилъ, такъ что повѣрите, ваше благородіе, и по сегодня я все нездоровая нахожусь,—такъ онъ избилъ меня...»

«Ну, что-жъ? Опять, поди, ходила жаловаться?»

«За что, за битьё-то? Н-н-нѣтъ, что ужъ на мужа-то жаловаться!»

Такъ плакалась Леонтьевна на свою судьбу и такъ курьезно она смотрѣла на свои отношенія къ своему бывшему мужу, Панфилу Корягину.

Леонтьевна, давно изгнанная и забытая, все еще считала Панфила своимъ мужемъ. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы и самъ Панфилъ не признавалъ, хотя косвенно, такой взглядъ Леонтьевны правильнымъ, что высказывалось однако лишь въ томъ, что онъ періодически появлялся на мельницѣ, чтобы провѣдать свою бывшую жену, долгомъ считая нанести ей каждый разъ болѣе или менѣе тяжкіе побои.

Прыгунство вызвало впрочемъ не одинъ примѣръ подобныхъ странныхъ отношеній между людьми, прежде состоявшими въ супружествѣ, и Леонтьевна, въ жизни которой прыгунство играло столь фатальную роль, относилась къ этому ученію съ полнѣйшимъ отвращеніемъ и негодованіемъ.

Совсѣмъ иначе относились къ прыгунству Горбатова и Меньшовъ. Они оба были жертвами этого ученія и оба сдѣлались его послѣдователями. Горбатова перешла въ прыгунки, нечаянно открывъ въ себѣ присутствіе духа, а Меньшовъ, возвратясь изъ десятилѣтней ссылки, случайно наткнулся на одну книгу, которая произвела въ немъ полный переворотъ въ воззрѣніяхъ его на прыгунство. Книга эта была въ родѣ многихъ другихъ подобныхъ же, вращающихся между прыгунами, рукописная.

II.

Еленовскіе іудеи.

Меньшовъ, Леонтьевна, Горбатова и всѣ подобные имъ злополучные послѣдователи разныхъ вредныхъ сектъ были, впрочемъ, интересны только какъ отдѣльныя жертвы охватившаго

всю Гокчинскую равнину религіознаго броженія. Но рядомъ съ этими отдѣльными жертвами стояла цѣлая масса населенія, также не безъ волненій и передрягъ пережившая этотъ періодъ броженія.

Прыгунство вызвало цѣлый переворотъ въ жизни всѣхъ гокчинскихъ ссыльно-переселенцевъ. Въ молоканской и субботнической сектахъ, въ то время уже прочно установившихся, произошли большія волненія. Кто устоялъ, кто пошатнулся, а кто совершенно поколебался въ прежней своей вѣрѣ и воспринялъ новый расколъ, выродившійся изъ раскола же. Достовѣрно, однако, что субботники устояли лучше всѣхъ и устоявъ, не замедлили забрать въ руки обѣднѣвшихъ отъ бездѣлья и слишкомъ продолжительнаго религіознаго возбужденія прыгуновъ. Въ Еленовкѣ, Константиновкѣ, Ахтахъ, еще въ самомъ началѣ этого броженія, уже открылись отдѣльныя прыгунскія общины. Въ селеніи Сухомъ Фонтанѣ изъ-за прыгунства произошли великія семейныя и общественныя распри. Въ Воскресенкѣ, Никитинѣ, Семеновкѣ на первыхъ порахъ дурили больше всего и потому больше всего и потерпѣли.

Переждавъ эпоху наибольшаго волненія, вызваннаго прыгунствомъ, субботники повсюду окрѣпли больше, чѣмъ прежде.

Еленовка сдѣлалась тогда самымъ обширнымъ разсадникомъ субботничества, а *еленовскіе іудеи*, какъ ихъ называли другія секты, скоро прославились своею зажиточностью, а также алчностью къ деньгамъ и наживѣ.

Въ зиму 187... года мнѣ пришлось побывать во всѣхъ русскихъ селеніяхъ, разбросанныхъ на Гокчинской плоскости, и увидѣть уже нѣсколько опредѣлившееся между другими сектами положеніе прыгуновъ.

Прежде всего я съѣздилъ въ Еленовку.

Зима на возвышенномъ плато Гокчинскаго озера устанавливается очень рано и къ концу ноября, а иногда еще и къ половинѣ этого мѣсяца вступаетъ во всѣ свои права. Снѣгу

всегда бываетъ много, морозитъ большею частью преизрядно, сани водятся у всѣхъ и даже кромѣ обычныхъ крестьянскихъ дровней и розвальней тамъ и сямъ появляются еще санки, устроенныя не безъ затѣй, и то что называется, «по городски».

Съ половины декабря вся Гокчинская равнина является уже во всей своей зимней красѣ. Слышится скрипъ полозьевъ, въ воздухѣ носится снѣжная пыль; по дорогѣ выростаютъ огромные снѣжные сугробы, лошадиныя морды покрываются густымъ инеемъ, свѣтлыя россійскія бороды русскаго населенія украшаются ледяными сосульками. На полуаршинныхъ и много-много аршинныхъ окнахъ сектаторскихъ избъ расписаны самые затѣйливые узоры; появляются рукавицы, словно одервенѣлыя, съ торчащими отростками для помѣщенія большого перста; русскіе крестьяне облекаются въ широчайшіе тулупы, надѣваемые еще сверхъ полушубковъ, подвязываются разноцвѣтными шарфами и кушаками, влѣзаютъ въ сѣрыя и темныя валенки, насовываютъ на брови большущія мѣховыя шапки и пускаются въ извозъ. Бабы въ это время уже обыкновенно засѣли по домамъ и принялись за пряжу, да за вязанье, и только по праздникамъ появляются на улицахъ, накинувъ нарядныя шубки и покрывъ головы цвѣтными, непремѣнно шелковыми, платками.

Въ то время, какъ русское населеніе Гокчинской равнины встрѣчаетъ зиму въ овчинахъ, валенкахъ и большихъ сапогахъ съ бревнообразными голенищами, туземецъ, живущій на Гокчѣ, почти никакого измѣненія въ своемъ костюмѣ не дѣлаетъ. Всю зиму онъ, по обыкновенію, безъ всякаго дѣла сидитъ дома, грѣясь у дымящей жаровни бухара *) или тундыря **). У всѣхъ живущихъ на Гокчѣ туземцевъ зимою какъ и лѣтомъ тѣ же поршни ***), на манеръ древнихъ сандалій, тѣ же ко-

*) Каминъ

**) Яма для печенія туземнаго хлѣба.

***) Мягкая обувь изъ кожи.

ши *), прикрывающіе только пальцы ногъ; по прежнему на всѣхъ легкія чохи, у всѣхъ открытыя шеи и груди и только у нѣкоторыхъ, пускающихся въ дальній путь, изъ-подъ чохи выглядываетъ баранья опушка легкаго полушубка. Но это встрѣчается у очень немногихъ; большинство же путешествующихъ довольствуются тѣмъ, что надѣваютъ чоху на чоху, а то ухитряются напялить сверхъ двухъ еще и третью чоху, обматываютъ ноги десяткомъ тряпокъ, завязываютъ рты краснымъ коротенькимъ платкомъ или шарфомъ и въ легкой обуви ныряютъ по глубокимъ снѣгамъ и благополучно одолѣваютъ и сугробы и заносы.

Еленовка возникла лѣтъ тридцать тому назадъ и названіемъ своимъ, какъ говорятъ, обязана одной весьма извѣстной въ Закавказьѣ вицегубернаторшѣ, которая впослѣдствіи прославилась эксцентричностью своего поведенія и, переиспытавъ многое въ путешествіяхъ по Европѣ, Азіи и Америкѣ, кончила тѣмъ, что превратилась въ теозофку и послѣдовательницу чуть-ли не буддійской вѣры. Вицегубернаторша та называлась Еленой и возникшее въ то время на берегу озера Гокчи поселеніе наименовано въ честь ея Еленовкой.

Въ настоящее время это самое богатое и самое промышленное изъ всѣхъ сектаторскихъ поселеній Эриванской губерніи.

Выбранное для Еленовки мѣсто на большой транзитной дорогѣ въ Персію, на берегу чудеснѣйшаго озера, сразу указало еленовцамъ, чѣмъ слѣдуетъ имъ заниматься, кромѣ разумѣется нескончаемыхъ препирательствъ объ истинной вѣрѣ и вѣрнѣйшихъ путяхъ къ святости и блаженству. Еленовцы сдѣлались, во-первыхъ рыболовами, во-вторыхъ, фургонщиками и извощиками и, современемъ, перешли почти на-половину къ ученію іудействующихъ, сдѣлались еще злѣйшими ростовщиками и лихвенниками, прибравши къ рукамъ не только всѣхъ своихъ

*) Обувь изъ кожи, не закрывающая пятокъ.

нежидовствующихъ единоплеменниковъ, но распространивъ свое денежное вліяніе даже на окрестныхъ армянъ и татаръ. Лихвенные проценты еленовцами брались въ ужасающихъ размѣрахъ, и въ послѣднее время еленовцы, по справедливости, прослыли не только за жидовствующихъ по вѣрѣ, но и за истинныхъ жидовъ въ денежныхъ и всякихъ счетахъ.

Они впрочемъ этимъ не только не печалились, а даже нѣсколько гордились и, исповѣдуя ученіе іудействующихъ, старались по возможности во всѣхъ отношеніяхъ ближе подойти къ племени Израилеву. Они гордились сходствомъ не только въ ученіи, но даже въ образѣ жизни и въ нравахъ съ настоящими евреями, весьма охотно чествовали всякаго къ нимъ заблудшаго отставного солдата-еврея, перенимали при всякомъ случаѣ еврейскіе обычаи—религіозные и семейные, а главное, въ самомъ дѣлѣ, богатѣли очень быстро.

Выбранное для поселенія еленовцевъ мѣсто было дѣйствительно прекрасно. Изобиліе пастбищъ, изобиліе рыбы, климатъ средней полосы Россіи, густое окрестное населеніе, почтовый и транзитный путь,—все способствовало процвѣтанію благосостоянія еленовцевъ и, дѣйствительно, они разжились и разжились очень скоро.

Шла, правда, молва, что благосостояніе еленовцевъ появилось не совсѣмъ обыкновенными путями, и что фундаментомъ къ обогащенію ихъ послужили будто бы какія-то темныя дѣла. Въ окрестныхъ селеніяхъ разсказывали, что пока еленовцы не перешли почти на-половину въ іудействующіе, пока не былъ проложенъ шоссейный путь по берегу Гокчи и самый трактъ, на которомъ они расположились, былъ хотя и почтовый, но менѣе проѣзженъ и менѣе безопасенъ чѣмъ впослѣдствіи,—они, будто бы, промышляли грабежомъ и разбоями. Разсказывали, что, спустивъ въ обрывистыя крутизны и пропасти, прилегающія къ Гокчѣ, разныхъ мирныхъ путешественниковъ, преимущественно купцовъ, везущихъ въ Персію или изъ Персіи

товары, они успѣвали приписать бурямъ и стихіямъ эти будто бы случайныя низверженія со скалъ, и когда по истеченіи не малаго времени открывалось какое нибудь «мертвое тѣло неизвѣстно кому принадлежащее», (т. е. просто неизвѣстнаго человѣка), но носящее явные признаки насильственной смерти, сами же доносили о томъ кому слѣдуетъ.

Зимній путь по берегу Гокчи, до устройства тамъ шоссе, дѣйствительно представлялъ вообще большія трудности, а въ дни мятелей и снѣжныхъ заносовъ трудности эти, даже для самыхъ легкихъ повозокъ и экипажей, часто превращались въ непреодолимыя препятствія. Даже вьючные караваны и тѣ не рѣшались проходить по берегу во всякую погоду, опасаясь заносовъ и заваловъ, а всякому экипажу, кромѣ заносовъ и заваловъ, еще всегда грозила бóльшая или меньшая опасность полетѣть въ пропасть.

Возвышенный берегъ озера, по которому пролегалъ и пролегаетъ теперь почтовый путь, покрывался въ зимнюю пору, до устройства тамъ шоссе, весьма покатымъ къ сторонѣ Гокчи снѣжнымъ нерѣдко совсѣмъ обледенѣлымъ наносомъ. Въ дватри часа иной разъ тамъ наметало столько снѣгу, что никакія расчистки уже не помогали. Едва успѣвали нѣсколько сравнять наметенную гору снѣга, какъ вѣтеръ наметалъ ту же гору вновь и если въ это время кто либо упорствовалъ продолжать путешествіе, то мѣстами приходилось ѣхать по совершенно обледенѣлому къ сторонѣ озера косогору и при сильномъ порывѣ вѣтра было всегда много шансовъ слетѣть въ пропасть. Такія мѣста находились верстахъ въ десяти или двѣнадцати отъ Еленовки и ближайшая къ этимъ опаснымъ пунктамъ армянская деревня Чубухлы всю зиму обязывалась выставлять сотни людей для содѣйствія благополучному слѣдованію проѣзжающихъ по этимъ крутизнамъ. По временамъ въ большіе мятели и заносы всякій проѣздъ временно даже совсѣмъ пріостанавливался, до окончанія вьюгъ и мятелей, и когда погода

стихала, т. е. когда по крайней мѣрѣ можно было видѣть передъ собой, и мокрые хлопья снѣгу не залѣпляли глаза и не леденили рукъ,—всѣ, кому было нужно ѣхать, пускались въ путь, поддерживая на этихъ опасныхъ мѣстахъ легкія повозки большею частью собственными плечами, а тяжелые экипажи просто брали на веревки и лямки и, идя по хребту горы и увязая по колѣна въ снѣгу, удерживали экипажъ отъ низверженія въ пропасть.

Несчастій впрочемъ бывало не много. Случалось, однако, что порывами вѣтра сваливало на бокъ цѣлые фургоны, да время отъ времени находили въ глубокихъ оврагахъ и лощинахъ Гокчи, почти у самаго берега озера, такъ называемыхъ червodаровъ *) съ лицами страшно изуродованными и обезображенными и нерѣдко еще съ проломленными черепами. Обыкновенно около этихъ злополучныхъ червodаровъ отыскивались и принадлежащіе имъ вьюки, содержимое которыхъ, однако, по удостовѣренію полицейской власти, или уже совершенно исчезло или же видимо уменьшилось; но такое уменьшеніе вьюковъ, по соображеніямъ властей, слѣдовало приписать главнымъ образомъ тому обстоятельству, что лица, обнаружившіе мертвое тѣло, вмѣсто того, чтобы поспѣшить дать знать кому слѣдуетъ, поспѣшали заняться расхищеніемъ вьюковъ и о нахожденіи мертваго тѣла давалъ уже знать тотъ, кто заставалъ вьюки окончательно или совсѣмъ расхищенными.

Завидующіе богатству еленовцевъ окрестные жители и сосѣдніе русскіе сектаторы разсказывали, что предпріимчивые еленовцы, въ то время еще не оперившіеся и не вошедшіе во вкусъ лихвенныхъ процентовъ, просто - на - просто выходили во время сильныхъ мятелей и вьюгъ на опасныя мѣста дороги, дожидались каравановъ и проѣзжающихъ и, завладѣвъ

*) Перевощики вьюковъ.

вьюками, спускали самыхъ вьючниковъ въ пропасть, забирали все, что можно можно забрать и спустя нѣкоторое время, скрывъ всѣ слѣды преступленія, сами же доносили объ «оказавшемся мертвомъ тѣлѣ неизвѣстнаго человѣка» или объ «утонутіи трупа неизвѣстно кому принадлежащаго», а затѣмъ, по прибытіи властей, усердно исполняли обязанности понятыхъ при разныхъ судебно-медицинскихъ вскрытіяхъ и осмотрахъ и охотно давали показанія и при дознаніи и при слѣдствіи.

Такая ходила объ еленовцахъ молва, и источниками ея, кромѣ дѣйствительно бывшихъ случаевъ убитыхъ или упавшихъ въ Гокчинскія пропасти черводаровъ, въ чемъ впрочемъ участіе еленовцевъ оставалось невыясненнымъ, служила отчасти зависть и удивленіе къ быстрому возрастанію ихъ благосостоянія. А источники ихъ благосостоянія, кромѣ позже открывшагося лихвеннаго промысла, были и другіе. Неутомимые работники, еленовцы круглый годъ хлопотали сбить себѣ копейку и не зѣвали нигдѣ и никогда. Они засѣвали громадныя пространства подъ посѣвы пшеницы, они выкашивали сотни десятинъ сѣнокоса и заготовляли, а потомъ выгодно продавали громадныя скирды сѣна. Покончивъ полевыя работы, они принимались за извозничество и, нагружая свои фургоны чѣмъ придется, начиная съ пшеницы, нефти и кончая гокчинской рыбой, везли все это всюду, куда только было можно и выгодно везти. Бабы ихъ неутомимо ткали полотна, пряли пряжу, чесали ленъ, шили, вязали, штопали, варили, пекли и работали, что называется, не покладая рукъ. Не смотря однако на все это, слухи о разныхъ незаконныхъ путяхъ, которыми еленовцы нажили будто-бы свои богатства, не прекращались и держались весьма упорно.

Роскошное водовмѣстилище, на берегу котораго раскинулась Еленовка, конечно наводила на размышленія всякаго, кто его видѣлъ. Пока эта безжизненная и безлюдная водяная пустыня только поражаетъ своимъ живописно величественнымъ и без-

молвнымъ видомъ. Ни на озерѣ, ни по берегамъ его какъ будто нѣтъ никакого движенія и жизни. О жизни и движеніи только и говоритъ небольшой островокъ Севанга, лежащій почти у самаго берега съ своимъ чернымъ, старымъ монастыремъ, гдѣ спасаются армянскіе схимники, далеко однако не отрѣшившіеся отъ земныхъ благъ и даже приспособившіе нѣкоторыя изъ своихъ построекъ къ учрежденію въ нихъ питейныхъ заведеній. О жизни хоть и слабо, но все же пожалуй говоритъ нѣсколько армянскихъ и татарскихъ поселеній, исчезающихъ въ узкихъ ущельяхъ, сбѣгающихся къ озеру; да если прибавить къ этому еще два - три лежащихъ близь Гокчи русскихъ сектаторскихъ поселеній, извлекающихъ, по мѣрѣ силъ и умѣнья, выгоду и пользу изъ озера, то это будетъ все что пока даетъ Гокча окрестному населенію.

А между тѣмъ одинъ видъ этого громаднаго водоема уже наводитъ на мысль о пароходахъ, которые когда нибудь да оживятъ сонныя окрестности и безжизненные берега озера и установятъ сообщенія между двумя противуположными, пока совершенно незнакомыми, между собою берегами. Но если посмотрѣть какими до-нынѣ еще первобытными способами ловится здѣсь прекраснѣйшая форель, какое сравнительно ничтожное количество ея вывозятъ и продаютъ; сколько этой рыбы безъ толку гибнетъ и уничтожается, благодаря способу ловли; съ какими до сихъ поръ затрудненіями связана перевозка этой вкуснѣйшей рыбы, какая масса труда при этой ловлѣ затрачивается совсѣмъ напрасно, какъ много погибаетъ икры, просто выбрасываемой за недостаткомъ перевозочныхъ средствъ,—то пожалѣешь, что никто изъ власть и силу имѣющихъ по-нынѣ не обратитъ вниманія на этотъ прекраснѣйшій уголокъ Закавказья и не дастъ толчка, который бы оживилъ сонную поверхность озера, и безжизненные берега его, и апатичное окрестное населеніе.

Какъ бы то ни было, но пока роль этого единственнаго въ

своемъ родѣ озера состоитъ въ томъ, чтобы доставлять пріятное зрѣлище для глазъ путешественника, когда онъ, переѣхавъ горы Малаго Кавказа и приготовляясь спуститься въ раскаленную Араксую долину, можетъ вволю надышаться свѣжимъ воздухомъ Гокчинской равнины, окунуться въ синія Гокчинскія волны и отвести душу и глазъ на зеленыхъ лѣсистыхъ холмахъ и роскошныхъ нивахъ, прилегающихъ къ озеру.

Благодатная температура Гокчинской равнины всего лучше сказалась въ внѣшности ея обитателей. Въ самой Еленовкѣ развилось такое породистое племя, такіе мускулистые рослые парни, де-бѣлыя дѣвки, красивыя жены и ребятишки, — что однимъ своимъ открытымъ видомъ и румяными лицами они ясно говорятъ, что климатъ Гочки пришелся имъ какъ разъ по вкусу; что условія ссылки, слава Богу, не особенно отразились на ихъ здоровьѣ и что сектанты, по крайней мѣрѣ въ экономическомъ отношеніи, вполнѣ благоденствуютъ.

Еленовка, какъ Ахты и Сухой Фонтанъ, какъ впрочемъ и всѣ прочія сектаторскія поселенія Эриванской губерніи, вмѣщала въ себѣ послѣдователей всякихъ ученій и толковъ; хотя съ теченіемъ времени, какъ уже упомянуто ранѣе, тамъ значительно, и притомъ на счетъ всѣхъ прочихъ сектъ, увеличилось число іудействующихъ. Все селеніе въ послѣднее время дѣлилось на три *собранія*. Многолюднѣйшимъ считалось субботническое, а молоканское и прыгунское были почти равны по составу. Субботники сосредоточились въ самомъ центрѣ селенія и являлись обладателями лучшихъ домовъ и лучшихъ хозяйствъ; молокане размѣстились по главной улицѣ деревни, не очень далеко отъ субботниковъ, а прыгуны предпочли отойти во вторую линію селенія и устроились такъ, что свои *дневныя собранія* дѣлали въ одномъ изъ прыгунскихъ домовъ на главной улицѣ и притомъ неподалеку отъ собранія молоканскаго, дабы соревновать съ ними и въ продолжительности высиживанія въ собраніи и въ достоинствѣ пѣнія; по вечерамъ

же они сходились въ одной изъ самыхъ отдаленныхъ хатъ селенія и мерцавшій далеко за полночь тусклый свѣтъ въ окнахъ этой хаты свидѣтельствовалъ объ усердствованіи сіонцевъ.

Въ Еленовкѣ мнѣ довелось быть когда уже самые горячіе моменты религіознаго возбужденія миновали и временно прекратились переходы изъ одного толка въ другой.

Промчавшись по главной улицѣ, со всякимъ гиканьемъ и уханьемъ, молоканинъ-ямщикъ подкатилъ къ какому-то дому, круто остановилъ лошадей, тряхнулъ кудрями и, обернувшись, доложилъ:

«Здѣсь господа завсегда останавливаются, коли ежели ночевать хотите... На станціи холодно, а эвто у насъ гостинная»...

«Какая гостинная?»

«Какая гостинная?! Ну, проѣзжательская, по вашему, станція, значитъ!»

Гостинная или проѣзжательская помѣщалась въ домѣ Ивана Васенцова, мѣстнаго жителя, отбывающаго по очереди нарядъ по содержанію этой самой гостинной или проѣзжательской и потому временно обязаннаго быть въ готовности не только къ принятію проѣзжающихъ, но, сверхъ того, и къ разнымъ другимъ услугамъ по ихъ востребованію. Обязавшись по контракту имѣть на почтовой станціи чистыя комнаты для ночлега проѣзжающихъ, еленовцы однако разсудили вовсе не имѣть этихъ чистыхъ комнатъ при станціи, а предпочитали держать при станціи такъ называемую *общую* для краткихъ остановокъ тѣхъ проѣзжающихъ, которые желали только перемѣнить лошадей и ѣхать дальше; всѣхъ же прочихъ приглашали въ ту гостинную или проѣзжательскую, куда меня привезъ ямщикъ.

Иванъ Васенцовъ, уже весьма пожилой, маленькій, сухой человѣкъ, былъ субботникъ. Онъ зналъ недурно грамоту и по-

тому исправлялъ при случаѣ священническія обязанности или «бывалъ за раввина», какъ онъ самъ выражался, причемъ ни по одеждѣ, ни по какимъ либо другимъ признакамъ не отличался отъ всѣхъ прочихъ своихъ односельчанъ и единовѣрцевъ. Въ физіономіи его, и особенно въ явственныхъ слѣдахъ военной выправки, ясно проглядывалъ бывшій солдатъ и молва гласила, что онъ и есть дѣйствительно никто иной какъ бѣглый солдатъ. Васенцовъ и теперь, не смотря на прошедшій не одинъ и не два десятка лѣтъ со времени побѣга изъ военной службы, не могъ сбросить съ себя солдатской выправки, и потому подтягивался, когда къ нему обращались «начальники», выправлялъ при этомъ руки по швамъ и въ явный разладъ съ прочими сектантами, вообще говорившими на-распѣвъ и избѣгавшими всякаго титулованія, Васенцовъ отвѣчалъ отрывисто, стоялъ выпрямившись, часто титуловалъ и смотрѣлъ прямо въ глаза.

Впрочемъ, хотя онъ и бывалъ иногда за раввина и пользовался въ обществѣ своемъ почетомъ и уваженіемъ, но въ домашнемъ своемъ быту не игралъ никакой роли и былъ ничто въ сравненіи съ супругой своей, Екатериной—бабой пребойкой и преехидной. Семья Васенцова была бездѣтна. Они были зажиточны, любили выпить чайку и побесѣдовать съ «господами», а потому, кромѣ проѣзжающихъ по почтовому тракту, въ гостинной Васенцовыхъ останавливались всѣ мѣстные чиновники, наѣзжавшіе въ Еленовку или проѣзжавшіе черезъ нее по дѣламъ службы. Катерина въ совершенствѣ знала всѣ мѣстныя дѣла, а чего не знала, о томъ не задумывалась высказывать свои соображенія и вообще, побывавъ въ обществѣ господъ, нисколько не стѣснялась ихъ присутствіемъ, хотя придерживалась строжайшаго чинопочитанія и даже когда пила предложенный ей чай или занималась передачей сплетень, непремѣнно оставалась на ногахъ, не взирая ни на какія приглашенія сѣсть.

На первый же вопросъ—какой они секты, Васенцовъ, вытянувшись по-солдатски, коротко отрѣзалъ:

«Мы, в. в-діе, субботники! По іудейской, значитъ, части!» И Васенцовъ ожидалъ дальнѣйшихъ разспросовъ.

Въ разсужденіяхъ и доказательствахъ, относящихся до ихъ вѣроученія, всѣ субботники, какъ и прыгуны и молокане, вообще весьма слабы; никто изъ нихъ, не исключая большинства читальниковъ, сказателей, раввиновъ и проч. ничего толкомъ не знаетъ и объяснить не можетъ. Многіе приписываютъ это желанію утаить сущность ихъ вѣрованій и ученій, но это совсѣмъ невѣрно и если по большей части отъ нихъ нельзя добиться точныхъ и толковыхъ отвѣтовъ, то это происходитъ не столько отъ нежеланія или боязни отвѣчать, сколько отъ малыхъ познаній, недостатка свѣдѣній и неувѣренности.

«Мы держимся пяти книгъ Моисѣевыхъ да пророчествъ», отвѣчалъ на мой вопросъ Васенцовъ, считающійся знатокомъ своего дѣла.

«Хорошо, пяти книгъ да пророчествъ! Да откуда вы субботники-то взялись? Вотъ что ты мнѣ скажи! Вѣдь не для васъ же писаны пять книгъ Моисѣевыхъ и книги пророковъ! Вѣдь писаны они для израильтянъ! А вы-то откуда?! Вѣдь вы русскіе люди?»

«Это точно, — немедленно соглашается Васенцовъ, — что книги эти писаны для израильтянъ, а не для насъ... ну, а мы хоть и русскіе, да, значитъ, самовольные... пристали, значитъ, къ еврейскому закону... субботничать начали. Вотъ откуда мы. Ну а, значитъ, евреями мы не можемъ быть... потому собственно, какъ же мы теперь сдѣлаемся евреями, коли мы и читать-то поеврейски не умѣемъ?! Теперь, правда, пошла и у насъ эта самая нарѣчія... стали и у насъ по малости учиться читать поеврейски, — ну, да нельзя сразу... еще немногіе и дошли-то, а вотъ въ Привольномъ *), такъ тамъ у субботниковъ русскія-то наши книги почесть что совсѣмъ брошены... въ рѣдкомъ

*) Селеніе Бакинской губерніи.

домѣ не найдешь теперь еврейской библіи. Тамъ, значитъ, уже *настоящее* пошло».

«И понимаютъ въ Привольномъ эти еврейскія книги?»

«Все какъ слѣдоваетъ! Какъ же! Какъ не понимать?! Выучились и понимаютъ! Оно само собой разумѣется, не учимши въ жисть не поймешь, а то, ничего, разбираютъ. Какъ выучишься, такъ и поймешь. Сказываютъ, отъ одного солдата переняли... онъ у нихъ и за раввина былъ».

«А вы своихъ священниковъ или раввиновъ имѣете?»

«Никакъ нѣтъ! Священниковъ отрицаемъ, а рабины у насъ есть только, значитъ, неутвержденные... а такіе, выбранные».

«Значитъ, они выбраны обществомъ, или кѣмъ нибудь да выбраны».

«Никакъ нѣтъ! Выбирать ихъ никто не выбиралъ. Кто будетъ ихъ выбирать. А вотъ проявится у насъ хорошій грамотный, толковый человѣкъ,—читаетъ онъ или что сказываетъ намъ... ну, видимъ сами, что читаетъ хорошо и принимаемъ его за рабина, а такъ чтобы настоящихъ рабиновъ,—такъ этакихъ у насъ нѣтъ».

Такова несложная организація выбора у субботниковъ ихъ духовныхъ пастырей. Въ Еленовкѣ такихъ признаваемыхъ за рабиновъ оказалось двое, которые и отправляли всѣ мѣстныя требы: вѣнчали, хоронили и даже совершали тотъ обрядъ обрѣзанія, который мало-по-малу вводится у іудействующихъ.

Разъ попавши въ эту секту, субботники, какъ доказано опытомъ, уже твердо держатся своего ученія и случаи перехода изъ субботниковъ въ молокане и прыгуны хотя и бываютъ, но весьма рѣдко.

Многихъ влечетъ въ субботничество чрезвычайно быстрое обогащеніе послѣдователей этой секты,—хотя, въ то же время строго требуемое исполненіе обряда обрѣзанія многихъ удерживаетъ отъ этого перехода. Случаи перехода въ субботничество, съ совершеніемъ обрѣзанія, бываютъ теперь довольно часто.

Еще не такъ давно прибылъ въ Еленовку изъ внутренней Россіи одинъ старообрядецъ какого-то «пустынническаго», какъ онъ говорилъ, толка, и сначала поступилъ въ молокане, но потомъ перешелъ въ субботники и на сорокъ пятомъ году жизни совершилъ обрѣзаніе во всей точности. Послѣ того онъ пробылъ въ субботникахъ около трехъ лѣтъ и затѣмъ перешелъ въ прыгуны, на чемъ пока и остановился. Свою немаленькую семью этотъ искатель вѣры таскалъ за собою во всѣхъ своихъ религіозныхъ скитаніяхъ и кончилъ тѣмъ, что на пятидесятомъ году отъ роду, проживъ съ женою тридцать лѣтъ, прогналъ ее подъ тѣмъ предлогомъ, что она не захотѣла послѣдовать за нимъ въ прыгунство, а самъ избралъ себѣ молодую жену изъ прыгунокъ «съ духомъ».

Субботники никакихъ пѣсенъ кромѣ псалмовъ Давида, которые оказались у Васенцова въ трехъ экземплярахъ, не поютъ; поютъ же ихъ преимущественно въ собраніи и изрѣдка дома. Въ собраніяхъ читаютъ, на молоканскій манеръ, исключительно изъ пяти книгъ Моисѣевыхъ и точно также какъ у молоканъ и прыгуновъ, поютъ отдѣльныя фразы, ничѣмъ въ напѣвахъ своихъ не отличаясь отъ молоканъ. Поэзію великаго прыгунскаго учителя Максима Рудометкина субботники совсѣмъ не признаютъ и самого его считаютъ только великимъ мошенникомъ и обманщикомъ.

Надъ прыгунствомъ и прыгунами субботники вообще немилосердно насмѣхаются, — хотя не задѣваютъ ихъ ни во время моленья, ни при личныхъ спорахъ. Но за то на сторонѣ или въ бесѣдѣ между собою не щадятъ ихъ нисколько и нимало не вѣрятъ въ божественное происхожденіе ихъ прыжковъ и скачковъ.

«Самое это прыганье,—говорятъ субботники, — все это выдумки ихъ Максима. Надувалъ онъ ихъ, чисто надувалъ».

Однако по поводу появленія въ Еленовкѣ прыгунства, Васенцовъ, какъ и всѣ субботники, совсѣмъ не вѣрившіе въ при-

сутствіе духа въ прыгунахъ, все-таки недоумѣвали на счетъ всего того, что на ихъ глазахъ продѣлывалъ вышеописанный Уколъ или Вуколъ Любавинъ.

«Сами видѣли,—докладывалъ Васенцовъ,—какъ этотъ Укола цѣлыми часами стоялъ съ поднятыми кверху руками. И все что-то приговариваетъ, все что-то сказываетъ... чудно такъ!»

«Думали мы это, думали,—разсказывалъ другой еленовскій рабинъ, Іона Санинъ,—что это у нихъ за духъ такой?! Чудно это, право, что ни на кого-то онъ кромѣ нихъ не сходитъ!.. Вотъ хоть бы на кого изъ насъ субботниковъ, али хоть на кого изъ молоканъ бы сошелъ, а то на вотъ тебѣ... нѣтъ ничаво... Теперь хоть бы вотъ Емельянъ. Пріѣдетъ онъ въ Еленовку, да сейчасъ наровитъ пойти къ самому что ни на есть богатому, да денежному мужику... И начнетъ это онъ его застращивать... Все больше, значитъ, на счетъ нераскаянности... Ну, застращаетъ его,—тотъ взмолится, да мукой и откупается... На молъ, бери сколь хошь, помолись только за меня!»

«А то вѣдь что еще они дѣлаютъ-то!— разсказывалъ тотъ же Санинъ,—есть у насъ тутъ одинъ изъ ихныхъ прыгуновъ. Ужъ бѣдный, онъ, бѣдный такой бѣдный, что и трескать-то ему нечего... Исай Уткинъ прозывается... а ужъ какой пророкъ? Первый что ни на есть! Надысь этотъ самый Уткинъ да Емельянъ когда остался вдвоемъ, да еще Павелъ Кадулинъ, да еще жена его,—такъ тутъ и сойди на нихъ ихній духъ-то... Вертѣлись они, вертѣлись, толкались, толкались, ажъ глаза-то другъ другу совсѣмъ запорошили... а Павла-то взяли, положили въ коверъ, завернули, да и вынесли въ сѣни... Жену молъ твою будемъ исповѣдывать»... Ну и стали исповѣдывать...»

Молоканскій читальникъ въ селѣ Еленовкѣ, Корнѣй Филимоновъ, съ своей стороны также высказывалъ большія сомнѣнія на счетъ происхожденія прыганья.

«И возьметъ же на себя человѣкъ такое самство!—разсуждалъ Корнѣй. — И вѣдь тщится! И чего же тщится?! И та-

кую онъ тебѣ прецендалу сдѣлаетъ, такую святость произведетъ,— что на вотъ тебѣ! И отъ чего они это, значитъ, прыгаютъ!?»

«Вотъ прежде этого точно бывали пророки,—добавилъ Филимоновъ.—И даже царей обличали и говорили имъ: не ходи молъ туда, не дѣлай молъ того... И выходила правда, что ходить, ай дѣлать было не надоть... А нынѣшніе люди разѣ такіе, чтобы пророки являлись!»

III.

Семеновцы.

Также нисколько не унывали и сосѣди еленовцевъ – семеновцы, поселенные на высотѣ 6000 футовъ и не спускавшіе съ своихъ плечь полушубковъ даже въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Семеновцы жили ближе всѣхъ къ селу Никитино, родинѣ Рудометкина, и потому обнаружили сразу особенно большое тяготѣніе къ ученію никитинскаго пророка. На первыхъ же порахъ они на-половину перешли въ прыгунство. Позднѣе, въ эпоху наибольшаго религіознаго броженія въ средѣ сектантовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе цвѣтущую пору развитія прыгунства, семеновцы даже всѣ поголовно перешли къ духовному плясу и съ особенною ревностью готовились принять участіе въ наступленіи 1000-лѣтняго царствованія.

Въ прыгунское ученіе они ничего новаго не внесли и прославились только великимъ жертвоприношеніемъ, о которомъ разсказано выше (въ главѣ о прыгунскихъ жертвоприношеніяхъ), но рвеніе ихъ въ прыганьи и духодѣйствіи, въ ожиданіи наступленія тысячелѣтняго царствія, ознаменовалось однимъ событіемъ. Рвеніе это дошло до того, что въ маѣ 1854 года мѣстное полицейское начальство внезапно было потревожено курьезнымъ извѣстіемъ.

Проѣзжающіе по почтовому тракту отъ с. Делижана до д.

Чубухлы, находившейся въ восьми верстахъ отъ Семеновки, единогласно удостовѣряли, что обитатели селенія Семеновки вдругъ исчезли и деревня осталась безъ всякаго населенія. Проѣзжавшіе разсказывали, что при въѣздѣ въ Семеновку они были поражены полнѣйшимъ безлюдіемъ и явными признаками какой-то необычайной пустоты. Только тамъ и сямъ по дворамъ и задворкамъ уныло бродило нѣсколько десятковъ штукъ рогатаго скота, слышался вой и лай голодныхъ собакъ, да ревъ некормленной скотины, а людей не оказывалось рѣшительно ни души.

Встревоженная такимъ страннымъ извѣстіемъ полицейская власть тотчасъ отправилась на розыскъ обезлюдѣвшаго селенія, прихвативъ съ собою кстати человѣкъ двадцать казаковъ. По прибытіи на мѣсто, и власть и казачья команда рѣшительно недоумѣвали что случилось. Въ селеніи дѣйствительно не было ни одного человѣка, но въ домахъ все оставалось въ такомъ видѣ, какъ бы хозяева только что вышли и вотъ-вотъ сейчасъ вернутся. Все домашнее обзаведеніе оставалось нетронутымъ, но людей ни взрослыхъ, ни малолѣтнихъ рѣшительно не было. Разными путями однако узнали, что еще два дня назадъ семеновцы, забравъ своихъ женъ и дѣтей и покинувъ все свое достояніе на произволъ судьбы, пѣшкомъ съ торжественнымъ пѣніемъ потянулись къ сосѣдней горѣ, верстахъ въ трехъ отъ селенія. Узнали также, что съ тѣхъ поръ какъ ушли семеновцы, время отъ времени изъ-за горы долетаютъ какіе-то звуки, не то вопли и стоны, не то пѣсни, и что семеновцы, перваливъ за сосѣдній пригорокъ, скрылись изъ виду и съ тѣхъ поръ никто изъ нихъ въ деревню болѣе не показывался.

Сопровождаемая казаками власть была вынуждена тоже перевалить за указанный пригорокъ, но переваливъ, никого тамъ не нашла, кромѣ впрочемъ свѣжихъ слѣдовъ недавно прошедшей по всѣмъ вѣроятіямъ многочисленной толпы. По этимъ слѣдамъ пошла и казачья команда; она перевалила еще рядъ пригорковъ и наконецъ, все идя по оказавшимся слѣ-

дамъ, совершила восхожденіе на ту гору, по направленію къ которой потянулись семеновцы.

Гора была довольно крутая, слѣды по ней шли все выше и выше, но почти до самой вершины на ней не замѣчалось никакихъ признаковъ жизни, хотя по временамъ доносились какіе-то глухіе стоны, какъ будто сдержанныя рыданія, какъ будто бабій визгъ и плачъ.

И вдругъ открылось неожиданное зрѣлище. На почти круглой макушкѣ горы колыхались какъ волны совершенно однообразныя, бѣлыя, видимо живыя, существа и явственно слышились человѣческія рыданія, сопровождаемыя какими-то громкими причитаніями и завываніями.

Въ центрѣ вершины стоялъ человѣкъ, облеченный въ бѣлую мѣшкообразную рубаху, подпоясанную розовой ленточкой и распростерши руки, поднявъ глаза къ небу, изрѣдка какъ бы подпрыгивалъ. Вокругъ него, занимая все пространство верхушки и частью переходя на скаты горы, лежали облеченные въ такіе же мѣшкообразныя рубахи фигуры мужчинъ и женщинъ и повергшись на землю ничкомъ, не поднимая головы, что-то выкрикивали и время отъ времени вздрагивали.

Зрѣлище было до того неожиданно, что полицейскій чиновникъ и сопровождавшая его казачья команда стали было въ тупикъ, но вслѣдъ затѣмъ всѣ распростертые на землѣ быстро поднялись на ноги. Всѣ они были блѣдные и изнуренные, глаза у всѣхъ блуждали; бѣлыя мѣшкообразныя рубахи, доходившія до пятъ, были скомканы и испачканы и всѣ эти люди еле держались на ногахъ.

Оказалось, что третій уже день они ожидаютъ вознесенія на небо своего учителя и за все время ожиданія ѣли всего два раза. Потомъ дознали, что учитель, пригласивъ ихъ присутствовать при отхожденіи его на небо, привелъ ихъ на эту гору, но, по непредвидѣннымъ для него самого обстоятельствамъ, вознесенія на послѣдовало ни на первый, ни на второй день ожи-

данія; на третій же—вознесенію помѣшали прибывшіе казаки. Дознали также, что учитель, съ минуты на минуту откладывая моментъ поднятія на небо, требовалъ горячей молитвы отъ всѣхъ предстоящихъ и самъ простоялъ съ небольшими перерывами почти два дня на одномъ мѣстѣ, все простирая руки къ небу и все ожидая, что наконецъ настанетъ часъ вознесенія...

Отощавшихъ семеновцевъ еле дотащили до деревни...

Такія удивительныя вещи случались съ семеновцами въ первое время по возникновеніи прыгунства. Жертвы религіознаго броженія считались здѣсь уже не единицами, а цѣлыми десятками и подъ вліяніемъ глупыхъ бредней своего пророка чуть цѣлое селеніе не погибло отъ голодной смерти. Но впрочемъ это былъ единственный въ своемъ родѣ эпизодъ изъ описанной эпохи религіознаго броженія; вообще же у семеновцевъ, какъ и у другихъ сектантовъ, на первыхъ же порахъ оказались свои мученики и великомученики; какъ и вездѣ, эти мученики начали съ постовъ и сугубыхъ покаяній; какъ и вездѣ они избрали себѣ царей и царицъ и, не выходя изъ-подъ дѣйствія духа, все ожидали тысячелѣтняго царствованія и все бѣднѣли и бѣднѣли. Но затѣмъ они, какъ и всѣ прочіе послѣдователи прыгунства, угомонились, хотя и позже чѣмъ въ другихъ селеніяхъ, и въ послѣднее время они, какъ вообще прыгуны, только томятся сомнѣніями, что правильнѣе праздновать—субботу или воскресенье и слѣдуетъ ли имъ обрѣзываться или нѣтъ; во всемъ же прочемъ ихъ религіозная жизнь идетъ довольно безмятежно и гладко.

IV.

Сухофонтанскія распри.

Но если Семеновка почти успокоилась и осталась только при сомнѣніяхъ на счетъ субботы и обрѣзанія, то въ маленькомъ селеніи Сухомъ-Фонтанѣ, верстахъ въ 50 отъ Семеновки,

послѣ продолжительнаго религіознаго затишья, возникли вновь довольно азартныя препирательства, конечно изъ за *вѣры*.

Сухой-Фонтанъ, разумѣется, не имѣлъ никакого фонтана и безводье этой мѣстности составляло именно ея главную особенность. На сухофонтанской почтовой станціи, построенной въ двухъ верстахъ отъ селенія, приходилось по временамъ даже такъ плохо, что даже воду для почтовыхъ лошадей лѣтомъ возили бочками за восемь верстъ изъ родника въ армянской деревнѣ Алапарсъ; а зимой, когда дорога къ роднику становилась для бочекъ непроходимой, лошадей гоняли на водопой цѣлымъ табуномъ, оставляя тройку или двѣ на случай проѣзда. Наступала иногда даже и такая пора, что дорогу къ роднику окончательно заметало снѣжными сугробами, доступъ къ роднику прекращался совершенно и тогда почтовыхъ лошадей поили водой, получаемой отъ растопленнаго въ большихъ котлахъ снѣга и такіе котлы нарочно были даже заведены на станціи.

Съ юго-восточной стороны Сухой-Фонтанъ упирался въ гору Кетанъ-Дагъ или Плугъ-гора. Одни увѣряли, что гора носила такое названіе по сходству своему съ плугомъ, чего впрочемъ нельзя было замѣтить при самомъ пылкомъ воображеніи; другіе же утверждали, что такое названіе произошло оттого, что будто бы гора на всемъ своемъ пространствѣ, отъ подошвы до вершины, не взирая на свою высоту, была доступна для обработки плугомъ, хотя и это мало походило на истину, потому что въ дѣйствительности съ плугомъ не доходили не только до вершины, но и до полугоры.

Гора Кетанъ-Дагъ имѣла впрочемъ оригинальный видъ. Ровныя не особенно крутыя ея покатости поростали лѣтомъ такой сочной, такой пестрящей цвѣтами травой, что сухофонтанское сѣно считалось по справедливости лучшимъ изъ всѣхъ окрестныхъ и сухофонтанцамъ пришлось изъ-за него выдержать не одну свалку съ кочующими татарами, которые не могли

устоять противъ соблазна хоть изрѣдка прогнать свой скотъ по краешку сухофонтанской горы.

Снизу казалось, что вершина горы, какъ нельзя болѣе удобно приспособлена для какого-нибудь шатра или жилья. Вершина эта въ видѣ ровной площадки была точно срѣзана и утрамбована какъ будто для возведенія какой-нибудь постройки. Сухофонтанцы очень дорожили зелеными скатами Кетанъ-Дага и горевали только, что у нихъ было очень мало воды. Но со временемъ, приспособившись къ мѣстности, они нашли способъ отчасти помочь этому горю и стали пользоваться тающимъ на горѣ и ея скатахъ снѣгомъ, собирая весною многочисленные ручьи, бѣжавшіе съ горъ, въ огромный, собственными же средствами устроенный у самой подошвы горы, резервуаръ, причемъ успѣвали набирать столько воды, что ея хватало до половины іюня мѣсяца, и затѣмъ расходовали эту воду очень бережливо и не иначе какъ подъ контролемъ стариковъ.

Самая деревня Сухой-Фонтанъ, появившаяся на свѣтъ въ качествѣ плода офиціальныхъ соображеній, была оригинальный поселокъ, на большомъ закавказскомъ транзитномъ пути, обитаемый неспокойными, вѣчно возбужденными, всегда отыскивающими «истинную вѣру» сектаторами. Въ пятнадцати хатахъ этой деревушки было по крайней мѣрѣ пять различныхъ толковъ. Былъ одинъ настоящій великороссійскій раскольникъ старообрядецъ; четыре молоканскихъ семейства неустанно препирались съ четыремя прыгунскими; одно «жидовствующее» семейство сохраняло полную самостоятельность въ воззрѣніяхъ на правоту своей вѣры и не теряло надежды убѣдить всѣхъ прочихъ въ несравненно большей основательности празднованія субботы, чѣмъ воскресенья и, наконецъ, два семейства секты «общихъ» выражали собою разрушительныя начала закавказскаго коммунизма и, проживая подъ одной кровлей на началахъ общей собственности, возбуждали негодованіе своихъ односельцевъ и сверхъ того долго привлекали вниманіе полиціи,

пока коммуна эта окончательно не распалась и одинъ членъ ея не перешелъ въ прыгунство, а другой, поупорствовавъ недолгое время, примкнулъ къ жидовствующему семейству и сталъ справлять субботу вмѣсто воскресенья.

По свободности своихъ религіозныхъ воззрѣній сухофонтанцы были сущіе американцы. Они находились въ состояніи непрерывнаго спора и всѣ свои досуги употребляли исключительно на розысканіе въ св. Писаніи подходящихъ для разбитія своихъ религіозныхъ противниковъ мѣстъ и текстовъ.

Религіозныя пренія сухофонтанцевъ происходили больше на открытомъ воздухѣ, ибо противники гнушались посѣщеніемъ хатъ всякаго «иновѣрца» и «лжехристіанина» и въ крайнемъ случаѣ, если уже встрѣчалась надобность переговорить съ такимъ иновѣрцемъ или лжехристіаниномъ, то онъ вызывался для этого изъ хаты и каждый старался не оскверняться прикосновеніемъ къ порогу послѣдователя «неправой вѣры».

Сначала молоканское «собраніе» превосходило другія, особенно единоличное сборище семьи «жидовствующаго» и въ количественномъ и голосовомъ отношеніяхъ. Потомъ взяло перевѣсъ собраніе прыгунское, гдѣ завелись не только красивыя, но и замѣчательно голосистыя царицы и гдѣ конечно не обошлось безъ слѣпого поклоненія ученію Максима Рудометкина.

Вообще сухофонтанцы были народъ рѣшительный и привычный ко всякимъ передрягамъ. Лѣтомъ они отбивались отъ окрестныхъ татаръ, не упускавшихъ случаевъ попользоваться сухофонтанскими пастбищами и вели съ ними формальную войну; зимой они занимались извозомъ, держали постоялые дворы, спорили о вѣрѣ и, сверхъ того, съ большою для себя выгодою ходили выручать завязнувшіе въ снѣжныхъ сугробахъ фургоны на такъ называемой Длинной или Мягкой горѣ, которая отстояла отъ Сухого-Фонтана на семь верстъ и представляла длиннѣйшій и весьма головоломный спускъ въ низменную часть Эриванской губерніи.

Сухофонтанцы геройски переносили безводье, взбирались съ своими плугами почти до половины Кетанъ-Дага, не задумываясь бросались съ оружіемъ на татаръ-потравщиковъ и по четыре мѣсяца сряду переносили суровую зиму, укрывшись въ своихъ жилищахъ, которыя съ самаго начала поселенія ихъ тамъ одновременно служили и молельнями и блокгаузами.

Населеніе Сухого-Фонтана было самое разнообразное. Тутъ были и тамбовскіе и каменецъ-подольскіе выходцы. Была личность, несомнѣнно побывавшая во фронтѣ, но тщательно это скрывавшая и, не смотря ни на какую давность, трепетавшая открытія своего званія и происхожденія. Здѣсь были всякіе типы; можно было въ лицѣ кандидата въ старшины—Полѣнина, увидѣть плутоватаго типичнаго русскаго дворника; были тамъ дядя Миняй и дядя Митяй; былъ одинъ, столь сладкогласный, съ козлиной бородкой и цвѣтнымъ на шеѣ шарфомъ, субъектъ, что при видѣ его нельзя было мысленно не перенестись въ глубь Россіи въ міръ «приказчиковъ», «молодцовъ» и т. п.

Вообще же все это былъ подлинный русскій народъ, смѣтливый, бойкій, плутоватый, научившійся по-армянски и по-татарски и относившійся къ армянину и татарину съ сознаніемъ собственнаго превосходства, т.-е. по-просту съ совершеннымъ пренебреженіемъ.

«Воры они всѣ, эти самые армяне и татары, — докладывалъ обыкновенно старшина всякому проѣзжему чиновнику,— никакого съ ними дѣла не заведешь и не сладишь! Какъ есть всѣ воры! Ты, значитъ, съ нимъ хочешь по дружеству, а онъ подъ тебя ишь вонъ какую цѣль держитъ!»

И старшина разсказывалъ, какъ татаринъ, покупая лошадь, наровитъ будто-бы для пробы, сѣсть на нее да ускакать, не заплативъ разумѣется денегъ, или какъ духанщикъ-армянинъ наровитъ или обсчитать на полкопѣйки или обвѣсить хоть на самую малость.

Всѣ сухофонтанцы впрочемъ вмѣстѣ съ старшиной подтверждали, что ни съ татариномъ, ни съ армяниномъ дѣйствительно ничего нельзя сдѣлать *по дружеству,* хотя были и такіе, которые больше всего винили въ этихъ дурныхъ отношеніяхъ съ туземцами самого старшину, но въ то же время не отрицали и того, что съ туземцами ладить трудно.

«Кляузникъ онъ и пустяшникъ, — отзывался о старшинѣ кандидатъ его Полѣнинъ, препиравшійся съ нимъ не только за вѣру, но и за власть,—противности въ немъ много, потому и татары съ нимъ ни какъ съ нами... а что воры они, такъ это такъ точно, настоящіе воры».

Довольно распространенное и вообще совершенно правильное мнѣніе относительно миролюбія сектантовъ оказывалось не совсѣмъ вѣрнымъ по отношенію къ сухофонтанцамъ. Было оффиціально извѣстно, что ихъ религіозныя распри не разъ уже оканчивались довольно бурными сценами. Правда, что кровопролитія при этомъ не было и вообще не бываетъ, за кинжалы не хватаются, такъ какъ ихъ вообще не держатъ и не имѣютъ; при дракахъ вообще не рѣжутся и не выпускаютъ другъ другу внутренностей, какъ это бываетъ у татаръ, но за то, правда весьма рѣдко, прибѣгаютъ къ палкамъ, желѣзнымъ шворнямъ, лопатамъ и т. п., а то и безъ шворней и лопатъ, если пустятъ въ ходъ одни кулаки, то и безъ кинжаловъ пролежитъ дня два-три безъ памяти, да два-три мѣсяца будетъ «жалиться» на ломъ во всѣхъ костяхъ.

Во внутреннихъ своихъ распряхъ однако сектанты стараются совершенно обойтись безъ вмѣшательства властей и не доводя до начальства часто даже очень крупныхъ происшествій, случающихся между ними, обыкновенно успѣвали покончить все у себя дома мирнымъ путемъ. Домашнія напр. дрязги всѣ безъ исключенія кончаются дома и нужно что-нибудь необыкновенное, чтобы поссорившіеся пошли въ судъ. Но къ числу такихъ необыкновенныхъ поводовъ чтобы судиться, относится

напр. такое оскорбленіе, какъ обозвать: чортомъ, дьяволомъ и т. п. Сектанты, не допускающіе никакихъ ругательствъ, боятся особенно этихъ «черныхъ словъ» и не останавливаются въ такихъ случаяхъ даже передъ жалобой мировому.

Такой случай именно вышелъ разъ въ Сухомъ-Фонтанѣ. Поссорились двѣ бабы, молоканка и прыгунка, и какъ ни домогались такъ называемые старики употребить все свое вліяніе, чтобы не допустить до оглашенія «свою домашнюю дѣлу», но не успѣли въ этомъ.

Утромъ почти одновременно пришли къ мировому двѣ бабы и тутъ же приступили къ взаимнымъ попрекамъ, усовѣщивая другъ друга сознаться въ своей винѣ. Обѣ считали себя обиженными и обѣ со слезами на глазахъ объясняли, чѣмъ именно они обижены.

«Вѣдь обозвала же ты меня колдуньей, — говорила Пелагея Королева, обращаясь къ своей противницѣ, — вѣдь сказала же ты что я этому... самому... «черному», вишь, сестрица... вѣдь разѣ это такъ-то можно, разѣ есть тебѣ такой законъ, чтобы меня такъ обзывать! Ваше высокородіе, пусть ваша милость насъ разсудитъ», закончила Королева, обратясь къ судьѣ, и кончикомъ передника стала тереть сухія глаза.

«Хорошо-то хорошо ты вотъ сказываешь ихъ высокоблагородію, —отозвалась противница Королевой Авдотья Полѣнина, —что и говорить, какъ хорошо, очення даже складно... А вотъ ты теперича скажи-ка ихъ высокоблагородію, какъ ты говорила что я держу «потайные гроба!» Ты вотъ это-то скажи-ка, а то что, вишь ты, назвала я ее колдуньей! Ты вотъ дай отвѣтъ ихъ высокоблагородію, какіе эвто ты сознаешь за мной потайные гроба!»

И Авдотья Полѣнина также концомъ передника стала вытирать совсѣмъ сухія глаза.

Тутъ появились мужья обиженныхъ и стали было убѣждать кончить дѣло.

«Слышь ты! — говорилъ Кирѣй Полѣнинъ своей женѣ, — слышь-ка!..»

Но Авдотья оттолкнула руку мужа и, обратясь въ полуоборотъ къ своей противницѣ, продолжала высчитывать всѣ свои огорченія и обиды.

«Слышь ты! — говорилъ въ свою очередь Ефимъ Королевъ, притрогиваясь къ правому плечу своей расходившейся супруги,—слышь-ка! слы-ы-ышь!»

Но Пелагея Королева также отдернула свое плечо и также, обратясь въ полуоборотъ къ своей противницѣ, старалась ее перекричать и высчитывала свои обиды.

«Слышьте-ка, слышьте!..» попытались еще разъ Кирѣй и Ефимъ и еще разъ притронулись къ плечамъ своихъ супругъ, но обѣ отдернули плечи еще рѣшительнѣе, и оба супруга почти единовременно пожали плечами и вмѣстѣ произнесли:

«Вотъ дуры-то! Ужъ правда, что дуры и есть!»

Послѣ того отвернувшись оба отошли въ толпу.

Подъ «потайными гробами» оказалось слѣдуетъ понимать такое иносказаніе, которое было обидно для чести и цѣломудрія Авдотьи Полѣниной. Выяснилось, что если незамужняя или даже замужняя женщина родитъ ребенка, да изъ стыда или по какимъ другимъ причинамъ задушитъ его, то это и значитъ имѣть «потайной гробъ».

Другими словами выходило, что Пелагея Королева упрекала Авдотью Полѣнину въ прелюбодѣяніи, хотя присутствовавшій при этомъ супругъ не очень скорбѣлъ о своей поруганной семейной чести и больше хлопоталъ не доводить дѣло до суда.

Послѣ долгихъ попрековъ и объясненій, поссорившихся бабъ свели на миръ ихъ же собственные мужья. Авдотья однако согласилась на миръ не иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы Пелагея высказала свое извиненіе непремѣнно въ такой формѣ: «прости меня, Авдотья Леонтьевна, что я тебя напрасно оклеветала

предъ Богомъ и предъ людьми, въ чемъ я и раскаиваюсь». Послѣ этого бабы торжественно поцѣловались и дѣло было кончено.

Взаимныя отношенія сухофонтанскихъ прыгуновъ и молоканъ въ послѣднее время однако нѣсколько обострились, благодаря тому, что на сторону прыгуновъ перешло еще одно, счетомъ пятое, семейство, чѣмъ самолюбіе молоканъ было сильно задѣто.

«Осилили они насъ, — говорилъ молоканскій «молитвенникъ»,—осилили прыгунишки... все у нихъ этотъ Молчановъ, попъ что-ли, по вашему, заправляетъ».

«Ничего, дай срокъ... поправимся и мы!»

«Виданное-ли дѣло, какъ у нихъ эта самая пляска... отъ духа сказываютъ...»

«Невѣрное это понятіе... Развѣ Богъ да станетъ прыгать!..»

И «молитвенникъ» задумался, какъ-бы разсуждая, вѣрная или невѣрная это понятія, что Богъ будто прыгаетъ».

Другой сухофонтанскій молоканинъ, по имени Солофей, высказался по этому случаю еще рѣзче. Этотъ Солофей, старикъ лѣтъ шестидесяти, неизмѣнно со дня высылки на Кавказъ слѣдуетъ молоканскому ученію. Одинъ изъ немногихъ, онъ удержался отъ увлеченія толками жидовствующихъ и прыгуновъ. По собственнымъ его словамъ, «замолоканивъ» на двадцатомъ году отъ роду еще въ Тамбовской губерніи, когда занимался коробейнымъ промысломъ, онъ надѣется съ тѣмъ и умереть.

Прыгунскихъ ученій и вѣрованій Солофей никогда не одобрялъ и не одобряетъ, потому что пляска прыгунская, по его мнѣнію, приличествуетъ не собранію духовныхъ христіанъ, а духану и кабаку.

Сынъ этого Солофея перешелъ однако въ прыгуны и мнѣнія своего отца на-счетъ того, гдѣ сидитъ Богъ, видимо не раздѣляетъ, почему между отцомъ и сыномъ вышло совершенное отчужденіе.

Солофей переноситъ это какъ наказаніе, ниспосланное ему Богомъ, но кромѣ этого у него есть еще и другое огорченіе. Ему уже шестьдесятъ лѣтъ отъ роду и онъ все еще не можетъ примириться съ офиціально за нимъ утвердившимся именемъ Солофея. Ни въ какихъ святцахъ такого имени по справкамъ не нашлось, а онъ между тѣмъ вездѣ считается Солофеемъ. Самъ онъ хорошо знаетъ, что рожденный въ православіи онъ былъ нареченъ при крещеніи именемъ Философа, но мать его, не совладавъ съ трудностями произношенія такого имени, передѣлала его въ Солофея и такая, по увѣренію Солофея, *не складная прозвища* такъ за нимъ навсегда и осталась, не смотря на всѣ хлопоты и старанія возстановить свое настоящее имя.

Кромѣ семейнаго раздора Солофея съ сыномъ, перешедшаго уже въ хроническое состояніе, въ Сухомъ-Фонтанѣ произошла еще другая гораздо болѣе жестокая семейно-религіозная распря.

Отецъ и сынъ, Петръ и Вавило Уваловы, жившіе много лѣтъ въ совершенномъ согласіи, вдругъ разсорились, и разсорились до ожесточенія, до ненависти, до безумія. Все произошло изъ-за вѣры. Вавило Уваровъ, долго исповѣдуя молоканство, вдругъ превратился въ яраго прыгуна и зачастилъ въ прыгунское собраніе, гдѣ разумѣется, какъ всякій прозелитъ, былъ принятъ съ распростертыми объятіями. Вавило былъ уже въ такомъ возрастѣ, что сдѣлалъ это совершенно сознательно и молоканамъ было менѣе всего основанія утверждать, что Вавило увлекся, какъ случалось это съ какими нибудь мальчишками.

Петръ Уваровъ разсвирѣпѣлъ и первымъ долгомъ выгналъ сына изъ дому. Вавило, не смущаясь, выстроилъ крохотную избенку въ самомъ концѣ деревни и зажилъ тамъ собственнымъ хозяйствомъ. Петръ прекратилъ всякія сношенія съ сыномъ. Онъ считалъ для себя великимъ срамомъ бывать у него въ домѣ, говорить съ нимъ, прикасаться къ нему, особенно же дѣлить съ нимъ трапезу. Въ самое короткое время семейная

борьба разгорѣлась до послѣднихъ предѣловъ. Однако потребность высказаться, убѣдить, возвратить отступника на истинный путь не унималась въ Петрѣ Уваровѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ Вавилѣ росла все бо́льшая и бо́льшая увѣренность въ правотѣ своей новой вѣры. И чище, и выше, и святѣй казалось ему вновь принятое ученіе. Онъ скоро такъ въ него втянулся, сдѣлался такимъ ярымъ его поборникомъ, что готовъ былъ воспріять изъ-за него не только отцовскіе побои, но даже мученическій вѣнецъ и смерть.

Дѣло подъ конецъ дошло до невѣроятнаго ожесточенія. Отецъ съ сыномъ не могли встрѣчаться, не пославъ другъ другу плевка, не могли говорить другъ о другѣ безъ ярости. Встрѣчался Вавило Петру и послѣдній круто поворачивалъ назадъ, попадался Петръ Вавилѣ и сынъ переходилъ на другую сторону улицы или отворачивался и ждалъ пока отецъ пройдетъ.

Борьба отца съ сыномъ въ такой деревушкѣ, гдѣ насчитывалось всего пятнадцать домовъ, не могла не завлечь и прочихъ членовъ этой маленькой общины. Деревня подѣлилась на два враждующіе стана. Только одно семейство субботниковъ не приняло участія въ деревенской распрѣ и спокойно смотрѣло на гвалтъ и шумъ, поднятый спорящими.

Потребность спорить и убѣждать росла съ обѣихъ сторонъ по мѣрѣ того, какъ распря разгоралась. Но не желая оскверняться взаимнымъ посѣщеніемъ жилищъ своихъ противниковъ, спорящіе придумали устраивать религіозныя препирательства подъ открытымъ небомъ. Выбрана была нейтральная полоса, какъ разъ посрединѣ деревни, между двумя домами, изъ которыхъ одинъ принадлежалъ прыгуну, а другой молоканину. На эти споры обыкновенно являлись обѣ стороны въ полномъ комплектѣ и притомъ въ такомъ настроеніи, что были всегда готовы поддержать свои доводы кулаками.

Только внушительныя настоянія стариковъ останавливали спорящихъ на пути благоразумія. Особенно Петръ Уваровъ

горѣлъ пламеннымъ желаніемъ вздуть своего отступника-сына, и не приводилъ этого въ исполненіе только потому, что старики не допустили бы до этого, да и самъ Вавило серьезнымъ образомъ могъ дать отпоръ.

Какъ-то разъ въ лѣтній, безоблачный, умѣренно прохладный день, именно въ воскресенье послѣ обѣдни, собрались противники на обыкновенномъ мѣстѣ для бесѣды. Предполагалось новое состязаніе о вѣрѣ. Прыгунъ Петръ Холоповъ брался наиубѣдительнѣйшимъ образомъ доказать, что всѣ молокане вообще и въ частности Петръ Уваровъ окончательно ошибаются, считая *свой сехтъ* правильнымъ. Молоканинъ Акимъ Верзилинъ съ своей стороны принялъ на себя обязанность опровергнуть всѣ доводы Холопова и, разбивъ его на голову, убѣдить всѣхъ въ преимущественной святости и истинности молоканства.

Обѣ стороны собрались, почти что разомъ, и въ совершенномъ молчаніи ожидали начала диспута. Петръ Холоповъ не замедлилъ открыть военныя дѣйствія. Онъ прямо заявилъ, что то мѣсто «обряда духовныхъ христіанъ», гдѣ говорится о *сектѣ*, относится именно до прыгуновъ, а не до молоканъ.

«Тамъ написано, — объяснялъ Холоповъ, — что нашъ сехтъ состоитъ въ подтвержденіе сонму людей, что блудъ, прелюбодѣйство, пьянство, убійство, грабежи мы ниспровергаемъ»... «И точно, что нѣтъ у насъ ничего этого,—говорилъ Холоповъ съ полнымъ убѣжденіемъ,—нѣтъ у насъ ни блуда, ни прелюбодѣйства, ни пьянства, не то, что вотъ у васъ, молоканъ», кончалъ Холоповъ укоризненно.

Противная сторона возстала, какъ одинъ человѣкъ, съ протестомъ противъ такого обвиненія.

«А у насъ кто же блудитъ, аль пьянствуетъ?—разомъ спросили нѣсколько человѣкъ.—Скажи, коли знаешь?»

«А вонъ въ Еленовкѣ,—скажете, небось, не пьянствуютъ,

а въ Ахтахъ не прелюбодѣйствуютъ! Мало-ли гдѣ еще!..», началъ объяснять Холоповъ, но его прервали.

«Экъ тебя понесло куды! Въ Ахты, да въ Еленовку... Ты бы еще, что получше прибралъ, нѣтъ-ли гдѣ еще? А ваши константиновскіе не прелюбодѣйствуютъ, а александровцы не блудятъ, а въ Семеновкѣ..»

«Экъ зарядилъ: прелюбодѣйствуютъ!..— прервалъ въ свою очередь Холоповъ,—а ты вотъ покажи-ка, гдѣ вотъ наши пьянствуютъ, вотъ какъ напримѣръ ваши въ Ахтахъ, да въ Еленовкѣ?!»

«Да что ты съ Ахтами, да Еленовкой! Что намъ до нихъ!»

«А всѣ ваши же вѣдь... тѣ же молокане, тѣ же невѣрные».

«Подожди еще! Невѣрные! Вы, что-ли, вѣрные то?!»

«Разумѣется, мы! Въ книгахъ такъ оно и сказано: вотъ, молъ, члены Сіона первое мѣсто займутъ, а члены Ерусалима уже опосля .. и подождать еще вамъ-то придется, и попросить и помолиться, и покаяться. Да что! Коли и покаетесь, то такъ тамъ еще посмотрятъ, какъ съ вами быть-то, можетъ простятъ, а можетъ и не скоро!..»

И Холоповъ, ссылаясь на «Душевное Зеркало», сталъ доказывать разницу между членами Сіона, т.-е. прыгунами и членами Іерусалима, т.-е. всѣми прочими, не исповѣдующими прыгунскую вѣру. Выходило такъ, что на этотъ счетъ въ «Душевномъ Зеркалѣ» имѣются нѣсколько отдѣльныхъ главъ.

Въ одной изъ этихъ главъ приводится свидѣтельство св. Писанія, на счетъ того, что настанетъ время, когда придетъ раздѣленіе рабовъ божіихъ *на два званія*: *первое* — люди святые въ Сіонѣ веселятся, *второе* — Іерусалимъ плачемъ восплачется...

«Вѣдь вонъ за сколько годовъ-то,—обращался Холоповъ къ своимъ противникамъ:—всемогущій Господь возвѣстилъ о раздѣленіи своихъ рабовъ, которая раздѣленія, какъ видимъ, нынѣ

уже началась. Такъ оно все и есть, какъ сказано въ Писаніи... Въ Душевномъ-то Зеркалѣ какъ теперь говорится на счетъ молоканъ? Какъ? а вонъ какъ!.. Живутъ-де они степенно и видъ имѣютъ благочестія, но, вишь ты, всемѣрно тщатся своими силами пріобрѣсть спасеніе, а на Бога во всѣхъ случаяхъ положиться опасаются... Да не только еще это... а еще такъ сказано, что, молъ, духа святаго, многоразлично дѣйствующаго членами Сіона, не понимаютъ, но болѣе все укоряютъ, ругаютъ и смѣются и говорятъ, ничего, молъ, нѣтъ...»

Холоповъ однако увѣрялъ, что изъ всѣхъ попытокъ молоканъ обойтись безъ содѣйствія членовъ Сіона, ровно ничего не выйдетъ, что напрасно они хлопочутъ «вступить на собственную степень» и что за все за это на нихъ обрушатся разныя бѣды «дабы они винность свою восчувствовали» и наконецъ винность эту они дѣйствительно восчувствуютъ,—тогда произойдетъ плачъ».

Этотъ «плачъ», какъ доказывалъ Холоповъ, изображенъ въ «Душевномъ Зеркалѣ» яркими красками.

«Изъ глубины сердца,—читалъ Холоповъ изъ «Душевнаго Зеркала»,—съ печалью неограниченною, съ обильными горячими слезами и съ поверженіемъ на землю, скажутъ члены Іерусалима членамъ Сіона: истинно и вѣрно! Мы, молъ, теперь видимъ, что дѣйствовалъ вами св. духъ, а мы, молъ, только ожесточались и славу худую про васъ пущали... Попросите, молъ, за насъ Бога, чтобы онъ умилосердствовался надъ нами, достойными вѣчнаго осужденія и муки... Пролейте, молъ, свои духовныя слезныя капли... Залейте, молъ, вашимъ моленіемъ пылающій огненный пламень, пріуготованный намъ за нашу хулу и досаду Богу и вамъ!»

«Вотъ такъ оно и будетъ!» прибавилъ Холоповъ.

Но Верзилинъ, представитель молоканства, никакъ не соглашался признать такую роль за прыгунами.

«Не много-ли будетъ? Не придется-ли еще вамъ-то по-

просить у насъ прощенія!? Не вы-ли напередъ-то насъ заплачете? Повиниться мы не прочь, коли ежели въ чемъ виноваты, да виниться-то не въ чемъ... вины своей не знаемъ!»

Такими вопросами отозвался Верзилинъ на рѣчь Холопова.

«Не знаете?!.. такъ вотъ узнаете,—отвѣчалъ Холоповъ.—Охъ, придете... право, придете... Не миновать вамъ придти, не потому, чтобы мы, значитъ, напустили на себя эту самость... а потому, что Господу угодно... Онъ призналъ насъ достойными... Чрезъ насъ исполнитесь духа свята и небесной радости... Воспылаютъ, сказано въ «Душевномъ Зеркалѣ» сердца ихъ, т.-е. членовъ Іерусалима, неограниченною и покорною любовью къ членамъ Сіона и они всемѣрно будутъ награждать ихъ своими первѣйшими дарами и достатками, дабы сподобиться ихъ любви... Самъ Господь сказалъ: «Блаженъ тотъ, кто имѣетъ племя въ Сіонѣ. И не токмо, что вы, да и всѣ прочіе мучители; даже и цари земные услышатъ блистаніе Бога силы и не отверзутъ устъ своихъ противъ воли Всемогущаго, ибо Господь за сколько времени опредѣлилъ смириться вамъ предъ нами. И безпремѣнно смиритесь!» закончилъ Холоповъ.

Молокане впрочемъ нисколько не убѣдились доводами Холопова, которые, къ слову сказать, имъ были давно извѣстны и повторялись не разъ и прежде.

И прежде не разъ сухофонтанцы сходились на подобные же диспуты, но пошатнуть другъ въ другѣ вѣру въ свое первенство предъ Богомъ не могли. Безъ всякихъ результатовъ кончались обыкновенно всѣ такія бесѣды и на этотъ разъ состязаніе Холопова и Верзилина также прошло безслѣдно. Обѣ стороны разошлись по домамъ нисколько не поколебавшись въ своихъ воззрѣніяхъ.

Впослѣдствіи впрочемъ и въ Сухомъ-Фонтанѣ всякія религіозныя препирательства были прекращены. Уваровы также окончательно разошлись, какъ разошелся Солофей съ сыномъ и съ наступленіемъ затишья въ мѣстномъ сектаторствѣ уже давно не появлялось новыхъ жертвъ религіознаго броженія.

Кромѣ описанныхъ селеній есть еще въ Эриванской губерніи нѣсколько другихъ, въ которыхъ также найдутся послѣдователи прыгунскаго, молоканскаго и субботинскаго толковъ, но ничего новаго или оригинальнаго въ этихъ селеніяхъ нѣтъ и что касается собственно прыгунскихъ общинъ, то они держатся указаній, идущихъ изъ центра прыгуновъ—Константиновки, Ахтовъ, Никитина и пр.

Есть, напримѣръ, бѣдное, разбросавшееся въ сторонѣ отъ почтовой дороги, селеніе Николаевка, жители котораго, поглощенные всецѣло хозяйственными нуждами и заботами, были совсѣмъ незамѣтны въ періодъ религіознаго броженія въ Закавказьѣ.

Есть еще самаго недавняго происхожденія село Кармалиновка, появившееся всего лѣтъ двѣнадцать назадъ и заброшенное въ одномъ изъ глухихъ ущельевъ, примыкающихъ къ Персіи.

Кармалиновцы—обитатели Кармалиновки, переселились туда изъ разныхъ деревень. Туда пошли и недовольные вѣрой и недовольные обществомъ и недовольные количествомъ земли и, наконецъ, туда пошли всѣ тѣ, которые, по свойственной всѣмъ сектаторамъ страсти къ переселенію, наживѣ и обогащенію, никогда не прочь попытать счастья и поискать лучшихъ мѣстъ.

Кармалиновка прежде называлась Биченагъ. Бывшая штабъ-квартира линейнаго баталіона, Биченагъ имѣла видъ общій всѣмъ штабъ-квартирамъ. Въ ней, какъ обыкновенно, тянулся рядъ казенныхъ однообразныхъ построекъ, а затѣмъ шелъ еще другой рядъ домовъ отставныхъ нижнихъ чиновъ, столь же однообразныхъ и казенныхъ; далѣе въ сторонкѣ была вы-

строена казенная церковь, недалеко отъ нея стоялъ казенный костелъ и, однимъ словомъ, все было по извѣстному образцу. Но климатъ въ Бичenагѣ былъ удивительный. Прохладное ущелье съ лѣсистыми скатами, обильными ручьями и густою зеленью производили такое дѣйствіе на организмъ, что у каждаго, кто туда попадалъ, и сонъ и аппетитъ если не утраивался, то удваивался.

На окружающихъ горахъ были замѣчательные минеральные родники, были также залежи сѣры и торфа.

Кругомъ разстилались такія тучныя пастбища, что даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ тучныхъ пастбищъ много, они поражали и изумляли. Вообще, это было благодатное мѣстечко, гдѣ лѣтомъ не только можно было спастись отъ зноя города, но и познать всю прелесть и роскошь закавказской природы.

Сюда-то стеклись сектанты изъ разныхъ закавказскихъ деревень и, устроившись на новосельи, благословляли свою судьбу. Первое время не обошлось впрочемъ безъ раздоровъ съ окрестными татарами, успѣвшими до прибытія сектантовъ захватить пастбища и земли, оставленныя вышедшимъ изъ штабъ-квартиры баталіономъ. Переписка о переселеніи сектантовъ шла почти полгода и въ это-то время окрестные татары завладѣли пастбищами. Полгода ожидали разрѣшенія переселиться, да полгода затѣмъ собирались въ путь, такъ какъ еще заранѣе было рѣшено добраться до новыхъ мѣстъ всѣмъ разомъ. Нѣсколько разъ назначались дни выступленія въ путь и указывались сборные пункты и нѣсколько разъ дни отъѣзда отмѣнялись.

Заявившій въ числѣ другихъ желаніе переселиться, константиновецъ Гаврило Валовъ, бывшій царь, а затѣмъ всѣми признаваемый прыгунскій пророкъ, взялся предводительствовать переселенцами. Валовъ былъ изъ числа осѣненныхъ духомъ и потому совершить переселеніе обыкновеннымъ манеромъ считалъ неудобнымъ.

Онъ ожидалъ отъ духа указанія дня и часа выступленія.

Отъ духа онъ ожидалъ и другихъ распоряженій на счетъ порядка слѣдованія. Поговаривали даже о томъ, что должна появиться *путеводная звѣзда,* которая и укажетъ переселенцамъ путь до самого Биченага.

За мѣсяцъ до отъѣзда Валовъ усиленно прыгалъ. Уже два раза былъ отложенъ день выхода въ путь, потому что выбранный день былъ, какъ увѣрялъ Валовъ, не угоденъ Богу; на третій разъ, наконецъ, тронулись. Валовъ просто неистовствовалъ: прыганье у него смѣнялось катаньемъ по землѣ и изреченіями на непонятныхъ языкахъ; за изреченіями шелъ опять духовный плясъ, и т. д.

Кромѣ мелкихъ ребятишекъ, оставшихся при повозкахъ, всѣ отъѣзжающіе приняли участіе въ великомъ прыганьи, состоявшемся за три версты отъ селенія Константиновки. Расплясавшійся Валовъ лишился чувствъ и силъ и палъ, точно мертвый; за нимъ попадали другіе; поѣздъ пріостановился и, спустя лишь нѣсколько часовъ, когда Валовъ и другіе очувствовались и пришли въ себя, слѣдованіе продолжалось далѣе, но на первый день было сдѣлано всего шесть верстъ.

Послѣ долгаго путешествія новоселенцы прибыли въ Кармалиновку и, устроившись по хозяйству, а главное, окончательно одолѣвъ сосѣднихъ татаръ и показавъ имъ, что они съумѣютъ постоять за себя, кармалиновцы устроили прыгунское и молоканское собраніе и перенесли на новыя мѣста всецѣло свое ученіе, а также и взаимныя, потерявшія свой бурный характеръ, препирательства объ истинной вѣрѣ.

По разнымъ закавказскимъ городамъ, въ Александрополѣ, Эривани, Баку, Новобаязетѣ, Елисаветполѣ, Шемахѣ и др. давно уже проживали и теперь проживаютъ субботники, молокане и прыгуны. Всѣ они безъ исключенія приписаны къ раз-

нымъ деревнямъ, но устроились въ городахъ и сдѣлались тамъ постоянными жителями.

Проживаютъ эти сектанты въ городахъ большею частью только зимой, занимаются тамъ извозничествомъ или какимъ-либо ремесломъ (печники, колесники); на лѣто же почти всѣ расходятся по своимъ деревнямъ, гдѣ помогаютъ въ полевыхъ работахъ и, сдѣлавъ всѣ нужные запасы на зиму, возвращаются опять въ городъ. *Собранія* въ городахъ, разумѣется, имѣютъ иной характеръ, чѣмъ въ деревняхъ. Всякія разсужденія тамъ несравненно сдержаннѣе, а прыганье гораздо умѣреннѣе. Побаиваются и полиціи, и любопытства господъ и среди городскихъ прыгуновъ рѣдко или вовсе почти не появлялись осѣненные духомъ; цари же и царицы жили исключительно по деревнямъ.

Вообще можно сказать, что жизнь закавказскихъ молоканъ, субботниковъ и прыгуновъ уже давно вошла въ довольно ровную колею, и теперь едва-ли уже возможно появленіе какого-нибудь новаго толка, въ родѣ прыгунскаго. Молокане и субботники окрѣпли и установились въ своихъ обрядахъ и ученіяхъ. Духоборы, о которыхъ мы скажемъ впослѣдствіи отдѣльно, установились еще раньше. Разные мелкіе толки въ родѣ общихъ, спасовцевъ, немоляковъ и пр. исчезаютъ и присоединяются къ молоканству, прыгунству или субботничеству.

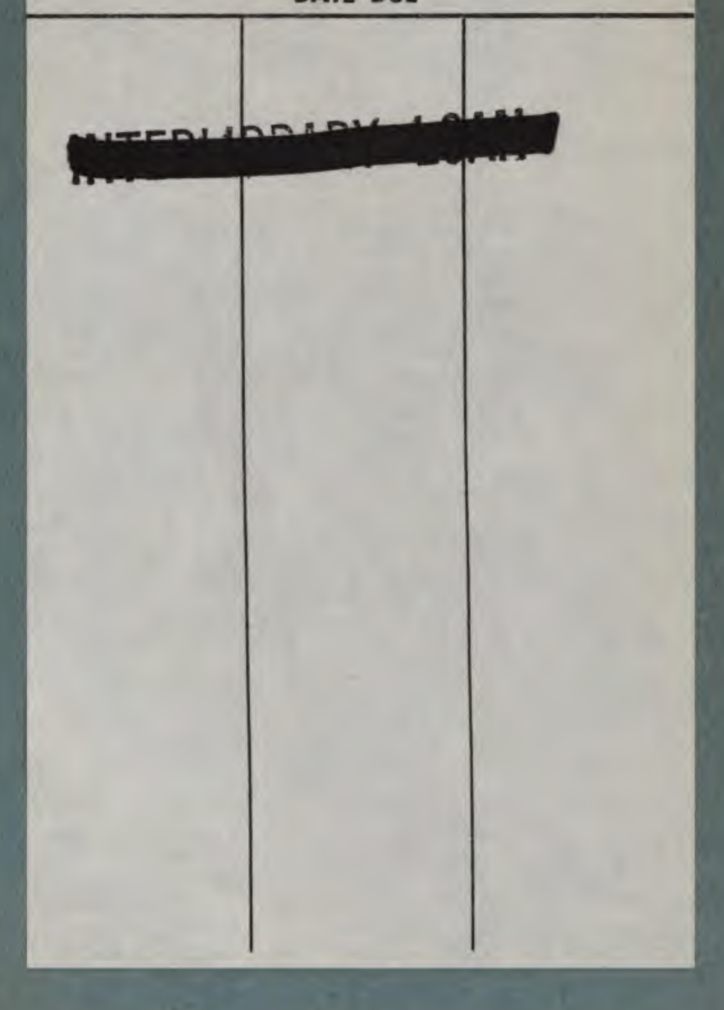
Въ отношеніи экономическомъ, русскіе сектанты окончательно обжились и устроились за Кавказомъ и, глядя на ихъ привольное житье-бытье, поражаешься только однимъ. Никто изъ нихъ не томился тоской и не мечтаетъ о далекой родинѣ; никто не порывается особенно горячо возвратиться домой, никто даже не спрашиваетъ и какъ будто вовсе не интересуется тѣмъ, что дѣлается тамъ, въ далекой и недоступной для нихъ внутренней Россіи. Большею частью они уже совершенно оторваны отъ прежней родины. Старики еще помнятъ и тамбовскихъ, и сибирскихъ, и саратовскихъ своихъ родичей, помнятъ, что раз-

ставались больно и тяжело съ тѣми мѣстами, гдѣ родились и выросли, но проживъ за Кавказскимъ хребтомъ два-три и болѣе десятковъ лѣтъ, они теперь не только примирились съ своей участью, но искренно признали, что и мѣста и воздухъ здѣсь *не въ примѣръ* лучше тамошнихъ и, почти забывъ родину, искренно привязались къ новому мѣсту. гдѣ уже народилось поколѣніе, не имѣющее о прежнемъ житьѣ ни малѣйшаго представленія и выросшее всецѣло при новыхъ условіяхъ жизни.

Типографія М. М. Стасюлевича. Спб. Вас. Остр., 2 линія, 7.

3 9015 06238 8627

[redacted]

